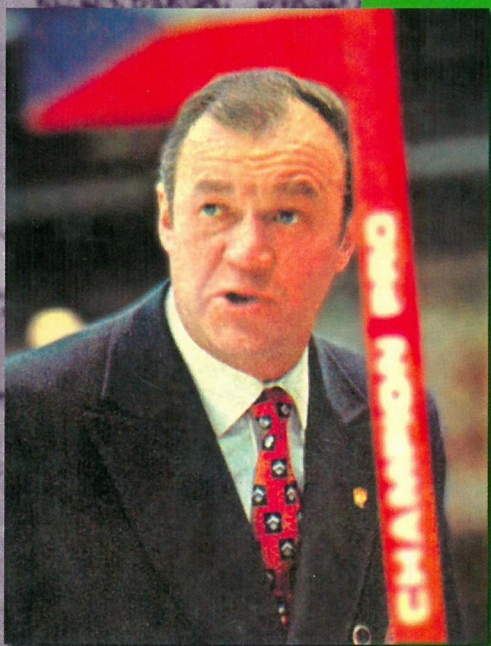

Владимир Пахомов

ВСЕВОЛОД БОБРОВ - ГЕНИЙ ПРОРЫВА

ОЛМА-СПОРТ

Владимир Пахомов

ВСЕВОЛОД БОБРОВ- ГЕНИЙ ПРОРЫВА

Москва
«ОЛМА-ПРЕСС»
2002

ББК 75.3
П 217

Пахомов В.Н.

П217 Всеволод Бобров — гений прорыва. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 318 с.

ISBN 5-224-03824-3

Рассказано о наиболее интересных моментах жизни и судьбы в спорте легендарного советского футболиста и хоккеиста, а впоследствии тренера Всеволода Михайловича Боброва.

Для широкого круга читателей.

ББК 75.3

ISBN 5-224-03824-3

© В.Н. Пахомов, 2002
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002
© Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», оформление, 2002

*80-летию со дня рождения
Всеволода Боброва посвящается*

«На поле памяти народной»

Когда не стало Всеволода Боброва, в некрологе, опубликованном в «Советском спорте», были поэтические строчки, принадлежавшие перу Евгения Евтушенко. Они впервые увидели свет за 10 лет до смерти Боброва на страницах еженедельника «Футбол-Хоккей»:

...и вечно — русский,
самородный
на поле памяти народной
играет Всеволод Бобров.

«Он был из числа тех спортсменов, о которых складывают легенды», — писал «Советский спорт», сообщая о его смерти.

Некоторые цифры весьма красноречиво напоминают, как играл В. Бобров. В 1950 году, играя за ВВС, он забросил в ворота ленинградского «Динамо» 8 шайб, а спустя сезон в одной из игр с той же командой — 10. Во встрече второго круга чемпионата СССР 1949 года с московским «Спартаком» он забросил также 8 шайб, но подряд. Наверное, мог бы добиться в тот вечер и большего, но сказалась давняя травма: из-за нее после второго периода при счете 8:1 ему пришлось покинуть площадку (армейцы тогда победили со счетом 9:2).

В 115 матчах на первенство страны по футболу в 1945—1953 годах В. Бобров забил 97 мячей. В 17 матчах чемпионата 1948 года, принесшего армейцам в первенствах СССР третью победу подряд, на счету этого футболиста оказалось 23 гола. В среднем за встречу — это 1,35 мяча. И эти достижения пока не превзойдены.

За сборную СССР по футболу В. Бобров, будучи ее капитаном, сыграл на Олимпиаде 1952 года всего три раза и забил пять мячей. Нетрудно представить его среднюю результативность в каждой игре. Выше ее нет ни у кого из футболистов, приглашавшихся в главную команду страны!

— Всеволод был гений, — вспоминал однажды о Боброве замечательный футбольный тренер Борис Андреевич Аркадьев. — Я был влюблен в него, как институтка. Совершенная человеческая конструкция. Идеал двигательных навыков. Чудо мышечной координации. Он не думал, не знал, почему надо действовать так, а не иначе. То было наитие. Поистине Всеволод — всем владел. Ему не было равных не только в футболе и хоккее. Он впервые взял в руку ракетку для пинг-понга, и в тот же час ему не стало равных в пинг-понге.

Однажды к корту ЦДКА, где играли теннисисты, подошел Бобров. Он с интересом следил за поединком, а потом попросил разрешения выйти на корт. И что же? Чуть ли не впервые в жизни стал играть на равных с известным теннисистом.

Примерно такая же история случилась в

бассейне. Едва попав к ватерполистам, он повел себя среди них так, словно вода и мяч всегда были его стихией.

Известный тренер по фехтованию Виталий Аркадьев, подготовивший немало чемпионов СССР, Европы, мира, Олимпийских игр, брат-близнец Бориса Андреевича, был убежден, что из Боброва вышел бы первоклассный фехтовальщик.

Дважды Герой Советского Союза Борис Волынов рассказывал мне, как однажды космонавты, находясь на отдыхе, увидели на Черном море воднолыжника, искусно мчавшегося за катером. Велико же было удивление Волынова и других летчиков-космонавтов, когда они узнали, что это — Бобров, которому тогда шел 48-й год.

«Бобров жил в спорте, как птица в воздухе» — афоризм Виталия Аркадьева, в 30-х работавшего футбольным тренером (занимался, например, с московской командой мастеров «Буревестник»)!

Юрий Зерчанинов и Александр Нилин в книге «Лимит чистого времени» заметили, что общее представление о Боброве немедленно, с энергией сотни эпитетов, вложилось в необыкновенную емкость обыкновенного усечения фамилии до болельщицки-панибратского, однако возвышенного до истории — «Бобер». «И имя, присвоенное ему трибунами, мог вместить, выдохнув его из себя при высшем проявлении связанных с футболом эмоций, все свое знание об игре и самый неискушенный

ценитель, и профан, неожиданно просвещенный, неожиданно посвященный в суть самим присутствием в мире Боброва — «Бобра», то есть».

Боброва любовно называли еще «Курносый», в основном за глаза, близкие друзья, кое-кто из партнеров. Известный хоккейный тренер Николай Эпштейн, через всю жизнь пронесший уважение к Боброву как к спортсмену, тренеру, да и просто как к человеку, прозвывая «Курносый», всегда заметно теплеет.

И все же «Бобер» прижился больше. Когда Всеволод перешел из одной команды Вооруженных Сил (ЦДКА) в другую (ВВС), то зрители, в те времена неодобрительно относившиеся к перемещениям игроков, особенно кумиров, для него не сделали исключения — его появление в форме спортсмена ВВС трибуны встречали, особенно поклонники хоккея, скандированием: «Боб-ра с по-ля! Боб-ра с по-ля!» И никто не кричал: «Курносого с поля!»

Родом из курносого детства

Антонина Михайловна Боброва, сестра Всеволода, убеждена, что всему хорошему ее младший брат обязан детству и юности, проведенному в Сестрорецке. Сам Всеволод ценил помощь, которую оказали ему в детстве отец и другие старшие члены славной рабочей семьи. Он нежно любил родителей, сестру, брата. Но никто никогда не слышал, чтобы Бобров повел разговор о роли семьи в своей жизни, или вдруг сказал бы, что воспитание спортсмена начинается в семье, ибо он никогда не произносил лозунгов, какими бы важными они ни были. Ему казалось, что даже самые правильные фразы в его устах могут выглядеть пустыми, заезженными. Он умел говорить без громких слов, и это позволяло ему, став тренером, доходить до сердца каждого спортсмена.

Отец Боброва — Михаил Андреевич, был потомственным рабочим на прославленном Путиловском заводе. Несколько раз участвовал в стачках, от призыва в царскую армию спасался дезертирством. В Петрограде встретил Октябрьскую революцию. Спустя два года по состоянию здоровья переехал в Подмосковье,

вполне понятно, захватив семью. Но было не до лечения. По призыву столичного пролетариата Бобров отправился в Тамбовскую губернию заниматься продразверсткой.

Перефразируя поэта, можно сказать, что Бобровы учили революцию не по Гегелю. Дети слышали воспоминания родителей о революции, в их рассказах упоминались империалистическая и гражданская войны, разруха, голод, биржи труда, беспризорные, банда Антонова.

Однажды в Островку, это между Сасово и Моршанском, куда Бобровы приехали из Подмосковья, около двух часов дня ворвалась одна из антоновских банд. По малейшему недовольствию чем-либо, по навету недовольных советской властью, напавшие могли убить каждого, кто попадал в поле зрения, не щадя ни женщин, ни детей. Среди погибших в тот день оказались добрые друзья Бобровых — бухгалтер с женой. Вся вина его была в том, что он вел строгий учет хлебу, отправлявшемуся по всей стране голодающим, в первую очередь детям.

Нетрудно представить, что ждало бы Лидию Дмитриевну с Тосей и Володей (Всеволод еще не родился), узнай головорезы, что привело ее мужа на Тамбовщину.

Едва антоновцы умчались из Островки, как Лидия Дмитриевна, подхватив детей, пошла в сторону Сасово. Испуганная, оказавшаяся свидетельницей чудовищного разгула бандитов, она стремилась как можно скорее оказаться под защитой советской власти. В пути мать с двумя детьми неожиданно увидела

стремительно мчавшихся навстречу ей конников. Она понимала, что второй раз за короткое время судьбе не смилостивиться над ней, но всадники оказались красноармейцами, среди которых был и Михаил Андреевич. Узнав о появлении антоновцев, он, очень встревоженный за жизнь жены и детей, оставшихся в Островке, присоединился к конникам, которым было поручено восстановить порядок, нарушенный бандитами.

Позднее семью Боброва поселили в Моршанске, на окраине которого, неподалеку от лесопильного завода и детского приюта, на берегу Цны, и родился 1 декабря 1922 года Всеволод Бобров.

Из Моршанска Бобровы позднее переехали в Гатчину, потом на станцию Тайцы, а оттуда в Сестрорецк. Михаил Андреевич устроился электриком в один из санаториев, а позднее перешел на завод имени Воскова.

У дома, где жили Бобровы, был большой двор. Здесь зимой заливалась площадка. В порядок ее приводили и взрослые, и дети. Будущему заслуженному мастеру спорта и заслуженному тренеру СССР было 7 лет, когда он с лопатой начал чистить лед. Глядя на взрослых, курносый мальчишка работал всегда усердно. Отговорить его от работы никто не мог.

По соседству с хоккейным полем устраивали ледяную горку для катанья, в заливке которой участвовали все обитатели двора. В теплую пору года во дворе неизменны были всевозможные игры с мячом.

Великодушие считается категорией нравственности, оно не передается по наследству, какими бы великодушными ни были родители. Но великодушие воспитывается ими.

У Лидии Дмитриевны и Михаила Андреевича, замечательных русских людей, была большая родня. Внутри каждого родственного клана считалось в порядке вещей приходить на помощь друг другу, независимо от расстояния, чрезвычайных событий в стране (война, голод, разруха). Помогали советом, дружеским сочувствием, устройством на работу, делили кров. Рады были бы помочь и материально, но не было среди Бобровых или Ермолаевых (девичья фамилия Лидии Дмитриевны) богатеев.

Внутри семьи Бобровых непрременной обязанностью считалась забота старших о младших. Тося трогательно помогала Володе, тот в свою очередь души не чаял в братишке, которому со временем достались заботы о Борисе, племяннике Лидии Дмитриевны, перенесшем в войну ленинградскую блокаду, потерявшем родителей и усыновленном Михаилом Андреевичем.

От Лидии Дмитриевны и Михаила Андреевича, их ближайших родственников исходило столько тепла, ласки, что это не могло не сказаться на окружающих, в первую очередь на детях, которые подрастали послушными, прилежными, добрыми.

Бобровы поддерживали у детей любовь к спорту, помогали регулярным занятиям. Михаил Андреевич в юности увлекался футбо-

лом, русским хоккеем. Но не всем желающим был открыт путь в спортивные клубы. Руководители одного из них — «Коломяги», считавшегося в Петербурге одним из ведущих, однажды обратились к своим футболистам с призывом: «Будем и впредь заботиться, чтобы семья наша избежала притока нежелательных элементов».

После Октябрьской революции на предприятиях недавние «нежелательные элементы» организовывали спортивные команды. Не стал исключением и завод имени Воскова. Михаил Андреевич играл в хоккей с мячом правым защитником за первую заводскую команду. Его постоянно избирали капитаном.

На стадион, как и все в Сестрорецке, Бобровы шли «болеть» всей семьей. После матча капитан приглашал к себе друзей. К этому времени был готов вкусный обед, потом вместе пили чай с вареньем, играл патефон. Едва хозяйка убирала стол и уходила на кухню, а Тося шла помогать маме мыть посуду, начинался своеобразный разбор матча. Братья внимательно слушали разговор старших.

Традиция после игры собираться с партнерами сохранилась у Бобровых и после того, как Михаил Андреевич закончил играть, с той лишь разницей, что на пироги к Лидии Дмитриевне стали со временем приходить друзья Володи и Севы. Но также за чаем обсуждались перипетии поединков, текли бесконечные рассказы о недавнем матче.

Бобров на всю жизнь сохранил привязан-

ность к мальчишникам, своеобразным послеигровым посиделкам с друзьями. В течение почти трех лет партнеры приходили к нему, особенно после матчей, в 420-й номер гостиницы ЦДКА, где до сентября 1947 года жил Бобров. А потом они стали съезжаться в квартиру № 8 дома около станции метро «Сокол», который молва окрестила генеральским из-за высоких воинских званий многих его жильцов.

Были бы в какой-то мере понятны такие посиделки известных футболистов у Боброва, будь он капитаном. Но избирали на эту роль Федотова, а потом Гринина. А тянулись к Боброву по нескольким причинам. По неписаной традиции на бобровских посиделках шел неофициальный разбор матча. Точка зрения Боброва считалась самой объективной, самой справедливой. Молодым людям, особенно еще не успевшим обзавестись семьей, нравилась обстановка, окружавшая Боброва. После смерти Лидии Дмитриевны обязанности радушной, гостеприимной хозяйки на долгие годы приняла Антонина Михайловна.

Первый капитан сборной СССР по хоккею стал на коньки около девяти лет. Ему достались от брата старые «снегурки». Он прикреплял их к валенкам с помощью шпагата и карандашей, экспроприированных у сестры и брата. Кстати, Всеволод был убежден, что брат играл сильнее его — и в футбол, и в русский хоккей. Наверное, и он смог бы стать известным спортсменом. Но помешала война — Владимира Михайловича тяжело ранило.

Играли братья самодельными клюшками. Делали их по чертежам Володи, не по годам рассудительного, прозванного «головой» не только за умение мастерить клюшки. Избравшийся, как и отец, капитаном, он подыскивал площадку для тренировок команды, заботился о форме, подбирал соперников. Подросткам нравились золотые Володины руки.

На конском дворе Сестрорецка мальчишки были готовы выполнить любую работу, лишь бы им отдали ненужные дуги, которые распиливались. Получившиеся крюки потом прикрепляли к палкам и плотно обматывали сырым ремнем.

Первые в жизни матчи Всеволод провел в кругу семьи, в которой, за исключением Лидии Дмитриевны, все любили играть в хоккей. Глава семьи одерживал легкие победы, но затем, когда подрос младший сын, ему крепко доставалось на льду, и он был вынужден объединиться с неплохо игравшей Тосей. Матчи нередко продолжались до тех пор, пока Лидия Дмитриевна не загоняла хоккеистов на ужин.

Михаил Андреевич старался приучить сыновей к заботливому отношению к хоккейной амуниции. Володя и Сева видели, как отец перед матчем прилаживал клюшку, точил коньки, аккуратно надевал форму, заботливо подготовленную женой. Уроки отца не прошли бесследно. Не было матча, чтобы у Боброва футболка вылезла из трусов, гетры были спущены... После хоккейного матча он прилежно снимал дос-

пехи, коньки, клюшку непременно ставил на положенное место или связывал с запасными. Форму непременно вешал сушить, не забывая при этом посмотреть, нет ли нужды что-либо отремонтировать.

Бобровы — сестра и два брата — увлекались не только подвижными играми. Они хорошо плавали в Финском заливе, который все в Сестрорецке называли морем.

Поддерживая у детей любовь к спорту, Лидия Дмитриевна и Михаил Андреевич очень хотели дать им музыкальное образование. Накопив требуемую сумму, семья купила пианино. К двум мальчуганам и их сестре пригласили педагога. Но уроки музыки оказались для братьев сущей пыткой. Сначала они могли заниматься не больше пятнадцати минут, а затем отказались и от этого. Родителям не составило особого труда убедиться, что достаточных музыкальных способностей у сыновей нет, и они не стали заставлять их садиться за пианино.

Но не только двор с его бесконечными жаркими футбольными или хоккейными встречами звал Всеволода Боброва. Его с детства влекла природа. Из-за любви ко всему живому, растущему, он не стал черствым, холодным человеком, равнодушным к чужому горю.

Худенький парнишка, по росту едва ли не самый маленький среди сверстников, он подолгу пропадал в лесу. Собирал цветы, рано уяснив, какие букеты сохраняются долго, а

какие быстро увядают. Ловил птиц, причем главным для него была не ловля, а сам процесс: азарт поимки заставлял быть искусным, смекалистым, требовалось проявлять немалое терпение и выдержку, прежде чем блеснуть взрывной реакцией. Не так ли, много лет спустя, Бобров будет ждать, когда ошибется кто-нибудь из соперников, в первую очередь опекавший его защитник, а он, внешне флегматичный, вроде бы ко всему равнодушный, взорвется и забьет гол?

Пойманную птаху юный птицелов помещал в одну из клеток, изготавливать которые он был мастер, и постоянно ухаживал за нею: регулярно приносил воду, корм, чистил клетку.

Он мог подолгу наблюдать за птичкой, словно стараясь понять ее поведение и доверительно поговорить о чем-то своем. Затаив дыхание, слушал пение, с годами комментируя его, будто научился понимать птичий язык.

Порой взрослые предлагали мальчику монетку на пирожное или мороженое, лишь бы он выпустил птицу на свободу. Паренек в таких случаях поражался взрослым — зачем нужны ему их деньги? Ведь он все равно выпускал пернатых без всякого выкупа. Любопытно, что некоторые птички, выпорхнув на свободу, возвращались к мальчугану, словно ценя его доброту и отодвигая момент окончательного расставания.

Случались и конфликты с родителями. Тут уж, как говорится, ни убавить, ни прибавить: в лес он мог отправиться порой в три часа ночи. Михаилу Андреевичу, к тому времени получившему диплом инженера-инструментальщика по холодной обработке металла и работавшему преподавателем в школе ФЗУ, казалось, что при его служебном положении не годится иметь сына, заядлого птицелова.

На ночь квартира Бобровых запиралась самыми хитроумными запорами, чтобы не убежал младший сын. Но он ухитрялся открыть замок с любым секретом, как бы ни сторожили его родители. Лишь бы в лес за цветами, ягодами, птицами!

Вот так же настойчиво, спустя десятилетия, Всеволод стал прорывать любую защиту, как бы его тщательно ни опекали самые искусные соперники. «„Насквозь“ — вот был закон Боброва», — сказал со временем поэт, быть может, и не предполагая, что гений прорыва поступал так еще в детстве и юности, правда, не задумываясь над этим и принося определенные неприятности родителям.

Почти всю жизнь Бобров держал в московской квартире одну-две певчих птички, заботливо ухаживая за ними, прекрасно зная их повадки. Во всяком случае по каким-то только ему известным приметам Всеволод Михайлович определял причину хорошего настроения или грусти пернатых приятелей.

Помимо певчих птичек, Бобров любил голубей, прекрасно разбирался в почтовых, декоративных, спортивных, но никогда не гонял их по крышам. Когда ездил к брату в Косино, тогда на границе с Москвой, захватывал корм для его голубей. Уезжая от Владимира, брал несколько птиц с собой, чтобы с дороги выпустить назад.

По пути от брата Бобров любил заехать на Калитниковский рынок, который москвичи многих поколений называли Птичьим, или просто «Птичкой». Ничего не покупал, хотя и приценился, заговаривал с продавцами, интересовался, какой корм они сегодня предлагают. Зато к домашним рыбам был равнодушен. Аквариумами, в отличие от клеток, не увлекался, считая, что место любой рыбы в пруду, реке, море.

Из детства принес Бобров любовь к базарам. Однажды в Минске мы вместе пошли покупать яблоки. Осень выдалась урожайной. Продавцы ведрами предлагали дары садов. Глаза разбегались — на чем остановиться, у кого сделать покупку?

Бобров уверенно шел по яблочным рядам. Он быстро сходил с продавцами — шутил, кого-то незлобно упрекал, уверяя, что плоды недозрели, кому-то с улыбкой предлагал сбросить цену, поскольку, мол, яблоки с кислинкой. В конце концов мы купили по ведру очень вкусных плодов. Через несколько дней я позвонил Боброву и сказал, что в семье все остались довольны привезенными из Минска ябло-

ками. А он в ответ: «Скажи лучше об этом Михаилу Андреевичу, он у нас мастак яблоки выбирать, выходит, и меня научил...»

Но не только семья влияла на формирование характера Боброва. После семилетки Всеволод поступил в школу ФЗУ. Окончив ее, стал слесарем-инструментальщиком 4-го разряда. В рабочей среде будущий знаменитый спортсмен и тренер встретил немало людей, которые учили не только профессиональному мастерству, но и воспитывали у ребят трудолюбие, скромность. Они были живым воплощением рабочей чести, искреннего уважения, которое приносят золотые руки.

Среди первых наставников Боброву особенно запомнился Первухин. Случалось, что в уютной квартире Боброва, когда он уже стал знаменитым спортсменом, в тесном дружеском кругу заходил разговор о самых дорогих для собравшихся людях — один вспоминал первую учительницу, другой — старшину в армии, а хозяин дома в таких случаях называл Ивана Христофоровича. Видимо, удивительным мастером, замечательным педагогом был этот простой ленинградский рабочий, коль скоро прославленный Бобров пронес к нему любовь через всю жизнь.

Не мог Бобров забыть и токаря высшей квалификации Викторова, с которым каждый в Сестрорецке почитал за честь поздороваться, выслушать совет. У него было четыре сына — Семен, Павел, Владимир и Анатолий, которые

трудились вместе с отцом (здесь же на заводе работали также братья Комаровы — Владимир и Иван, Шавыкины — Георгий и Василий). За исключением одного из братьев Викторových — Семена, имевшего физический недостаток, все они успешно играли в футбол и русский хоккей (особенно преуспел из сестрорецких парней, помимо Боброва, Анатолий Викторovich — со временем в составе хоккейной команды ВВС он стал трехкратным чемпионом СССР). Вполне понятно, молодые рабочие тянулись к игрокам своих заводских команд, при этом они не могли не отметить для себя, что их кумиры в спорте вместе с ними каждое утро направлявшиеся к заводской проходной, отлично трудились.

И вот настал день, когда Бобровы провожали Всеволода на настоящий матч — с судьей, при зрителях. Ему было уже 18 лет, и тем не менее родители собрали молодому хоккеисту сверток (чемоданчик считался тогда роскошью) с коньками и лыжным костюмом, в котором тогда выступали участники всех соревнований по русскому хоккею.

...Бобров не успел завоевать широкую популярность — началась война.

Годы, проведенные в славном трудовом коллективе завода имени Воскова, помогли Боброву в Омске, где оказался в начале войны завод, на котором он работал. Спустя много лет капитан сборных СССР по футболу и хоккею вспоминал, что уже на следующий

день после прибытия была поставлена задача в кратчайший срок наладить на новом месте выпуск продукции.

Сложные задачи не пугали эвакуированных. Прибывшим всем чем могли помогали общественные организации и жители Омска. Но едва начался монтаж оборудования в цехах пока без крыш, как пошли обильные дожди. Вокруг непролазная грязь. И все же, несмотря на непогоду, смену климата, эвакуированные вместе с омичами работали по четырнадцать, а иногда и больше, часов в сутки.

Люди работали при свете факелов, не хватало жилья — спали прямо в цехах.

— Порой не было смысла ехать домой и возвращаться назад, — рассказывал мне Бобров. — Ночевали, кто на земляном полу, кто на соломе. Впрочем, ночевали — это не то слово: всего два-три часа тревожного сна, и снова на ногах.

Когда намного раньше срока завод дал первую продукцию, ликование не было границ.

Всеволод сменил специальность, что было у эвакуированных обычным делом. Недавний слесарь-инструментальщик стал сборщиком-механиком в цехе, где изготовлялись артиллерийские прицелы. И ему всегда хотелось, чтобы прицелы, изготовленные в Омске, непременно попали к брату Владимиру, артиллеристу.

В эвакуации Бобровы оказались все вместе — Лидия Дмитриевна вела домашнее хозяйство (позже, здесь же в Омске она умерла),

Михаил Андреевич возглавлял ОТК завода, а Антонина Михайловна работала сначала мастером цеха, а потом диспетчером.

Но как ни тяжела была работа, молодежь тянулась к спорту. Для разрядки по 20—30 минут играли в футбол на площадке, расчищенной посередине заводского двора.

В душе молодые рабочие, конечно, понимали, как важен их труд. И все-таки иногда им казалось обидным находиться в тылу. Несколько раз обращался в военкомат и Бобров, пока в августе 1942 года он не получил долгожданную повестку. Но вместо фронта его отправили в военное училище.

Будучи курсантом, Бобров играл в футбол. Приходилось выезжать на матчи и далеко от Омска. Играл он отлично, и слава о нем быстро дошла до Москвы. В какой-то мере этому способствовало то обстоятельство, что в командах эвакуированных в Сибирь предприятий оказалось немало футболистов, до войны выступавших на всесоюзной арене. В письмах в родные города они рассказывали о появившемся в Омске незаурядном новичке. О курсанте омского училища стало вскоре известно и руководителям армейского спорта.

Примерно в конце 1943 года, когда на фронтах наступил перелом, в Центральном Доме Красной Армии имени Фрунзе начала возобновляться спортивная жизнь, нарушенная нападением фашистов. Отдел спорта ЦДКА в то время возглавлял Дмитрий Васильев, один из пер-

вых в стране заслуженных мастеров спорта. Прекрасный лыжник, неоднократный чемпион СССР, он хорошо знал приказ Реввоенсовета СССР № 6 от 10 января 1934 года. Начальнику ЦДКА предписывалось создавать у себя всеармейские сборные команды по важнейшим видам спорта и готовить их к выступлениям в первенствах страны. Приказ требовал «не только образцовой организации физической культуры, но и высших технических результатов по всем видам спорта».

Вполне понятно, что в суровые военные времена начальнику ЦДКА и отделу спорта было не до создания армейских команд и подготовки спортсменов высокого класса. Но стоило измениться обстановке на фронтах, как известный приказ Реввоенсовета СССР приобрел былую актуальность. Отдел спорта ЦДКА усиленно занимался поиском в частях и военных учебных заведениях талантливых спортсменов для лучшей армейской команды. Не остался без внимания и сигнал о мастерстве Боброва, выпускнике Омского интендантского училища.

Боброва, вызванного в Москву, встретил на вокзале Яков Цигель. Его хорошо знали футболисты и хоккеисты нескольких поколений. Он работал в разное время администратором, тренером команд, выполнял отдельные поручения спортивных работников. На встречу с Бобровым он приехал как служащий части генерала Василькевича.

Поздоровались. Бобров заметил встретившему, что ему, выпускнику Омского интендантского училища, велено прибыть в распоряжение Главного политуправления Красной Армии. Спросил как туда проехать.

— О твоих голах в Сибири все в Москве наслышаны, — заметил Яков Исаакович. — Тебя хотят направить в ЦДКА. А пока давай поедем к нам, к Василькевичу. В ЦДКА ты еще успеешь. Но сейчас в состав тебе не пробиться. В команду пришел тренером Аркадьев из «Динамо». Пока он разберется что к чему, и на тебя, наконец, обратит внимание, знаешь сколько времени пройдет! Неужели хочется на скамейке запасных сидеть? А в команде авиаучилища — не слышал о такой? — недобор. Так что, давай прямо поедем к Виктору Эдуардовичу, мужик толковый, ждет нас...

Бобров, в ту пору не очень разбиравшийся в структуре армейского спорта, не видел никакой разницы, за какую команду Вооруженных Сил ему следует играть. Недолго думая, он отправился с Цигелем к Василькевичу, а спустя некоторое время появился на поле в составе команды авиаучилища, встречавшейся с «Динамо-2».

Впервые представители 1-го Московского Краснознаменного военного авиационно-технического училища — курсанты и преподаватели — появились на футбольных и хоккейных полях столицы еще накануне войны. В войну они участвовали в московских соревнованиях

как «команда Василькевича», а затем, к моменту приезда Боброва в Москву, это была уже «команда авиаучилища».

В день своего дебюта прибывший в Москву Бобров, выступая в роли центрального нападающего, забил на стадионе «Динамо» два гола. На новичка обратил внимание «Красный спорт». В заметке за подписью Юр. Ваньята говорилось, что «это, бесспорно, игрок с большим спортивным будущим».

Скромная информация в спортивной газете привела к очередной перемене в судьбе Боброва. «Как это так? — удивились в ГлавПУРе, — почему Бобров играет за авиаучилище, а не за ЦДКА?» Василькевичу после этого крепко досталось, и он был вынужден отпустить нового футболиста, успевшего провести три матча в футболке авиаучилища.

Бобров оказался в ЦДКА. Но футбольный сезон уже закончился, и предстать перед Аркадьевым он поэтому не успел. Почти все армейские футболисты, как, впрочем, и игроки других команд, в то время зимой увлекались русским хоккеем. С наступлением заморозков начинались тренировки, первые товарищеские матчи. За будущими партнерами потянулся и Всеволод. Занимался он с большой охотой, чувствовалось, он соскучился по игре, хорошо знакомой с детства.

Так что перед поклонниками ЦДКА Бобров появился впервые в составе команды по русскому хоккею, или бенди, как еще тогда гово-

рили. С его приходом мощь команды ЦДКА заметно возросла. Армейцы вышли в финал розыгрыша кубка СССР, где встретились с командой авиаучилища. Всеволод увидел среди соперников немало тех, с кем он успел познакомиться после приезда в Москву и с кем провел три матча на футбольных полях. Но это обстоятельство не огорчало, а, скорее, подзадоривало Боброва. Когда он выходил на любую спортивную площадку, ему было безразлично, кто оказывался перед ним — отец, брат, лучший друг, — он против любого соперника играл с полной отдачей сил, и чем лучше Всеволод знал соперников, тем азартней становился он в борьбе. Вот и в том финальном матче Бобров не делал никак поблажек недавним партнерам в футболе. Именно он забил решающий мяч, команда ЦДКА победила со счетом 2:1.

Закончив хоккейный сезон, футболисты команд мастеров, включая армейцев, приступили к тренировкам в зале. Вот тогда впервые Аркадьев в футболке ЦДКА увидел Боброва, о голах которого в русском хоккее, а главное о его мастерстве, уже всюду шла слава. Видимо, поэтому на склоне лет Борис Андреевич в одной из бесед сказал, что Бобров попал к нему в ЦДКА как хоккеист, явно забыв, как Всеволода, направлявшегося в Центральный Дом Красной Армии, перехватил Цигель, из-за чего будущий любимец Аркадьева не смог провести концовку футбольного сезона 44-го года в армейской команде.

Едва увидев, как Бобров занимается в зале, Аркадьев понял, что встретился с великим спортсменом.

Чемпионат СССР 1945 года стартовал 13 мая, а 19 мая команда ЦДКА встретилась с московским «Локомотивом». У зрителей, собравшихся на стадионе «Сталинец», исход матча не вызывал сомнения (на поле вышли далеко не равные по силам соперники — армейцы завершат чемпионат на втором месте, выиграют Кубок СССР, а железнодорожники окажутся в таблице на 12-м последнем месте). Многие болельщики ЦДКА пришли лишний раз полюбоваться эффектными голами любимцев, прежде всего Федотова, редко уходившего с поля без гола. Вот и в тот день он дважды поразил ворота соперников. Но матчу было суждено войти в историю по другой причине (игры, в которых Федотов забивал по два мяча, не были редкостью).

Примерно за 15 минут до конца матча при счете 4:1 в пользу ЦДКА зрители увидели, как высокий курносый парень с челкой поднялся со скамейки за воротами армейцев (до мая 1947 г., когда по ходу матча сталинградского «Трактора» с ВВС в игру вмешался тренер летчиков Анатолий Тарасов, которому не понравилось одно из решений арбитров; тренеры, врач и запасные игроки неизменно сидели за воротами своей команды). Никто, кроме вратаря Никанорова, не слышал, как Аркадьев незадолго до этого сказал: «Бобров, попрыгайте. Будете менять Щербатенко».

Боброву в тот миг голос тренера показался до обидного спокойным, а потому захотелось в ответ попросить выпустить его в другой раз. Это не был испуг перед первым в жизни выходом на поле, на котором играют мастера. Душевный, мягкий человек опасался, как бы из-за его появления не поломалась бы так хорошо сложившаяся игра.

Но Бобров повезло. И в том, что он попал под опеку мудрого тренера, и в том, что он оказался среди удивительно симпатичных больших мастеров, умевших поддержать толкового новичка. Раз-другой Бобров, выйдя на поле, ошибся. Но партнеры сделали вид, что ничего не произошло. Более того. Вскоре новенькому последовал пас от Федотова, затем две прекрасные передачи сделал ему Николаев, заботливо перемещался рядом по полю Демин.

Бобров понял, что партнеры повели игру на него. Это было то, что надо, ведь прорыв всегда был его стихией. И новичок начал таранить оборону «Локомотива». С момента его выхода на поле прошло всего пять минут, когда он забил гол с великолепной подачи Федотова.

В то время футбол был немыслим без персональной опеки. Правые защитники, например, играли против левых крайних нападающих соперника, левые полузащитники против правых инсайдов и т. д., иначе говоря, каждый игрок имел своего персонального «опекуна». К Щербатенко железнодорожники прикрепили Николая Эпштейна, известного затем по рабо-

те с хоккеистами воскресенского «Химика». Пожалуй, это был единственный игрок в «Локомотиве», к которому в тот день невозможны были претензии. С «опекой» Щербатенко, футболиста несколько медлительного, правда обладавшего сильным ударом с левой ноги, Эпштейн вполне справился. Поэтому, когда на поле вышел Бобров, «Локомотив» никаких перестановок не сделал.

Между тем Эпштейн сразу почувствовал, что незнакомый парень намного подвижней Щербатенко. Но это обстоятельство поначалу никого в «Локомотиве» не насторожило. Велик ли прок из того, что новичок стремительно перемещается по полю?! Ведь и внешне видно, что он моложе 25-летнего Эпштейна, да и вышел со свежими силами. Побегает, побегает и устанет. Лишь когда Бобров забил гол, «Локомотив» забеспокоился и выделил Эпштейну подмогу. Но куда там! Бобров, теперь уже с подачи Николаева, снова отличился, ухитрившись перед этим на скорости обвести одного за другим трех соперников. Эпштейн посчитал гол на своей совести.

Могли ли соперники армейцев в той игре, зрители, работники уютного стадиона в березовой роще, симпатии к которому Бобров сохранил на всю жизнь, предполагать, что они — первые свидетели дебюта в большом спорте самого, наверное, талантливого советского футболиста и хоккеиста. Шла вторая неделя после салюта Победы...

«Сталинец» считался в ту пору далеким от центра стадионом, ибо от него было рукой подать до тогдашней границы Москвы. Болельщики, отправляясь на этот стадион, ехали на метро до «Сокольников», потом на трамвае их путь лежал по Стромынке, далее через Преображенскую площадь по Большой Черкизовской улице, посередине которой лежала полоса чахлого сквера. Потом трамвай сворачивал влево, а болельщики шли по Большой Черкизовской дальше, через небольшую плотину, мимо заболоченных прудов, на месте которых со временем появилось искусственное озеро с кинотеатром «Севастополь» на берегу.

Несмотря на отдаленность от центра, стадион в Черкизове любили и футболисты, и зрители. Его трибуны вплотную подходили к футбольному полю. «Сталинец» открывал сезон раньше динамовцев, которым поручалось проведение более значительных матчей.

Хотя машин в первое послевоенное время в Москве было мало, но на улице Горького и Ленинградском шоссе всякий раз возникали пробки, когда на стадионе «Динамо» предстоял футбольный матч. Плотным потоком растекались болельщики из двух вестибюлей станции метро «Динамо», а сотни людей, которым не достался билет, терпеливо стояли у ограды динамовского комплекса, прислушиваясь к шуму переполненных трибун и словно переживая заодно с владельцами билетов.

А какие тогда болельщики приходили на

трибуны «Динамо»! Генералы, руководившие взятием Берлина, офицеры, начинавшие войну рядовыми, бывшие солдаты в застиранных гимнастерках с орденами Славы и медалями «За отвагу» или «За боевые заслуги». А сколько зрителей было на костылях!

Люди, прошедшие войну, познавшие за неполных четыре года столько, что хватило бы в иное время на долю нескольких поколений, приходя на стадион, символ мирной жизни, любовались молодостью, порывом, жизнелюбием. Пожалуй, никогда еще у нас в спорте, в том числе и в футболе, не появлялось столько ослепительных самородков, как в первое послевоенное лето, словно восполняя тяжелые людские потери. В сезоне победного года впервые заиграли у московских динамовцев Хомич и Карцев.

Впервые появился Бобров, установив рекорд, державшийся несколько лет, — в чемпионате СССР 1945 года он забил 24 мяча. В каждом из двух матчей второго круга дебютант поражал ворота соперников один-два раза. Затем начался розыгрыш Кубка СССР и Бобров в пяти играх отличился шесть раз (с «Зенитом» четырежды).

Вчерашние фронтовики с восхищением смотрели на неудержимые прорывы Боброва. Защитники нещадно лупили его по ногам, хватали за футболку, а он все же убегал от них, чтобы забить мяч. Этот дерзкий нападающий со своими 30 голами в сезоне, в глазах зрите-

лей, олицетворял отвагу русских парней, которые шли с гранатой на танк, закрывали амбразуру вражеского дота, выносили под свист фашистских пуль немецкого ребенка, оказавшегося на нейтральной полосе, поднимали красный стяг над рейхстагом.

• Боброва трибуны сразу полюбили, он вызывал симпатии не только игрой. Нравилась его внешность: высокий, плечистый русский парень, курносый, со стрижкой под «бокс», популярной у бывших воинов. Он никогда не грубил, и это тоже нравилось. Единственный раз Боброва удалили с поля 3 июня 45-го года во встрече с «Зенитом». Видимо, тогда он что-то сказал арбитру Николаю Латышеву, который потом всегда категорично заявлял: «Я никогда не удалял Боброва». Но вот однажды, во время встречи ветеранов футбола с болельщиками в киноконцертном зале «София», Всеволод, слушая выступление Латышева, тихо произнес соседу: «Выгнал ведь, такой-сякой меня однажды с поля».

Был еще один секрет популярности Боброва — он играл за команду, представлявшую Красную Армию. Тогда, в 45-м, была особая любовь к Вооруженным Силам.

Днем 9 мая 1945 года я был на Красной площади, от края до края заполненной народом. Есть снимок, сделанный там, ставший едва ли не хрестоматийным: над толпой ликующих москвичей взлетает военный. Отчетливо помню, как в разных местах Красной площади

качали офицеров. А вот наград у них не помню. Быть может, их вообще не было, или они были, но очень скромные, неприметные, а потому мне не запомнившиеся. Наверняка, в тот день на Красной площади не оказалось ни одной знаменитости из участников войны, а откуда им было взяться, если с момента объявления об окончании войны прошло всего несколько часов. Еще кое-где в Европе гремели пушки — Красная Армия добивала гитлеровцев, не желавших признавать капитуляцию Германии, спешила в Прагу на помощь жителям восставшего города.

Но москвичам было совершенно безразлично, кто в этот день в военной форме оказался на Красной площади. В любом человеке с погонами они видели участника самой тяжелой в истории войны, одного из славных победителей.

Команда ЦДКА, за которую стал играть Бобров, тоже относилась к победителям. Правда, ее игроки, за редким исключением, не были на переднем крае, но в самые тяжелые месяцы 41-го они охраняли наркомат обороны, Генеральный штаб. Футболистов ЦДКА на трибунах окрестили «командой лейтенантов». После окончания войны лишь Федотов имел звание капитана, остальные были младшими лейтенантами, как, например, Бобров, лейтенантами или старшими лейтенантами. Они играли в красных футболках со звездочкой, что нравилось вчерашнему воину.

Писатель Василий Аксенов вспоминал: «Са-

мым, конечно, любимым был лейтенант Сева Бобров, который на футболе мог метров с двадцати, перевернувшись через себя, вбить «дулю» в «девяточку», ну, а на хоккее, заложив неповторимый вираж за воротами, вlepлял шайбу вратарю прямо «под очко». Да и внешностью молодой человек обладал располагающей: бритый затылок, чубчик на лбу, квадратная, наша, русская ряшка, застенчиво-нахальная улыбочка: Сева такой!».

А когда закончился сезон, Боброва из «команды лейтенантов», завоевавшей Кубок СССР, откомандировали в команду московского «Динамо» — чемпионы СССР отправлялись на родину футбола.

Самый модный цвет в футболе

Духовный подъем победителей обязывал динамовцев выступить с честью. Но никто ничего конкретного не знал о будущих соперниках. Таинственным в то время представлялся весь зарубежный футбол, не только английский. Правда, первые контакты наших и зарубежных спортсменов начались уже в первые годы существования советского государства, но до войны мы встречались лишь с рабочими клубами. Иных соперников у нас и не могло быть, поскольку советских спортсменов не признавала ни одна из международных федераций. Любому спортсмену или клубу, который осмелился бы встретиться с нами, грозило строгое наказание вплоть до пожизненной дисквалификации.

То, что англичане первыми прорвали блокаду вокруг нашего спорта и пригласили советских футболистов провести четыре игры еще до принятия тогдашней секции футбола СССР в международную федерацию, было неслучайно. В первую очередь, сказались всемирно-исторические победы Красной Армии, разгромившей фашизм и освободившей народы Европы,

включая английский, от нацистского порабощения.

В Англии преклонялись перед Советскими Вооруженными Силами. Сталинград, жителям которого в свое время король Георг VI подарил большой двуручный меч с инкрустированными ножнами, выкованный самыми опытными, потомственными английскими оружейниками, стал на Британских островах символом стойкости, мужества. В Англии с удовлетворением отмечали, что фельдмаршал Монтгомери после окончания войны был награжден советским полководческим орденом Победы. Первые демобилизованные из британской Рейнской армии тепло рассказывали о своих встречах с советскими воинами.

Англия, одна из стран антигитлеровской коалиции, стремилась играть активную роль в устройстве послевоенного мира. Английские дипломаты вместе с представителями Советского Союза, США и Китая на конференции в Думбартон-Оксе в 1944 году участвовали в разработке Устава ООН, который вступил в силу 24 октября 1945 года.

Правительство консерваторов и сменивших их летом 1945 года лейбористов не могло не считаться с преобладавшим не только в Англии, но и во всем мире настроением навсегда искоренить фашизм. С Лондоном связаны два события в истории международного молодежного движения. Здесь в 1942 году был образован Всемирный совет молодежи, а 7 ноября 1945 года Всемирная конференция (окончание

ее работы совпало с прибытием московских динамовцев) провозгласила создание Всемирной федерации демократической молодежи.

Тогда в английской столице собрались 437 делегатов и 148 обозревателей, представлявших студенческие, скаутские, а также спортивные, религиозные, кооперативные, профсоюзные, политические и культурные организации молодежи 63 стран, включая 60 посланцев Советского Союза во главе с секретарем ЦК ВЛКСМ Николаем Михайловым.

Никто не испытал трудностей с получением въездных виз. Не возражали в английском правительстве и против прибытия советских футболистов. На Британских островах после победоносного окончания войны мечтали завоевать авторитет не только за столом международных переговоров или в залах конгрессов.

Если прежде контакты с советскими футболистами могли закончиться для их соперников дисквалификацией со стороны Международной федерации футбола, то в 1945 году англичанам уже не угрожало никакое наказание. Европа была разрушена войной, спортивная жизнь только начинала возрождаться, международные федерации, в том числе футбольная, существовали, скорее, на бумаге — за шесть военных лет кто-то из функционеров умер, кто-то погиб на фронте или под бомбежкой, в фашистских концлагерях или застенках.

Англичане приглашали играть в футбол союзников по войне — представителей страны, имевшей ставшую легендарной Красную Ар-

мию. Вот почему стало реальным невозможное еще несколько лет назад: футболисты, не входившие в ФИФА, ехали играть на родину футбола.

Наверное, никогда футбол не был у нас таким явлением национального человеческого духа, как в 45-м. Подобно тому, как родители заботливо собирают ребенка в первый класс, а потом внимательно осматривают, ладно ли сидит одежда, все ли необходимое взято в школу, хорошо ли прилажен ранец, красив ли букет цветов, так и динамовцев отправляли в дорогу, стараясь все предусмотреть и ничего не забыть.

Поначалу отъезжающих беспокоил внешний вид — какой костюм надеть, чтобы не посрамить соотечественников? Сейчас такой вопрос может вызвать удивление, а тогда он был вполне уместен, если учитывать жизнь в стране, только приступившей к залечиванию ран, оставленных войной. Всех нарядили в добротные одинаковые пальто и костюмы одного и того же цвета. Все надели модные шляпы. А потом долгие годы не только спортсмены, но и выезжавшие за рубеж в командировки деятели искусства, науки, а позднее — на учебу и студенты (в их числе со временем оказался и автор этих строк), могли за счет государства одеваться нарядно, красиво. Вдумаемся в тот факт: еще лежали руины после самой тяжелой в истории человечества войны, а страна проявляла заботу о том, чтобы ее сыновья и дочери, оказавшись за границей, не чувствовали себя бедными родственниками.

В своих костюмах динамовцы хорошо смотрелись, выглядели среди англичан, пожалуй, даже респектабельно. Постепенно наши футболисты настолько привыкли носить шляпы, что им порой казалось неловко появиться на улице без головных уборов. На снимке, которому редакция журнала «Смена» отвела почти разворот, были запечатлены динамовцы, кормящие голубей на Трафальгар-сквере. На головах у всех — шляпы. По внешнему виду, если не знать, кто изображен на фото, можно сказать, что это — дипломаты, вышедшие на прогулку в центре Лондона.

Из-за тяжелого продовольственного положения, сложившегося в Англии после войны, решили все заботы о завтраках, обедах и ужинах динамовцев возложить на повара советского посольства Сергея Горева. Для делегации почти в 30 человек, гостившей в Англии около месяца, потребовалось немало продуктов, которые регулярно доставлялись теми же двумя советскими самолетами, на которых москвичи перелетели из заснеженной Москвы в теплую лондонскую осень с посадкой в Берлине. Поэтому московские футболисты никогда не испытывали трудностей с потреблением мяса, овощей, фруктов.

В этой связи вспоминается случай, о котором мне рассказал Константин Андрианов, возглавлявший нашу футбольную делегацию в Англии. Во время одного из приемов мэр Лондона, когда подали кофе, полез в карманчик для часов и к удивлению гостей достал пакетик

с сахарином, отсыпал немного в поданный несладкий напиток и тщательно убрал остаток. Видимо, для следующего приема. Для простых англичан кофе, да еще с сахарином, считался роскошью...

Динамовцы, собравшиеся, как тогда было в обычае, улетать с Центрального аэродрома, расположенного недалеко от их стадиона, несколько удивились, когда им сказали, что они полетят из Внукова. Тамошний аэродром тогда был мало известен. Это сюда в 61-м прибудет Юрий Гагарин. Прежде чем проследовать на Красную площадь на торжественную встречу с москвичами, он по ковровой дорожке внуковского аэродрома направится к первым лицам государства, чтобы доложить об успешном полете в космос, первом в истории.

Мелочей при сборах динамовцев в дорогу не было. Вроде не имело особого значения, кто поведет воздушный отряд, которому предстояло перебросить динамовцев в Англию, но тем не менее возглавить полет поручили опытнейшему летчику — Алексею Семенкову, гвардии полковнику, кавалеру 14 государственных наград, командиру подразделения международных воздушных линий, в будущем первому заместителю министра гражданской авиации СССР, Герою России. На редкость скромный человек, он мало рассказывал динамовцам о себе, все больше говорил о своих летчиках. Каждый из них к тому времени преодолел расстояние, равное 50 рейсам на Луну и обратно. Алексей Иванович умолчал, что в

45-м году это он доставил в Москву Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Тренер Михаил Якушин, дотошный до всего что касалось команды, интересовался, как она доберется до аэродрома. «Это недалеко от Москвы, — рассказывал Семенков. — Дорога из города хорошая, ровная, только в одном месте она резко пойдет вниз, не успеете прийти в себя, как так же быстро она поднимется вверх. Словно на самолете, потом направо повернете, а там до летного поля рукой подать».

Динамовцам по пути в Лондон и обратно запомнились посадки в Берлине. Город был полностью разрушен. В Клейст-парке чудом сохранилось здание, в котором год назад судили участников покушения на Гитлера, а теперь три раза в неделю собирался Контрольный совет с участием представителей четырех союзных держав.

На Александер-плац не было ни одного целого здания. По Унтер-ден-Линден мимо здания советского посольства, в которое возвратятся наши дипломаты в октябре 1949 года после провозглашения ГДР, шла узкоколейка. По ней берлинцы тащили вагонетки с щебнем, мусором, остатками зданий. Двигались велосипеды, бесконечные тележки. На окраине города было не так оживленно.

В городе уже работала «подземка». Конечно, ни о каком сравнении с московским метро не могло быть и речи. Из-за многочисленных разрушений поезда ходили редко, местами они бе-

жали под открытым небом: перекрытия уничтожила война.

...Англия встретила советских футболистов с повышенным интересом. Предлагая при встрече традиционный крепкий чай с молоком, англичане с интересом присматривались к гостям. Что за игроков прислали русские, союзники в недавней войне?

Узнав, что Хомич — токарь, Бесков — слесарь, Семичастный — техник-строитель, а Блинков — инструктор физкультуры, обозреватель газеты «Санди экспресс» Поль Ирвин писал: «Все, что я хочу — это просить знатоков футбола не ожидать от русских слишком много, когда они встретятся с «Челси». Московское «Динамо» возносят слишком высоко. Игроки этой команды просто неплохие любители, рабочие, которые ездят на игру ночью, используя свободное время».

После встречи в аэропорту москвичи неожиданно столкнулись с первыми трудностями на британской земле. Организаторы турне не удосужились заблаговременно заказать номера в одной из лондонских гостиниц. Отели были переполнены: гостиничному хозяйству фашистские бомбардировки нанесли большой урон. Находились небольшие номера в маленьких гостиницах, но разместить всю делегацию в одном месте англичане на первых порах не смогли. Наконец, гостям предложили огромные комнаты.

— Это были самые настоящие казармы, — вспоминал позднее Якушин. — Пока искали

ключи, я заглянул в большую замочную скважину. Вижу — в ряд стоят железные койки. Мне сразу стало ясно, что жить в таком помещении мы не можем. Об этом я тут же сказал сопровождавшим нас после встречи в аэропорту. Им ничего не оставалось, как предложить поехать дальше. В конце концов динамовцы разместились в «Империал-отеле», но до этого им пришлось изрядно помотаться по Лондону в поисках крыши над головой.

• За каждым шагом московских футболистов внимательно следили газеты. Одна из них — «Ивнинг ньюс» — сразу отреагировала репликой по поводу мытарств динамовцев: «28 русских спрашивают Лондон: „Где мы будем сегодня спать?“ Едва вышла газета, как в наше посольство стали звонить рядовые лондонцы. Извиняясь за руководителей национальной федерации, не сумевших организовать размещение гостей, они предлагали принять московских футболистов у себя дома.

Нашлись газеты, которые после прибытия футболистов «Динамо» стремились найти факты, рассчитанные привлечь внимание неискушенных в футболе людей, потчевали читателей развесистой «клюквой». «Дейли мейл» однажды сообщила: «Сегодня у советских динамовцев перерыв для водки и икры. Молчаливые русские футболисты будут петь под дикое, надоедливые звуки балалайки и кричать «ура!» или другие слова, выражая свой восторг». Эта газета попалась москвичам на гла-

за, когда они уходили в один из лондонских театров...

Руководители «Челси» незадолго до приезда динамовцев пригласили трех игроков, включая Лаутона из «Эвертона», которого тогда в Англии называли иногда лучшим в стране нападающим. Вместо двух футболистов, получивших травмы в недавнем матче с «Бирмингемом», играли двое из «Фулхэма». Один из них, Бакуцци, ухитрился сыграть против москвичей дважды — сначала он предстал в футболке «Челси», а затем как игрок «Арсенала». Всего же в составе «Челси» против динамовцев на поле вышли игроки, еще недавно выступавшие за четыре других клуба. Переходы футболистов в команды, с которыми динамовцы собирались помериться силами, сопровождались контрактами на невиданные прежде суммы. Так, приглашение только одного Лаутона обошлось хозяевам «Челси» в 14 тысяч фунтов стерлингов.

На родине футбола еще никогда не видели, как русские играют в национальную игру англичан. Но все трезво мыслящие на Британских островах понимали, что русские не должны, не смогут в год окончания войны, в год триумфа их военного искусства прислать слабую футбольную команду.

За сутки до игры «Челси» — «Динамо» все места для сидения ценой в полфунта стерлингов на стадионе «Стамфорд-бридж» были распроданы, а в день матча стоимость билета на черном рынке подскочила до 30 фунтов. Уже с

9 часов утра, хотя матч начинался в 14.30, трибуны стали заполняться. Некоторые зрители перелезли через барьер, чтобы расположиться прямо на траве, позади ворот, вдоль лицевых линий, из-за чего по ходу игры, когда дело доходило до угловых, полисменам приходилось расчищать площадку у угловой отметки.

Давно лондонское метро не работало с такой нагрузкой, как в день матча «Челси» — «Динамо». В вагонах из-за тесноты вполне можно было задохнуться. Пассажирам, которым предстояло выйти, не доезжая до стадиона, не удавалось это сделать — настолько плотной была масса болельщиков. В ответ на возмущение застрявших раздавалось: «Кому не нужно на футбол, просим нам не мешать!»

Машин, автобусов, велосипедов, доставивших зрителей на матч, оказалось так много, что все обширные стоянки оказались переполненными. Тогда владельцы домов, расположенных вблизи стадиона, за плату стали принимать на хранение велосипеды или разрешали, тоже за плату, оставлять машины в палисадниках.

В Англии до прибытия москвичей никто не появлялся на матче с цветами, но динамовцы нарушили традицию и на матч с «Челси» вышли с большими букетами. Поначалу зрители с недоумением смотрели на гостей, но когда москвичи протянули цветы соперникам, на стадионе возникла овация. А перед следующей игрой с «Кардифф-Сити» по ходу предматчевого короткого церемониала в центральном круге всюду замелькали цветы, которыми обменя-

лись соперники. А местные футболисты дополнительно преподнесли каждому динамовцу шахтерскую лампочку.

В Англии динамовцы получили в целом восторженную прессу, восхищение искушенных в футболе болельщиков, но, думается, завоевывать симпатии англичан они начали еще до первого удара по мячу. Прежде всего не остались без внимания цветы соперникам-футболистам «Челси».

В наше время спортсмены начинают путешествовать, встречаться с зарубежными соперниками очень рано, в составах детских, юношеских, юниорских команд, о чем тогдашние поколения наших соотечественников и мечтать не могли. К зрелому возрасту за плечами нынешних спортсменов насчитывается немало выступлений в ответственных турнирах в чужих странах, проделан путь в тысячи и тысячи километров.

Сейчас спортсмены рано познают вкус заморских яств, они умеют держаться на приемах у королей и миллионеров, им не страшен град вопросов на пресс-конференциях со стороны самых задиристых, а порой и бестактных журналистов. Словом, посланцы нашего спорта не робеют, оказавшись на соревнованиях за рубежом. Все вроде заранее учтено, взвешено, предусмотрено ратью научных работников, психологов, методистов, тренеров для успешного выступления наших посланцев на международной арене. Но увы! Сколько раз наши спортсмены терпели и терпят досадные поражения.

Чем только ни объясняются неудачи — непривычной обстановкой, трудными климатическими условиями, невозможностью проводить в гостях полноценный тренировочный процесс, а чаще всего предвзятым, необъективным судейством. Послушаешь, прочитаешь иной рассказ о поездке и диву даешься, сколько же существует факторов, которые могут привести к поражению!

По-человечески нетрудно понять людей, которые были руководителями какой-либо спортивной делегации, неудачно выступавшей за рубежом. Хочется верить в искренность их рассказов, даже посочувствовать. А каково было тем, кто впервые представлял нашу страну на чемпионатах мира или Европы в первые послевоенные годы, скажем, легкоатлетам, штангистам, участникам футбольных турне. Вот уж кому, действительно, было трудно. В 1945 году почти все игроки московского «Динамо» впервые попали за рубеж. И сразу — на родину футбола.

Первый матч проходил в непривычной для динамовцев обстановке. Треск трещоток, начавшийся едва ли не с первым свистком судьи, продолжался все 90 минут. Необычно было слышать в сопровождении гвардейского оркестра исполнение гимна «Правь, Британия, морями!», своеобразным хором из нескольких десятков тысяч человек. Пели не только зрители на трибунах, но и поклонники футбола, разместившиеся на крышах близлежащих домов,

расположившиеся, привязавшись ремнями, на рекламных щитах и фонарных столбах.

В первом тайме динамовцы показали игру, про которую англичане говорят — «плохая удача». Они вроде бы ни в чем не уступали соперникам — ни в розыгрыше комбинаций, ни в борьбе за мяч, более того, они имели шансов для взятия ворот не меньше, чем футболисты «Челси». Не случайно корреспондент Ассошиэйтед Пресс по ходу первого тайма при счете 2:0 в пользу англичан передавал, что динамовцы, несмотря на пропущенные мячи, выглядели равными большинству первоклассных команд Англии.

Восторгу зрителей, казалось, не было предела. Один болельщик на радостях после первого мяча, забитого москвичам, провалился через стеклянную крышу, повисшую над одной из трибун, правда, благополучно (оказалось, что это был фронтовик, не раз в войну прыгавший с большой высоты), а вот 13 болельщиков в тот день в давке пострадали.

Бобров поначалу не мог найти свою игру. Он не использовал хорошую передачу от Архангельского, специально приглашенного москвичами из Ленинграда, — в выгодном положении позволил одному из соперников выбить мяч из-под ноги. В другом эпизоде остался один на один с вратарем Вудли. Сколько раз он умел до этого выманивать голкипера навстречу и посылать мимо него мяч в ворота, а тут он примерно с восьми метров ударил выше планки.

И как это бывает, один-другой промах лидера расстраивает его партнеров. Леонид Соловьев, всегда считавшийся отменным пенальтистом «Динамо», если не считать его промаха за месяц до этого в финальном матче на Кубок СССР против ЦДКА, когда он не использовал порученный ему 11-метровый удар, промахивается теперь и в Лондоне. Как и в октябрьском поединке с армейцами, он в матче с «Челси» попадает в штангу.

На 67-й минуте Карцев наконец забил первый ответный мяч; через четыре минуты Архангельский сравнял счет. После этого на поле устремился какой-то зритель в длиннополом желтом пальто. Он решительно догнал Карцева, пожал ему руку, а потом, весь сияя, удалился на трибуну, с которой выбежал, в гущу болельщиков. В то же время в одном из секторов появился советский флаг, которым начала размахивать группа англичан.

При счете 2:2 трибуны начали скандировать: «Лау-тон! Лау-тон!», «Фор-тен-тау-зенд, фор-тен-тау-зенд», напоминая знаменитости, сколько фунтов стерлингов заплатил клуб «Челси» «Эвертону» за то, чтобы Лаутон сменил одну футболку на другую.

Надо отдать должное известному нападающему — он честно отрабатывал хлеб у новых хозяев. За восемь минут до финального свистка англичанина Клерка, кстати, отлично прошедшего матч, Лаутон головой забил третий гол.

Подобно тому, как в суровую военную пору,

едва раздавались позывные московского радио, все в нашей стране стремились услышать сообщение Советского информбюро или приказ Верховного Главнокомандующего, так в ноябре 1945 года приникали к черным тарелкам репродукторов, чтобы не прозевать очередную передачу из Англии.

Репортажи вел Вадим Синявский. Его популярность в первое послевоенное время была потрясающей. Но мало кто знал, что он — участник битвы за Москву и обороны Севастополя, во время которой получил ранение в глаз. Его голос звучал из Сталинграда и с Курской дуги, из освобожденных от гитлеровцев городов Прибалтики и от белорусских партизан. Он рассказывал о знаменитом параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, присутствовал при капитуляции Паулюса, в составе большой группы писателей и журналистов участвовал в трансляции Парада Победы, рассказывая о том моменте, когда на брусчатку Красной площади к Мавзолею Ленина падали знамена поверженного врага.

Константин Ваншенкин, глубокой осенью 45-го года несший воинскую службу в Венгрии, однажды написал о Синявском такие строки:

Может быть, я слышал его прежде,
Но забыл, и в другой уже срок,
В сорок пятом году в Будапеште,
Я расслышал его говорок.

По ходу неудачно складывавшегося для нас матча с «Челси» глуховатый, временами задыха-

ющийя голос Синявского всех уверял, что еще не все потеряно. И как после бодрящих слов комментатора хотелось верить, что динамовцы проявят присущую нашему народу выносливость, неукротимую волю к победе! А потом голос Синявского стал прерывающимся от радостного волнения. Он полетел, по словам того же Ваншенкина, через атмосферные разряды Европы ликующим. За шесть минут до конца игры Бобров сравнял счет. В оставшееся время результат 3:3 не изменился.

Всеволод в тот день впервые оказался в центре внимания иностранных журналистов. Едва Синявский закончил репортаж, как обступившие его коллеги поинтересовались, видимо, по аналогии с приходом в «Челси» Лаутона, какова цена Боброву. «Простите, я вас не понимаю, — ответил спортивный комментатор «Последних известий», — что вы имеете в виду?». И тотчас услышал в ответ: «Игру Боброва в клубе «Динамо». Вы можете его, Боброва, продать?» «Боброва? Так это же человек. Он не продается», — заметил Синявский». — «Но он же футболист», — не успокаивались англичане. — «Да, футболист, но он — советский футболист. А советский футболист не продается».

После матча Лаутон на вопрос Семичастного, кто играл лучше — «Челси» или «Динамо», не ответил, а Синявскому признался, что очень сердит на мистера Семичастного за то, что тот не дал ему играть...

«Если мое лицо стало красным после того,

как московские динамовцы опровергли мое утверждение, что они не что иное, как неплохие любители, — что же, красный цвет теперь самый модный в футболе», — писал уже упоминавшийся Ирвин в той же газете «Сэнди экспресс».

Ничья в матче «Челси» — «Динамо» вызвала в английской прессе поток статей и замечаний. Суть их сводилась к тому, что москвичи удивили всех своим искусством. Уже больше никто не называл наших динамовцев обыкновенными футболистами, наоборот, обозреватели были вынуждены называть москвичей, в первую очередь Боброва, игроками высокого класса. Подчеркивалось и такое обстоятельство, на которое в нашей стране вряд ли кто обратил внимание. Успешно сыграв 13 ноября, москвичи опровергли истину, популярную в Англии, что 13 — несчастливое число. Впрочем, если вспомнить, что в Лондоне собирались 13 ноября выиграть, то это действительно так — 13 вновь оказалось для англичан несчастливым числом.

Из Лондона москвичи отправились в Кардифф. Газеты уже с уважением писали о гостях, отдавая должное и тактике, и стилю их игры.

На вокзале в Кардиффе развевался советский флаг, на перроне и на улицах города висели приветствия на русском языке: «Добро пожаловать, дорогие друзья!» Завидев динамовцев, приостановили работу докеры. Шахтеры тоже тепло приветствовали гостей, вручив им шахтерские лампочки, макет торгового судна,

тетрадь со своими стихами о Советском Союзе. Самодеятельный хор исполнил наши песни. Большая группа шахтеров пришла на игру с советским флагом.

Опять не было недостатка в предматчевых прогнозах, но теперь спорили не о том, кто победит, а насколько сильнее «Динамо» проведет второй матч. Москвичи выиграли с редким счетом 10:1. «Это машина, а не обыкновенная футбольная команда», сказал о динамовцах менеджер «Кардифф-сити» Снайерс.

Бобров в тот день играл с большим вдохновением и забил три мяча. Он никогда ни в футболе, ни в хоккее не разделял игры на трудные и легкие, нужные и необязательные. Выходя на поле, безразлично какое — футбольное или хоккейное, особенно, когда у него еще не были удалены оба мениска и его левое колено не подверглось полной реконструкции, он всегда шел в атаку. Думается, в этом его игра выгодно отличалась от игры многих мастеров, как тех, кто выступал в одно время с ним, так и тех, кто пришел на смену его поколению.

В мировой практике у игроков, что в футболе, что в хоккее, прежде всего ценят бомбардирские качества. Однажды я спросил Андрея Васильевича Старовойтова, долгие годы представлявшего нашу страну в Международной лиге хоккея на льду, почему высококлассный Харламов долгое время игнорировался при определении лучшего нападающего на очередном чемпионате мира. Ведь его назвали в числе трех лауреатов мирового турнира лишь в 1977

году, когда он провел свой девятый чемпионат! «А это неудивительно, — ответил Старовойтов. — Харламов, будучи ярким, заметным игроком, на чемпионате мира и Европы в любом сезоне забивал мало. Да, на его счету случались шайбы в ответственных играх, но он уходил без гола или забрасывал мало (одну-две шайбы) во встречах сборной СССР с аутсайдером соревнования». Иное дело Бобров в футболе или хоккее.

Крупная победа динамовцев над «Кардифф-Сити» повергла в уныние руководителей английского футбола, и они решили дать бой москвичам в третьем матче, на карту поставив престиж национального вида спорта. Поскольку менеджер «Арсенала» Джордж Алиссон признался, что его парни не готовы успешно защищать честь британской нации, то на подмогу очередным соперникам «Динамо» поспешили семь клубов, и не только лондонские. Капитан московской команды Михаил Семичастный перед матчем выступил с заявлением для прессы — динамовцам хотелось добиться от организаторов турне признания в том, что под флагом «Арсенала» выступает сборная команда.

Нелишне сказать, что не все англичане разделяли стремление Алиссона и руководителей национальной федерации спасти репутацию родины футбола путем приклеивания сборной команде имени «Арсенал». Боб Скрипс, обозреватель «Дейли экспресс», считал, что если даже русские будут побеждены командой, на-

званной «Арсеналом», то будет больше вреда, чем если бы подлинный «Арсенал» был побежден со счетом 10:0. «И какое удовлетворение получит «Арсенал» от такой победы?»

Динамоцев вдохновляли напутствия, постоянно поступавшие с Родины, особенно от тех, кто, не щадя жизни, участвовал в кровопролитной войне, приближал мирную жизнь, счастье грядущих поколений, занятия спортом.

Война напоминала о себе москвичам на каждом шагу: разрушенными зданиями, зияющими пустыми окнами. Дружеская встреча в Кардиффе с шахтерами и моряками состоялась в тесном полуподвале здания, большую часть которого разбила фашистская бомба.

Конечно, потери англичан не шли ни в какое сравнение с тем, что досталось нашему народу. Сколько ярких, самобытных талантов, в том числе и в спорте, погубила война, так и не дав им раскрыться. И вот теперь московским футболистам приходилось отстаивать честь Отчизны, воинов-победителей. Один матч оказывался труднее другого.

Трудность игры с «Арсеналом» усугублялась тем, что над Лондоном спустился необычайно сильный и густой туман. Поначалу шли разговоры о переносе матча, но все же он состоялся.

Счет открыл Бобров примерно через 40 секунд после начала встречи. Ответный мяч на 12-й минуте забил Мортенсен («Блэкпул»), он же отличился еще раз, а потом Рук («Фулхэм») послал в ворота «Динамо» третий мяч.

Позднее, вернувшись в Москву, динамовские нападающие уверяли, что они не видели ни одного гола в наши ворота, а защитники «Динамо» — ни одного гола, забитого «Арсеналу», в том числе и в эпизоде на 40-й минуте, когда отличился Бесков и счет стал 3:2.

Поначалу Синявский вел репортаж из ложи, расположенной примерно в 20 метрах от поля. Отсюда все неплохо просматривалось, но как только игра откатывалась к противоположной трибуне, комментатору становилось нелегко — фигурки игроков превращались в силуэты. Но если своих динамовцев он еще мог узнать, то кто из соперников ударил по мячу, определить становилось по ходу игры все труднее. И не только одному Синявскому. Во всяком случае во всех английских газетах переврали фамилии наших игроков, перепутали, кто бил по воротам или забивал мячи. За исключением Боброва. Даже в «молоке» его манеру игры, ладно скроенную фигуру англичане смогли отличать.

Во втором тайме Синявский вооружился длинным шлангом и с микрофоном вышел к боковой линии поля. Едва раздавались аплодисменты в одном из секторов стадиона, наиболее близкому к борьбе за мяч или к воротам, как комментатор подбегал к кромке поля и, пользуясь тем, что за шумом трибун не слышен его голос, кричал Семичастному: «Миша! Что?». А фраза динамовского капитана «Хома взял» или «Бобер ударил» расшифровывались в эфире так: «В блестящем прыж-

ке в правый верхний угол Алексей Хомич забирает мяч! Отличный прыжок, ему аплодирует весь стадион!»

«Бобров, снова Бобров без всякой подготовки наносит удар по воротам «Арсенала». Молодец, Бобров! Поцелуйте его, товарищи!» «И миллионы наших радиослушателей в этот момент были готовы расцеловать самого Вадима Синявского», — писал позднее писатель Лев Кассиль.

При счете 3:1 Алиссон предложил прекратить поединок, сославшись на сильный туман. Но атмосферное явление было здесь ни при чем. Как позднее стало известно, Алиссон заключил пари, что счет будет 3:1.

Якушин, услышав предложение Алиссона, выразительно показал на часы и заметил, что игра будет продолжаться, как положено, 90 минут, а в тот момент еще не истекло время первого тайма.

При счете 3:2 туман еще плотнее окутал стадион, играть стало вдвойне тяжело, поэтому Алиссон в перерыве вновь продолжил покончить с игрой.

Спустя три минуты после отдыха Сергей Соловьев забил третий мяч. Даже ничья с сильным соперником в условиях усиливавшегося тумана была бы для наших футболистов успехом, но иначе считал Бобров, который и в тех трудных условиях лондонского тумана остался Бобровым. Он ухитрился в «молоке» увидеть, как Бесков оставил ему мяч, полученный от Карцева (игра в этот момент пошла за счет ко-

ротких пасов — так можно было не ошибиться и понять, кто в пяти метрах от тебя — партнер или соперник) и без промедления, с ходу, примерно с 15 метров пробил. Мяч влетел в верхний угол. 4:3! Это был самый красивый гол Боброва на английской земле.

Рассказывая о мячах, забитых Бобровым, Синявский всегда старался найти новые образные словосочетания. Так появились в обиходе его выражения, ставшие крылатыми: «золотые голы Боброва», «золотые ноги Боброва». Из-за этих золотых ног у Синявского случались неприятные минуты, например, спустя три года.

За четыре минуты до конца заключительного матча чемпионата СССР 1948 года Бобров забил решающий гол в ворота «Динамо». После этого Синявский сказал, что у Боброва золотые ноги. А на следующий день в связи с этим ему предстоял неприятный разговор. С комментатором долго разговаривали, пытаясь выяснить, откуда он взял выражение «золотые ноги». Синявский долго, а главное, терпеливо молчал, но перед тем, как отметить у приглашавших пропуск, спросил: «А «золотые руки» можно сказать?». Все как-то смутились, отметили Синявскому пропуск и больше его не беспокоили...

«Динамо» победили сборную семи английских клубов. Поздравьте их, друзья!» — так закончил Синявский свой репортаж о третьем матче динамовцев.

В Шотландии динамовскую команду встретили дружелюбно, хотя и не скрывали желаний стать свидетелями победы над чемпионом СССР. Особенно это почувствовали москвичи во время поездки по реке Клайд, разрезающей Глазго пополам. На пароходах, баржах, буксирах виднелись крупные надписи: «„Рейнджерс“ — только победа!», «„Рейнджерс“ — „Динамо“ — 2:0» и даже «„Рейнджерс“ — „Динамо“» — 10:0». Думается, авторы этих и подобных надписей нисколько не хотели обидеть «Динамо», просто им очень хотелось, чтобы именно шотландцы, футболисты Глазго, победили гостей из Москвы. По-человечески это нетрудно понять, если учесть давнее соперничество англичан и шотландцев на футбольных полях. Поклонники «Глазго Рейнджерс» надеялись доказать, что их команда играет лучше англичан, если нанесет поражение динамовцам.

Приезд гостей, победивших перед этим «Арсенал», а фактически это был один из вариантов сборной Англии, привел к тому, что Шотландию буквально охватила футбольная лихорадка, предматчевые прогнозы накалили атмосферу до предела. Полиция была вынуждена предупреждать об опасности поддельных билетов. Несмотря на строгий контроль при входе на стадион, на трибунах «Айсбрукспарка» зрителей оказалось намного больше, чем было продано билетов.

Матч закончился вничью — 2:2. Это была единственная игра динамовцев, в которой Боб-

ров не смог отличиться, — в начале второго тайма его, получившего серьезную травму, заменили. И оказалось, что в команде «Динамо» не нашлось больше футболиста, способного забить решающий мяч.

Москвичи еще несколько дней провели в Лондоне. 1 декабря они собрались на товарищеский ужин в советском посольстве. Бобров никому не говорил, что он родился в первый день последнего месяца года, но руководители делегации отлично знали, кто когда именинник. Поэтому не случайно они по ходу ужина вручили Всеволоду вазу с цифрой «23», напоминавшей, сколько лет исполнилось ему в тот день.

Спустя много лет, вспоминая, как в 45-м году все мы в великой и необъятной стране дружно, независимо от клубных привязанностей и симпатий, «болели» за динамовцев в Англии, Евгений Евтушенко писал: «На непривычных чужих полях футболисты подтвердили убеждение многих болельщиков-фронтвиков: страна первого фронта должна выиграть у страны второго фронта, и она это сделала».

К теме поездки динамовцев в Англию позднее охотно обращались писатели, драматурги. Театр оперетты поставил «Одиннадцать неизвестных» (текст Бориса Ласкина, Владимира Дыховичного и Мориса Слободского, музыка Никиты Богословского). Некоторые эпизоды динамовского турне использовали авторы картины «Спортивная честь», выпущенной Мосфильмом

в 1951 году. Успехи земляков на футбольных полях Англии вдохновляли поэтов, композиторов — одних сразу после динамовского турне, других позже — на создание произведений, славящих спорт, воспевающих гармонию прекрасного тела и прекрасной души.

Огромная слава обрушилась на молодого Боброва. Он оказался главной фигурой во всем напечатанном о динамовской поездке, показанном на экране или прозвучавшем по радио. Когда он приходил в театр, то публика смотрела на него, забывая порой об актерах, о действии на сцене. Тогдашний редактор журнала «Искусство кино», уже прославленный Иван Пырьев, человек строгих правил, посылал к Боброву корреспондента, чтобы узнать мнение нападающего о последних советских фильмах.

Люди, известные всей стране, сами познавшие славу, считали за честь познакомиться с 23-летним Бобровым, а потом приглашали его в гости, на банкеты, бенефисы и вернисажи.

Хорошо помню, что среди мальчишек, игравших во дворах, на пустырях, возникших на месте засыпанных воронок, или среди разобранных развалин и остовов домов, пострадавших от бомбежек, обязательно были свои «Бобровы». Игра Боброва с момента его дебюта никого не оставляла равнодушным. Некоторым болельщикам манера действий Боброва порой казалась ленивой и рассчитанной на то,

что черновую работу обязаны выполнять партнеры. Вот и во дворах иные мальчишки слышали упреки в свой адрес — «дорвался, как „Бобер!“» Те, кто не «болел» за армейцев, обижались — быть похожим на «Бобра» им казалось зазорным. Но став взрослыми, иные стали даже гордиться такими упреками.

Звездочки на красных футболках

После возвращения из Англии Бобров переключился на хоккей с мячом. Он по-прежнему любил этот вид спорта, немало перенеся в него из футбола. А великолепный дриблинг футболиста Боброва, по мнению Аркадьева, — явно хоккейного происхождения.

Хоккеисты ЦДКА, как и в предыдущем сезоне, вышли в финал Кубка СССР. Незадолго до решающего матча с командой «Крылья Советов» они выиграли первенство Москвы (чемпионат страны тогда не проводился).

Героем решающего кубкового матча стал Бобров. Он почти непрерывно угрожал воротам «Крылышек», появляясь внезапно то в центре, то на краю поля. Лишь уверенная игра вратаря профсоюзной команды Бориса Запрягаева, лучшего в том сезоне, не позволяла Боброву забить гол. И все же на 23-й минуте эффективным ударом он открыл счет.

Вторая половина матча не изменила картины на поле — больше атаковали армейцы. Опять отлично играл Запрягаев, но на 80-й минуте он вновь был бессилен после удара Боброва, забившего 30-й гол в сезоне. В даль-

нейшем счет 2:0 не изменился, и армейцы второй год подряд совершили с Кубком круг почета на Малом стадионе «Динамо».

На следующий день после победы в розыгрыше хоккейного Кубка СССР Бобров уже тренировался в зале с футболистами ЦДКА. Не за горами был летний сезон, который принес армейцам первую победу в чемпионатах страны. Они сильно стартовали, набрав в семи матчах 13 очков. Правда, впереди шли тбилисцы — 14 очков. В 8-м туре предстоял матч между ними. Но об участии в нем Боброва не могло быть и речи.

«Киевляне аплодируют гостям» — гласил заголовок отчета в «Советском спорте» о встрече 7-го тура между киевскими динамовцами и армейцами. Отлично играли в тот день футболисты ЦДКА. Как ни «болели» киевляне за своих игроков, они не могли не отдать должное четкой обороне гостей, а главное, их атакам. Трибуны то и дело взрывались аплодисментами. Два гола в тот день забил Федотов, в один из моментов отличился и Бобров. 3:0.

Однако, как ни радовала победа в гостях со счетом 3:0, армейцы возвратились из Киева грустными. Получив по ходу игры травму, покинул поле Федотов (его заменил Щербатенко). Не успели увезти в больницу носилки, на которых находился капитан ЦДКА, как от медиков опять потребовалась серьезная помощь. Поединок Махиня — Бобров закончился тем, что, как потом вспоминал Аркадьев, на колени Боброва было страшно смотреть.

Оставшись без главных нападающих, армейские футболисты тем не менее в следующем матче сумели остановить победное шествие тбилисцев, выиграв со счетом 2:0. Став лидером, команда ЦДКА не уступила первого места до конца соревнования.

Хотя Бобров из-за травмы не мог участвовать в большинстве матчей, но все же его вклад в победное выступление команды был велик: в семи играх он забил восемь мячей. По полю, пока не получил в киевском матче тяжелейшую травму, он передвигался легко, непринужденно, мяч словно прилипал к его ногам. Вратари могли опасаться ударов с любой дистанции, с любого положения. Чувствовалось, что игра, процесс обводки, удары по воротам доставляли Боброву удовольствие. Он выходил на матч, как на праздник.

Обманные действия, финт, обводка и всякая маскировка, которые демонстрировал Бобров в составе ЦДКА, делали футбол искусством. Не будь у него травмы в Киеве, он, наверное, вот так красиво и грозно играл бы долгие годы. Правда, Всеволод и в дальнейшем забил еще много прекрасных голов, в том числе и решающих, но его манера несколько изменилась по сравнению с игрой до злополучного киевского матча. Он стал меньше двигаться, реже вступать в единоборство, правда, больше проявлял сноровки в штрафной площади соперников (поездка в Англию, конечно, сказала, обогатила опытом).

Травма, полученная в конце мая 46-го года,

надолго вывела Боброва из состава. Считается, что впервые после травмы он появился в начале октября, когда футболисты ЦДКА в 1/8 финала Кубка СССР принимали ленинградский «Зенит». Но на самом деле он сыграл один раз в июле, правда, провел на поле всего несколько минут. Об этом мне сравнительно недавно рассказал свидетель того появления Всеволода — Борис Бобров.

Армейцы приехали в Ленинград на календарную встречу с местными динамовцами. Местные болельщики, считающие Боброва своим земляком, откуда-то узнали, что он собирается играть, из-за чего к матчу проявлялся повышенный интерес. Особый ажиотаж наблюдался в Сестрорецке, откуда делегировали большую группу поклонников футбола, включая бывших партнеров и сверстников Всеволода.

Боброву все это было известно, а потому он буквально упросил Бориса Андреевича выпустить его на поле. Тренер дал согласие, но уже в самом начале встречи схватился за голову — ничто не напоминало прежнего Боброва, он еле передвигался по полю, едва ли не хромал. Чтобы не портить впечатления зрителям, испугавшись, что этот выход на поле усугубит последствия травмы, Аркадьев быстро увел Боброва с поля.

В те немногие минуты, что он находился на поле, Всеволод был ближе к трибуне, противоположной той, на которой располагались журналисты. Поэтому они и не заметили появле-

ния Боброва. Лишь спустя несколько лет один из них поведал известному футбольному статистику Акселю Вартаняну о выходе Боброва против ленинградских динамовцев. Тот засомневался в правдивости рассказа ленинградца, пока я не привел свидетельство Бориса Боброва, еще одного очевидца. Кстати, тогда Всеволод рассердился на Аркадьева, возмутился, что ему не дали поиграть перед болельщиками, приехавшими из Сестрорецка. Но тренер считал себя правым — зачем показывать мастера травмированным, неприглядным?

Нетрудно представить, как выглядел Бобров в ленинградском матче, если спустя еще три месяца, уже как следует подлечившись, он был во встрече с «Зенитом» все-таки мало подвижен (вполне понятно, давало знать больное колено, а многочисленные консультации у медицинских светил, порой неутешительные, оказались сильным психологическим грузом). Лишь на последней минуте Бобров напомнил прежнего Боброва, когда исполнил свой «коронный номер» — протолкнул в сетку мяч мимо замешкавшегося вратаря Леонида Иванова.

Как это ни парадоксально, но гол, забитый Бобровым, сослужил армейцам плохую службу. Если перед игрой с «Зенитом» еще не было ясно, как на самом деле чувствует себя Бобров, то накануне следующего матча все сомнения вроде бы ушли прочь: коль забил мяч в привычной своей манере, то, видимо, выздоровел

и готов вновь идти в прорыв. Даже Аркадьев, выкованный, высушенный футболом, как написал о нем однажды журналист Станислав Токарев, оказался под впечатлением мимолетного успеха Боброва, продемонстрировавшего, как и прежде, до травмы, великолепную технику владения мячом. Поэтому Борис Андреевич вновь решил дать возможность Боброву сыграть в течение всего матча, что было со стороны тренера определенным риском.

Перед началом кубкового турнира армейцы не скрывали своей мечты выиграть хрустальный приз и тем самым стать третьей советской командой, сумевшей в одном сезоне победить в чемпионате и в розыгрыше Кубка СССР. Возвращение в строй Боброва, казалось, поможет осуществлению планов.

После победы над «Зенитом» армейцы встретились с «Торпедо», командой, которая успешно противостояла футболистам ЦДКА в соревнованиях военных лет, сумевшей в чемпионате 1946 года нанести победителям турнира первое из двух поражений.

Аркадьев не мог не видеть, как Бобров на протяжении почти всего матча с «Зенитом» чуть ли не пешком перемещался по полю. В то же время Аркадьев сам себе внушал, что не способен Бобров перестать быть Бобровым, несмотря на долгий перерыв, вызванный нешуточной травмой.

Но Бобров против торпедовцев не сумел сыграть так, как от него ожидали — прорвать-

ся и забить гол, ибо на передачи партнеров бомбардир, ставший малоподвижным, плотно опекаемый соперниками, опаздывал. Временами он просто стоял на месте, из-за чего создавалось впечатление, что армейцы играют вдесятером. Линия нападения, фактически потерявшая одного футболиста, недостаточно поддерживалась полузащитниками.

Футболистам «Торпедо» на протяжении 90 минут основного времени тоже не удалось распечатать ворота соперников, хотя они действовали острее армейцев — до поры до времени выручал команду ЦДКА вратарь Никаноров. А в дополнительной 30-минутке автозаводцы забили четыре безответных мяча.

Это был редкий случай, если не единственный, когда вполне понятная и желанная надежда тренера и всей команды на Боброва обернулась горькой для коллектива неудачей.

Борьбу за первенство страны в 1945—1950 годах вели две примерно одинаковые команды — ЦДКА и «Динамо», имевшие в составах немало сильных футболистов. За это время динамовцы дважды стали чемпионами, армейцы — четырежды, добавив еще две победы в Кубке СССР. Обозреватели и тренеры сходились во мнении — динамовцам оказалось не под силу проявлять в должной мере волю, стойкость, физическую выдержку, присущие команде ЦДКА.

Вспоминая финал Кубка СССР в 1945 году, Аркадьев рассказывал: «Если ни одна команда не переиграла другую тактически, то армейские

футболисты в этом матче проявили больше воли и стойкости и физической выдержки в перипетиях борьбы, чем наши противники». Той же осенью он говорил: «Мы провели сезон 1945 года, может быть, не так ровно, как динамовцы, но у нас были подлинные взлеты, которыми те не могли похвастаться».

По мнению известного журналиста Александра Переля, в ряде встреч, когда требовалось изменить тактику, динамовской команде не хватало гибкости и маневренности, характерных для ЦДКА.

Ни в одной команде не было столько игроков, умевших сыграть с вдохновением, как у Аркадьева.

Игроки, составлявшие в ЦДКА великолепную пятерку нападения, жили в одном доме. Глядя на их слаженные действия, неискушенный зритель мог подумать, что они с утра до вечера тренируются вместе и, наверняка, дружат домами. На самом деле они занимались вместе столько, сколько и все, а вот связывала ли их крепкая дружба, — вопрос. Про них нельзя было сказать «не разлей водой», они приятельствовали, вот это уж точно.

Демину Бобров много помогал, но делал это, скорее, не из особо дружеских чувств, а потому, что поддержать любого человека, попавшего в беду, всегда было для него вроде потребности. Правда, Демин и Бобров в молодости немало попроказничали вместе, но это не могло и не стало основой дружбы.

После поездки в Англию наркомат обороны

выделил Боброву платяной шкаф — роскошную по тому времени вещь. Ни у кого из футболистов, проживавших, как и Бобров, в гостинице ЦДКА, такого шкафа не было. «Везун-«Бобер», — то ли в шутку, то ли всерьез говорил Демин, — шкаф имеет. Вот что значит — сыграл в Англии».

Бобров был на шесть лет моложе Федотова. Для него, воспитанного на уважении к старшим, особенно к имевшим безграничное уважение окружающих, это было существенное обстоятельство для соблюдения определенной дистанции между собой и Федотовым, которого в 30-летнем возрасте называли в команде не иначе как Григорием Ивановичем. Тот приезжал на предматчевые сборы на Ленинских горах с женой и маленьким сыном. Общих интересов за пределами футбольного поля у семейного человека и молодого человека, расположенного к определенным проделкам, свойственным для его возраста, не было.

Боброва, когда он стал тренером, чаще всего можно было видеть с Грининым, они жили в одном доме, там же, где и Николаев, а также рано скончавшиеся Федотов, Демин, Чистохвалов. Но Николаев после окончания игровой карьеры много лет служил в войсках, а потом работал в команде ЦСКА, в хабаровском СКА, снова в родном клубе, да еще одновременно в сборной СССР. Неудивительно, что Валентину Александровичу приходилось часто и надолго отлучаться из дома — на матчи, на сборы, а Гринин с конца 60-х годов почти всегда работал в Москве.

Бывало, спешит Бобров домой после тренировки, а во дворе Гринин о чем-то беседует с друзьями — Николаем Шкатуловым, Олегом Лопатто. Он обязательно замедлит шаг или, закрыв машину, которую часто на ночь оставлял у подъезда, остановится: «Ну что, Алексей Григорьевич? Как дела? Что обсуждаете? «На троих» что ли соображаете? Какие планы? Если есть время, заходите...» И уже через некоторое время компания Гринина, включая капитанов Германа Никитина и Петра Карасиди, двух офицеров из АХО ЦСКА, входила в квартиру Боброва.

Всеволод Михайлович любил бывать в кафе «Сокол» на углу Ленинградского проспекта и улицы Вальтера Ульбрихта. Его здесь хорошо знали все, начиная от подсобных рабочих до администраторов, а директором на протяжении десятков лет был Леонид Михайлович Казарминский, с которым Бобров дружил.

Нередко Бобров еще не успеет сделать официантке заказ, а перед ним уже — бутылочки импортного пива, запотевшие, прямо из холодильника. И почти сразу же, словно невзначай, в дверях показывались знакомые лица — Гринин, Лопатто, Никитин, Карасиди. Добродушный Бобров делал жест, означавший приглашение к столу.

А вот представить, чтобы Бобров будто бы мимоходом заглянул «на огонек» к Гринину или к кому-то из работников армейского клуба, просто невозможно, ибо таких случаев не было.

На 50-летие Гринина ждали Боброва и меня. Знали, что мы приедем позже других — из Лужников, где футболисты ЦСКА, которых тренировал Бобров, встречались с торпедовцами Москвы. Армейцы в том сезоне выступали неплохо, но, как только дело доходило до игры с автозаводцами, терпели неудачу. Вот и тогда они проиграли, не выполнив по ходу матча несколько наказов своего старшего тренера.

Всеволод Михайлович сильно переживал поражения, по-моему, иногда даже сильнее иных футболистов. Вот и в тот вечер, изрядно расстроившись, он решил не ехать на юбилей бывшего капитана. Он меня подвез к ресторану «Берлин», где проходило торжество, какое-то время смотрел через полуоткрытые окна ресторана на веселящихся (почти всех он хорошо знал), а потом сказал: «Иди и передай Грининым, что Мишка меня ждет, наверняка, еще не спит. Я так скучаю, когда долго его не вижу, — сам знаешь, сборы, поездки. Пусть Леша и Зина не обессудят меня за неявку. Подними рюмку от моего имени». И он уехал на дачу к Мишке, к сыну, которому шел шестой месяц...

Зинаида Ивановна и слушать меня не хотела, когда я начал объяснять, почему нет Боброва. «Не думала я, что Сева так обидит нашу семью. Ну, Бобер, погоди! Пусть не надеется, что мы будем продолжать дружбу с ним!»

Гринин в последующем как ни в чем не бывало встречался с Бобровым — во дворе, в кафе «Сокол». Идя на чествование футболистов

ЦСКА в связи с их победой в чемпионате СССР 1970 года, Алексей Григорьевич зашел к Боброву и предложил идти вместе. Всеволод отказался, ему было обидно, что никто не пригласил его на церемониал вручения золотых медалей игрокам, с которыми он до этого занимался два с половиной сезона (получилось, что чемпионский состав скомплектовал он, Бобров). Гринин пошел чествовать один.

Прошло еще два с половиной года. После торжественного собрания в ЦТСА, посвященного 50-летию ЦСКА и награждению его орденом Ленина, ветераны отправились, перейдя площадь Коммуны, в ресторан ЦДСА. За одним столом расположились игроки «команды лейтенантов», рядышком с женами сидели Гринин, Бобров. По всему чувствовалось, что Зинаида Ивановна простила Всеволоду его неявку на 50-летие своего супруга...

Нападающие ЦДКА, совершенно разные в повседневной жизни люди, надев красные футболки со звездочкой, выходили на поле, напрочь забывая о недомолвках, обидах, если они иногда и появлялись, отрешаясь от забот о родителях, о молодых своих семьях. Они становились необычайно послушными в руках Аркадьева, строго подчиняясь его тактическим замыслам. В ЦДКА родилась идея со сдвоенным центром нападения, благо для осуществления замысла у Аркадьева имелись прекрасные исполнители. Когда же в 47-м году Федотов из-за травм часто пропускал матчи, то в ударной связке вместо него появился Николаев, став-

ший партнером Боброва. Соседи по дому забили по 14 мячей, оказавшись самыми результативными игроками чемпионата.

Удивительной выносливостью обладал на поле Валентин Николаев, правый полусредний, которого тогда в любой команде называли правым инсайдом. Словно не одно сердце работало в его груди, настолько много, причем полезно, двигался он по полю на протяжении всей игры, временами оттягиваясь в глубь поля, становясь в интересах команды третьим полузащитником, завязывавшим многие комбинации.

Николаева легко можно было отличить в массе игроков. И не только потому, что он почти всегда играл под номером 8. После войны не было у нас другого такого игрока, у которого уже в самом начале матча на футболке выступали бы огромные пятна пота — так выглядел на поле Николаев.

Как никто другой, Николаев за счет своих неповторимых рывков успевал выходить на «линию огня». Немало голов он забил просто красиво. Так, в финале кубкового матча 1948 года Николаев совершил прыжок, распластавшись низко над землей, падая, достал головой мяч и точно ударил по воротам.

Аркадьев в 47-м году пробовал сделать из Боброва, как говорится, «чистого» центрального нападающего, из-за чего тот в некоторых матчах появлялся на поле под девятым номером, отданным центрам нападения. В таких случаях у Боброва проявлялось великолепное

взаимопонимание с Деминым, левым крайним. По ходу кубкового турнира в 47-м году, состоявшегося летом, между первым и вторым кругами чемпионата, московские динамовцы, лидеры первенства, потерпели первое в сезоне поражение, проиграв со счетом 1:4 команде ЦДКА. По два мяча забили Бобров и Демин.

Кстати, о Демине. Вот что однажды писал о нем очень известный в свое время журналист Александр Вит: «Играет весело. В его манере освободить противника, а делает он это блестяще, сквозит озорное мальчишеское желание оставить противника в неловком положении. В значительной степени ему обязана команда мажорным стилем игры. Его быстрота и стремительность придают игре какой-то неунывающий, бодрый, захватывающий характер».

Стремительный Демин, выступая на левом краю, умел наводить панику в защите соперников не хуже Боброва, поскольку он в одинаковой степени умело и пасовал, и бил по воротам, причем, как и все в пятерке ЦДКА, с обеих ног.

Часто судьбу матча решали удары именно этого нападающего. В некоторых играх он умел по несколько раз поразить ворота соперников, например, в чемпионате 47-го года во встрече с «Зенитом» (8:1) дважды, а в матче второго круга с московской командой «Крылья Советов» и вовсе трижды (в итоге — 5:0).

Гринин, правый крайний ЦДКА, бил очень

сильно с обеих ног. Как и Демин, он умел реализовать пенальти. Но в отличие от Демина наводил ужас на защитную линию соперников, не прибегая к особой изворотливости. Это был футболист-боец, напористый, энергичный, не боявшийся никого из опекунов, а среди них встречались и настоящие разбойники. Внешне простая, прямолинейная игра Гринина не нарушала комбинационный стиль всей пятерки, ибо этот футболист не только был способен забивать голы из самых трудных положений, но хорошо умел принимать пасы и не менее искусно сам делал передачи.

Боброва в те годы, когда команда ЦДКА становилась чемпионом, ждали не только овалции. Отчет в «Советском спорте» 24 июня 1947 года о матче первого круга ЦДКА — «Крылья Советов», который закончился со счетом 2:2, назывался «Бобров для команды или команда для Боброва?» Его автор — Юрий Ваньят, отметив, что еще в предыдущем году Боброва неоднократно предупреждали о необходимости вести игру для осуществления общих замыслов команды, добавил, что прошло несколько игр с участием Боброва, но его присутствие не прибавило силы нападению. «Ведь дело не в двух-трех голах, забитых этим способным нападающим, а в том, что Бобров ведет игру так, словно не он работает для команды, а команда работает только для него. Позволительно ли молодому игроку столь безучастно относиться к стараниям Демина, Николаева, Гринина и разрешать себе такую «роскошь», как промахи

в 7—10 метрах от ворот противника? Ведь команда ценой больших усилий пробивалась туда и доверяла Боброву завершающий удар!»

Возмущению футболистов ЦДКА, прочитавших написанное Юрием Ваньятом, не было предела. Демин и Портнов предлагали отправить письмо маршалу Булганину, министру Вооруженных Сил СССР и заместителю Председателя Совета Министров СССР. «Как можно о «Курносом» написать подобные грязные строки? Особенно возмущался Портнов — одно время слушатель Военно-юридической академии.

То ли автор корреспонденции не разобрался, как в действительности играл Бобров, то ли не захотел по каким-либо причинам это сделать, но журналисту явно изменила объективность.

Многое вызывало недоумение. Трудно представить, что кто-то, тем более «неоднократно, годом раньше», предупреждал Боброва о необходимости вести игру в интересах команды. Повод даже для одного серьезного разговора не могла дать прекрасная, вдохновенная игра Всеволода в семи первых играх, пока он не получил тяжелейшую травму в киевском матче. О каком разговоре могла идти речь осенью, когда Бобров, после многомесячной разлуки с футболом, участвовал всего в двух встречах?

Ни у кого в 46-м году не могла даже появиться мысль, что гений прорыва мешает команде, ее замыслам. Он справедливо считался

лидером ЦДКА (наряду с Федотовым), а, если верить Юрию Ваньяту, получалось, что этот нападающий играет не так, как следовало бы.

Вся прелесть манеры Боброва как раз и заключалась в том, что его индивидуальные действия очень хорошо служили интересам команды. Когда он выходил на поле, то словно встряхивались партнеры — те же Демин, Николаев, Гринин, к стараниям которых, как считал Юрий Ваньят, Бобров относился безучастно. Если играл Бобров, то по-иному выглядели молодые нападающие, ибо одно присутствие бомбардира заставляло их играть с полной отдачей сил.

В чемпионате 47-го года Бобров впервые предстал перед зрителями в четвертом матче ЦДКА. Он словно напомнил лишний раз о себе, открыв счет в игре (соперник — команда ВВС). Затем дважды отличился Алексей Водягин, всего второй раз в сезоне выступавший за армейцев. Действуя рядом с Бобровым, он уже ничем не напоминал себя в своей дебютной игре — робкого, не всегда понимавшего опытных партнеров, многие из которых в свою очередь тоже не могли взять в толк, чего же хочет дебютант.

В шестом своем матче футболисты ЦДКА победили «Зенит» — 3:1. Третий гол в ворота ленинградцев забил Бобров, а счет открыл Михаил Дидевич. Повторилась картина, наблюдавшаяся во встрече с летчиками, — теперь уже другой молодой игрок расцвел, подобно Водягину, получая щедрую помощь от Боброва.

Футболисты ЦДКА, вспоминал Аркадьев, уяснив цену Боброва, общими усилиями создавали ему возможность сыграть индивидуально. «Его вклад был еще и в том, что он рисковал собой на переднем крае, его валили, сшибали». Когда в ЦДКА, по словам того же Аркадьева, увидели, как Боброву с его исключительным талантом в обводке достается, все поняли, что лучше ему отдавать мяч, а он пусть завершает.

И Бобров отлично завершал атаки. Он участвовал в матче «Трактор» — ЦДКА, который, завершая чемпионат 47-го года, стал историческим.

Армейцы перед игрой в Сталинграде имели 38 очков, а у динамовцев, завершивших турнир, было на два очка больше. В случае равенства очков у двух команд, претендовавших на звание чемпиона, в расчет предстояло брать соотношение забитых и пропущенных мячей. Этот показатель у армейцев был хуже, но для выигрыша незадолго до этого установленных золотых медалей чемпионов СССР шанс у них имелся — предстояло победить «Трактор» либо со счетом 5:0, либо — 9:1. И они добились желанного, забив пять безответных мячей! Четвертый из них пришелся на долю Боброва, который при этом действовал в излюбленной манере — пошел в прорыв, обыграл двух соперников и пробил в нижний угол. Еще один мяч Бобров послал в сетку «Трактора» при счете 2:0, но московский судья Николай Латышев гол не засчитал, полагая, что Бобров был в «офсайде».

В 1948 году армейцы и динамовцы встретились в борьбе за звание чемпиона СССР в самой последней игре турнира. В полном драматизма матче победила команда ЦДКА — 3:2. Бобров не мог уйти с поля, чтобы не отличиться в решающей поединке. Он головой забил первый мяч, и именно его удар за 4 минуты до конца встречи при счете 2:2 принес армейцам третий гол и звание чемпионов страны.

Сезон 1949 года был последним, который Бобров провел в ЦДКА. Армейцы после дубля в 1948 году — одновременного успеха в чемпионате и Кубке СССР, заняли в 1949 году второе место, а в кубковом турнире проиграли полуфинальный матч торпедовцам, которые затем нанесли поражение московским динамовцам и впервые стали обладателями хрустального приза.

Второе место в первенстве 49-го года армейцы заняли не случайно. В сезоне бывали матчи, когда за ЦДКА выступало не более 4—5 игроков из прежнего «золотого» состава. Некоторые чемпионы — Кочетков, Портнов — из-за травм так ни разу не вышли на поле, другие играли редко. Бобров, например, участвовал всего в 14 матчах (из 34), правда, забив при этом 13 мячей (лучшим бомбардиром оказался Федотов с 18 голами в 29 играх). Гринин играл во всех встречах и забил 15 голов.

Гений прорыва

Из ЦДКА Бобров перешел в спортклуб ВВС, в котором много делалось для улучшения быта спортсменов, прилагались старания улучшить возможности их тренировок, подготовки к соревнованиям. Так, например, начали сооружать первый в стране каток с искусственным льдом (в Чапаевском переулке), правда, строительство, затянувшееся на десятилетия, так и не завершилось. Возведенные на Ленинградском проспекте бассейн и зал спортивных игр после открытия стали лучшими в столице (теперь они входят в комплекс ЦСКА), в которых примерно до конца 70-х годов, когда в столице появились олимпийские арены, проводились игры чемпионатов СССР по баскетболу и волейболу, водному поло, международные матчи (достаточно вспомнить представительный баскетбольный турнир Всемирной Универсиады 1973 года).

Немалую роль в становлении команд ВВС сыграл генерал-лейтенант авиации Василий Сталин, командующий Военно-воздушными Силами Московского военного округа. Баскетболисты, волейболисты, ватерполисты ЦДКА,

которых привлекли прекрасные условия для членов спортклуба ВВС, почти в полных составах стали выступать под спортивным стягом летчиков. Популярны велосипедисты пришли из «Спартака». Известные игроки ЦДКА, «Динамо», «Спартака», «Крыльев Советов», рижского «Динамо» вошли в хоккейную команду ВВС, после чего болельщики стали расшифровывать ее название весьма своеобразно: Взяли Всех Спортсменов. Успешно выступали во все-союзных и московских соревнованиях конники, мотоциклисты ВВС, среди которых поклонники спорта видели тоже немало спортсменов, уже известных по выступлениям за другие общества и спортивные ведомства.

Вот только в футболе летчики не могли снискать успеха. С появлением в футбольной команде Боброва ее дела не пошли лучше. Правда, в чемпионате 1950 года (именно в разгар этого турнира в составе ВВС и появился Бобров) летчики заняли 4-е место, но в двух последующих сезонах они ничем не проявили себя.

Бобров впервые вышел на поле в футболке ВВС, когда его новая команда встречалась с ЦДКА. По ходу матча он в падении забил мяч, который соперники не сумели отыграть, впервые в сезоне потерпев поражение.

В отличие от волейболистов, баскетболистов, ватерполистов футбольная команда ВВС не имела костяка, который составляли бы игроки, прежде выступавшие вместе за какой-либо клуб и обладавшие высоким мастерством.

За ВВС в год дебюта Боброва играли бывшие футболисты московского «Торпедо», тбилисского «Спартак», московской и куйбышевской команд «Крылья Советов», ЦДКА, челябинского «Дзержинца», тбилисского «Динамо», московского «Локомотива», минского «Динамо».

За исключением Акимова и Морозова, почти все, выступавшие за ВВС, в своих прежних клубах были заурядными игроками. Когда они уходили в ВВС, с ними в их бывших командах, как говорится, наступала разлука без печали. Акимов и Морозов, заслуженные мастера спорта, пришли в ВВС заканчивать игровую карьеру. Но и они не сумели повести за собой партнеров, вдохновить их на создание ансамбля футболистов-единомышленников. Не каждому дано это!

Надо учитывать и то, что в команде летчиков собрались люди с большой разницей в возрасте (скажем, вратарь Акимов был старше нападающего Федорова на 13 лет, полузащитник Морозов был старше вратаря Пучкова на 14 лет, а другого полузащитника, Ходцева, — на 11), с разным уровнем образования, отношением к жизни, спортивному режиму, манерой игры.

Футболисты ВВС часто ссорились между собой, иногда выражали неудовольствие работой старшего тренера Гайоза Джеджелавы (о нем, как о прекрасном нападающем тбилисского «Динамо», со временем написал стихотворение Евтушенко), которому помогал брат Джуаншер. А самый младший из братьев Джеджелавы — Спартак — играл нападающим.

Генерал Сталин любил вмешиваться в дела спортивных команд ВВС. Он сам отчислял футболистов, сам решал, кого пригласить. Однажды ему понравилось, как в воротах ленинградского «Динамо» удачно стоял (в игре с летчиками) Михаил Кудрявцев, за три года до этого покинувший спортклуб ВВС, проведя в его рядах несколько сезонов.

Тотчас последовало задание администратору команды Якову Охотникову вернуть Кудрявцева, и уже вечером того же дня не без приключений этот вратарь предстал перед командующим авиацией МВО в его особняке на Гоголевском бульваре. А через несколько дней Кудрявцева включили в заявочный список команды ВВС, хотя сезон был в разгаре и пора переходов давно осталась позади. В результате у летчиков оказалось сразу четыре вратаря. Пришлось Акимову, боровшемуся с Джеджелавой, покинуть команду, и ему в порядке исключения разрешили закончить сезон в «Торпедо».

Евгения Бабича командующий ВВС МВО однажды посчитал виновником очередного поражения команды на футбольном поле и в порядке наказания срочно отправил в далекий от Москвы гарнизон. Но на следующий день после этого при определении состава на очередной матч генерал хватился, что нет Бабича, и приказал его вернуть в Москву.

Боброву тоже приходилось испытывать оскорбления и унижения со стороны генерала, позже он старался никогда не вспоминать об этом.

Бобров, выступая за ВВС, забивал меньше, чем в армейском клубе, — давали о себе знать былые травмы, добавились новые. К сожалению, не всегда оказывались на высоте медики.

Боброву стало трудно забивать в команде ВВС и по другой причине — партнеры в большинстве подобрались прямолинейные, неспособные к импровизации. Из-за этого ему приходилось иногда переделывать себя — щедро пасовать партнерам, чего прежде не наблюдалось, а то и вовсе учить их атакам.

В команде ВВС Боброву пришлось по душе, пожалуй, лишь игра Шувалова, его будущего партнера в хоккее. Именно тогда, летом 50-года, в футболе, раньше, чем предстоявшей зимой на льду, болельщики увидели, как умеют комбинировать Бобров и Шувалов — возникла связка, которая позднее стала наводить страх на хоккейных вратарей.

Во многом благодаря Боброву, Шувалов, забив 18 мячей, оказался самым результативным игроком команды ВВС. Осенью его включили вместе с защитниками Метельским и Крижевским в число 33 лучших игроков сезона.

Не исключено, что команда ВВС заиграла бы намного сильнее, окажись у ее руля Николай Петрович Старостин, которого по приказу генерала Сталина доставили из Комсомольска-на-Амуре, где он жил после досрочного освобождения. От Берии и его подручных генерал Сталин держал Старостина под охраной в своем московском особняке на Гоголевском бульваре, а потом решил отправить Николая Пет-

ровича с его младшей дочерью в сопровождении своих порученцев на двух военных самолетах в охотхозяйство Центрального совета Военно-охотничьего общества в Переславль-Залесский (сначала стоял вопрос о поездке с двумя машинами охраны, получившей приказ стрелять на случай появления на пути людей Берии).

Подобные меры были вызваны тем, что незадолго до этого Старостина, едва он появился у себя дома после буквального побега из особняка генерала, задержали и по железной дороге, быть может, по личному распоряжению самого Берии, немедленно отправили из Москвы. Однако по пути в Майкоп во время стоянки поезда в Орле вмешались посыльные из штаба ВВС МВО, включая упоминавшегося Охотникова, во главе с начальником отдела контрразведки подполковником Головановым. Они доставили опального тренера военным самолетом к генералу на Гоголевский бульвар.

Бобров всегда жалел, что его как футболиста судьба не свела с Николаем Петровичем Старостиным в спортклубе ВВС.

Событием в международной спортивной жизни стал дебют советских спортсменов на Олимпийских играх — сначала в 1952 году на летних, а спустя четыре года на зимних.

«В конце 40-х годов советские спортсмены вступили в ряд международных объединений. МОК, понимая, что без участия СССР невозможно по-настоящему всемирное, демократи-

ческое олимпийское движение, в 1947 году обратился к спортивным организациям СССР с предложением участвовать в Олимпийских играх 1948 года. Однако оно запоздало: советские спортсмены не успели бы подготовиться к Играм, а советские спортивные организации — выполнить необходимые формальности, дающие право направить команду на Олимпийские игры. В апреле 1951 года был создан НОК СССР, через месяц признанный МОК, и советские спортсмены стали участниками Олимпийских игр 1952 года»*.

Среди дебютантов-олимпийцев СССР оказался и Бобров. Сначала он отправился за рубеж капитаном футбольной, а через четыре года — хоккейной команды СССР. В истории мирового спорта больше нет случаев, чтобы кто-то был капитаном сборных команд страны по очереди в двух видах спорта.

Подготовку к Олимпийским играм 1952 года Всеволод начал намного позднее других кандидатов в сборную СССР. После хоккейного чемпионата страны, второй год подряд завершившегося победой летчиков (к тому же они на этот раз выиграли и Кубок СССР), генерал Сталин, уставший от конфликтных ситуаций в футбольной команде военных авиаторов и желавший как можно быстрее услышать о ее победах и классном месте в турнирной таблице подобно спортсменам ВВС в баскетболе, во-

* Хавин Б. Все об Олимпийских играх. 2-е изд. доп. М.: ФиС, 1979, 136 с.

лейболе, хоккее, водном поло и в ряде других видов спорта, особенно в конном и мотоциклетном, назначил старшим, причем играющим, тренером футболистов Боброва, в которого он очень верил. На решение Василия Иосифовича повлияла не только эта вера, он находился под впечатлением работы Боброва — играющего тренера в хоккее.

В составе футбольной команды ВВС, когда ее возглавил Бобров, было немало молодых игроков (до появления в спортклубе ВВС их не знал массовый зритель), которым он стал уделять немало внимания, считая, что они будут известными футболистами. И не ошибся в своих предположениях. Это были — будущий олимпийский чемпион Анатолий Исаев, начинавший играть в футбол за завод «Красный пролетарий», Валентин Бубукин и Анатолий Порхунов, ставшие игроками сборной СССР, а также Юрий Володин.

В то время, когда Бобров проводил тренировки с футболистами ВВС, Аркадьев занимался с игроками сборной команды. Подготовка футболистов к Олимпийским играм, как и представителей других видов спорта, велась в глубокой тайне. Газеты, радио и делавшее у нас первые шаги телевидение не только не рассказывали о тренировках будущих олимпийцев, но даже не упоминали фамилии спортсменов, тренеров, будто никаких занятий в связи с предстоящим дебютом на Олимпийских играх нет.

И все же футболистам в какой-то мере по-

везло (сказывалась популярность футбола в стране) — иногда в газетах появлялась пятистрочная информация о том, что сборная (в скобках сообщалось, какой состав — первый или второй) сыграла с такой-то клубной командой. Назывался счет и ничего больше. О представителях других видов спорта и того не писали.

Постепенно о футболе стали рассказывать больше. Было объявлено о проведении перед чемпионатом СССР турнира команд класса «А». Задуманный в два этапа, он предусматривал внеконкурсное участие сборной команды. Но после выступления в одной из трех подгрупп с ней стало происходить непонятное — то она играла согласно заранее составленному расписанию, как и остальные участники турнира, то вдруг ее матчи, определенные календарем, отменялись и назначались встречи с совершенно другими соперниками.

Аркадьев, проводя занятия со сборной командой, как и в ЦДСА, сделал упор на специальную физическую подготовку. Пожалуй, впервые в своей практике Борис Андреевич много занимался организацией у подопечных тактического взаимодействия, ведь на подготовку к нему попали футболисты из команд, придерживавшихся разных тактических построений.

К сожалению, сборная команда, вобравшая вроде самых лучших игроков, которыми располагал советский футбол, после первых матчей

не оставила яркого впечатления. У нее не чувствовалось мощи в атаке.

Первоклассный тренер буквально бился над этой проблемой, но что он мог сделать, когда подпирали сроки? К тому же не он отбирал игроков для подготовки к Олимпийским играм. За него постарались спортивные чиновники, созвавшие под знамена сборной команды футболистов, в разные годы считавшихся сильными и попадавшими в традиционные списки лучших в сезоне, или игроков, стабильно выступавших в классе «А» на протяжении многих лет, но часто уже немолодых (лишь 37-летний Николай Дементьев с учетом своего возраста просил не включать его в список кандидатов, ибо считал, что у него не хватит сил достойно выступить на Олимпийских играх).

Вроде придерживались справедливого принципа, но при формировании сборной команды, как показывает практика (это стало понятно позднее, когда мы набили шишек), немаловажно учитывать, как поведет себя тот или иной игрок с партнером из другого клуба, кого предпочтет пригласить тренер, которому доверена эта команда. Не случайно Аркадьев по ходу подготовки к Олимпийским играм почти в каждом матче перекраивал линию нападения. В условиях жесточайшего лимита времени он стремился познакомиться со многими футболистами в разных игровых сочетаниях.

Не могло быть и речи о повторении случая летом 1946 года, когда неожиданно для всех в принципиальном матче он выпустил на поле

неизвестных до этого двух молодых футболистов и они своими действиями и не в последнюю очередь своими двумя голами предопределили победу ЦДКА со счетом 2:0. Ныне в 52-м году никто не позволил бы Аркадьеву экспериментировать с вводом в состав необстрелянных молодых игроков. Слишком велика была ставка, ради которой сформировали сборную команду. Поэтому Аркадьеву ничего не оставалось другого, как тасовать нападающих, включая в их число и тех, кто собирался вскоре повесить бутсы на гвоздь.

Со временем тренировочные встречи сборной команды с нашими клубами решили заменить международными товарищескими матчами. Приглашения прислать в Москву национальные сборные ушли в Варшаву, Будапешт, Софию, Бухарест и Прагу — столицы, как тогда говорили, стран народной демократии. Сравнительно быстро оттуда поступило согласие.

Готовясь к двум встречам с футболистами сборной Польши — первыми соперниками, направлявшимися в Москву, Аркадьев посчитал возможным пополнить список занимавшихся у него футболистов еще одним — Бобровым. Конечно, Борис Андреевич знал, что его любимец начал тренировать футболистов ВВС, но это обстоятельство не смущало Аркадьева. Он был, конечно, в курсе того, что операция, сделанная Всеволоду югославским специалистом после киевской травмы, оказалась неудачной. Но Аркадьев в своем желании ви-

деть у себя Боброва-игрока исходил из того, что тот, несмотря на свои травмированные ноги, всегда получал огромное удовлетворение от азарта борьбы за мяч или шайбу, отодвигая час окончательного расставания непосредственно с игрой.

В то время Боброву шел тридцатый год.

Два матча, проведенные сборной Москвы (так называли команду, тренируемую Аркадьевым) со сборной Польши, заметно отличались друг от друга. Первую игру хозяева поля проиграли.

Защитники соперников не придерживались популярной тогда персональной опеки. Они сближались с нашими нападающими лишь в тех случаях, когда стремились отобрать мяч. Такая манера игры в обороне не стала диковинкой для москвичей. Похожим образом в нашей стране по замыслу Аркадьева действовали защитники армейского клуба. Один из игроков сборной команды Москвы — Константин Крижевский перед первым матчем предсказывал, как поведут себя на поле защитники сборной Польши. Он исходил из личного опыта — глубокой осенью он, защитник ВВС, участвовал в составе «Шахтера» из Сталино в турне по Польше.

И хотя игра поляков в обороне для нас не стала неожиданной, добиться успеха в первом матче мы не смогли. Нападающие сборной Москвы увлекались поперечными передачами, никто не оказался способным на малейшую выдумку. У Автандила Гогоберидзе, иг-

равшего левым инсайдом, не получалось взаимодействия с партнерами. Динамовцы Василий Трофимов и Константин Бесков оказались малоподвижными. Не сумели помочь форвардам наши полузащитники. Игорь Нетто нервничал, из-за чего грешил неточными передачами, Александр Петров играл более собранно, но увлекался обводкой. Защита показала себя надежной, стойкой, но незадолго до окончания матча позволила прорваться сразу трем соперникам, в результате чего капитан гостей Цезлик, очень популярный в своей стране игрок, забил гол, принесший сборной Польши победу. Кстати, Цезлик — единственный зарубежный футболист, удостоенный в Советском Союзе звания заслуженного мастера спорта.

Аркадьев в тот день поначалу не рискнул воспользоваться появлением в команде Боброва, но когда убедился, что некому повести игру в высоком темпе и наладить коллективные действия, ввел его в игру, выпустив вместо Бескова. Но время для перелома было потеряно.

Боброву не надо было объяснять, что от него требуется, когда на второй матч он вышел центральным нападающим. Его партнеры сразу же начали делать то, чего они не сделали в первой встрече. За счет скоростного маневра, коротких и неожиданных передач москвичи быстро нашли брешь в обороне соперников. И тут Бобров попал в свою стихию. Он устремился в прорыв, вышел один на один с вратарем и забил гол.

Мяч, пропущенный на 4-й минуте после прорыва Боброва, смутил опытных игроков сборной Польши, успевших до приезда в Москву, в отличие от наших спортсменов, в наступившем сезоне еще не встречавшихся с иностранцами, провести девять важных международных матчей. Теперь и они стали чаще ошибаться. 32-летний Антадзе, благодаря большому опыту, игровой мудрости, сумел сделать то, что не удалось тремя днями раньше 22-летнему Нетто — хорошо поддерживать нападающих. К тому же Аркадьев сумел приструнить Петрова, и он уже не допускал вольностей.

Бобров, соскучившийся по трудным играм, сильным партнерам, в тот день чувствовал себя прекрасно. Команда нередко бросала его в прорыв, и не будь у гостей вратаря Стефанишина, трудно сказать, сколько неприятностей соперникам доставил бы в тот день Бобров. Он смог отличиться потом еще один раз. Счет стал 2:0. Цезлик ответил голом престижа — 2:1.

Приглашение в команду Боброва лишний раз убеждало Аркадьева, насколько велика в коллективной игре роль солиста.

Успех во втором матче со сборной Польши, голы Боброва позволяли спокойно готовиться к приему более сильного соперника — сборной Венгрии. Встречи с польскими футболистами четко обнаружили слабости московской команды — недостаточную подготовленность Трофимова, Николаева, робкие действия Бескова.

Сборная Венгрии в первой половине 50-х

годов считалась одной из сильнейших в мире. К нам в Москву в мае 1952 года она приехала еще без всяких титулов, но высокий класс ее игроков был ясен, пожалуй, даже самому неискушенному человеку. Спустя два с половиной месяца после визита в Москву венгры стали олимпийскими чемпионами, затем через два года они в том же составе заняли второе место на первенстве мира, причем в одной из встреч с победителями турнира — западногерманскими футболистами — они выиграли со счетом 8:3. Весь мир поразился двум победам венгров над англичанами в товарищеских встречах — 6:3 и 7:1. Но вот обыграть в Москве сборную советской столицы венгерские футболисты ни разу не смогли.

Первая встреча с венграми началась с наступления хозяев поля. Вратарю Грошичу пришлось приложить все умение, чтобы перехватить мяч, посланный прорвавшимся по правому краю Бобровым. Потом еще несколько раз атаковали москвичи, но, пожалуй, наиболее реальную возможность открыть счет имел Бобров, выйдя один на один с Грошичем. Он пробил низом, и вратарь венгерской команды парировал удар. С трибун казалось, что, пробей Бобров верхом, мяч попал бы в сетку..

На 35-й минуте Сальников сделал передачу в штрафную площадь. Бобров обыграл центрального защитника Бёржеи и устремился на ворота. Грошич не выдержал и пошел навстречу нашему центральному нападающему. Бобров, всегда хладнокровный в таких ситуациях,

в ответ спокойно обвел вратаря и точно ударил в сетку мимо левого защитника Лантоша, пытавшегося защитить оставленные Грошичем ворота. 1:0.

Во втором тайме гости, продемонстрировавшие хорошую технику, сумели отквитать пропущенный мяч.

Состав, добившийся ничейного результата с венграми, представлялся Аркадьеву удачным, во всяком случае он не изменил его во второй игре. Зато гости дали возможность сыграть в Москве еще четверем футболистам. Игроки сборной Венгрии понимали друг друга лучше, чем москвичи, хотя хозяева поля победили — 2:1.

В этом матче Бобров менял манеру действий. Поначалу его выдвинули далеко вперед, поставив партнерам задачу постоянно снабжать центрального нападающего мячами. Но венгры уже знали цену прорыва Боброва. Поэтому даже в ущерб своим атакам они прикрепили к нему двух «опекунов» — помимо центрального нападающего Кишпетера, кого-либо из полузащитников, чаще всего Божика.

Бороться сразу с двумя опекунами для Боброва не было сложным делом, но на этот раз ему противостояли футболисты с высоким индивидуальным мастерством, которые не поддавались на его дриблинг. И все же он не сдавался, выжидая нужный момент.

В первые десять минут матча существенную ошибку допустили партнеры Боброва. В любой ситуации, получив пас от Боброва, они вновь и

вновь возвращали ему мяч. Хорошо, что в этот отрезок матча правильно переориентировались в обстановке Николай Дементьев и Валентин Николаев. Именно Николаев, до этого матча принявший немало критических замечаний в свой адрес, открыл счет.

Боброву в дальнейшем пришлось отойти в глубину поля. Такой маневр не был в диковинку для него. В 1948 году в матче ЦДКА — ВВС, правда бесславно проигранном армейцами (0:3), Аркадьев решил сыграть с четырьмя действовавшими впереди нападающими и наступавшим несколько сзади Бобровым. Помнится, Юрий Ваньят не разобрался в таком построении форвардов ЦДКА и, рассказывая об игре на страницах «Советского спорта», назвал схему нападения армейской команды странной. В непонравившейся журналисту схеме как раз и заключалась хитрость Аркадьева. Несмотря на то, что первый блин получился комом, армейский тренер не отступил от своего.

Напомнив однажды широко распространенную точку зрения, будто солист требует обслуживания и процветает за чужой счет, Аркадьев с убеждением доказывал, что солист хорошо играет в пас — «это почти правило, обусловленное объективными законами». Против сильного дриблера должен всегда играть защитник, которого подстраховывает еще один, значит, писал однажды Аркадьев, свободнее становится партнерам дриблера и для него самого задача найти свободного облегчается. «Так что индивидуалист-дриблер, которого сильно стерегут, имеет

объективные предпосылки хорошо играть в пас. Его подталкивает к этому необходимость: ему легче найти свободного партнера, а его самого найти им труднее». Такова точка зрения Аркадьева. У него перечень самых наглядных примеров открывал Бобров.

Во втором матче Москва — Венгрия именно способность Боброва хорошо сыграть в пас, умение находить свободного партнера позволили хозяевам поля забить второй гол. Комбинацию начал Дементьев, обыгравший двух соперников. Он увидел, что Бобров, из-за травмы перешедший на место левого крайнего (в конце матча его заменил Демин), свободен и отпасовал ему. А Бобров, которого в каких только грехах ни обвиняли — и солист, и футболист, который любит, чтобы на него играла команда, — выманил на себя двух венгров, а потом за счет умения хорошо разобраться в сиюминутной ситуации, не стал бить, а мгновенно послал мяч к границе вратарской площадки, куда мчался Ильин. Передача от Боброва была филигранной — Ильину особо не требовалось обрабатывать мяч, он лишь нанес точный удар. 2:0. Венгры ответили мощным натиском. Пушкаш, освободившись из-под опеки Нетто, размочил сухой счет.

Удовлетворение Аркадьева спортивными итогами встреч со сборной Венгрии омрачилось горечью от потери Боброва — он вновь попал в распоряжение врачей, и было неясно, когда ждать его возвращения, если, конечно, оно состоится.

Из-за травмы Боброва Аркадьев оказался вынужденным в первом матче с болгарами (они выступали как сборная Софии) перекрыть нападение, вернувшись к варианту с Трофимовым и Бесковым, а на замену Сальникову по ходу матча вышел Гогоберидзе.

Болгарские футболисты, готовясь к Олимпийским играм, в отличие от предыдущих наших соперников прибыли в Москву на три матча. В одном с ними померились силами динамовцы Тбилиси, одержавшие победу со счетом 2:1. Эта встреча состоялась перед второй игрой: ЦДСА — сборная Софии.

Готовясь ко второй встрече со сборной Софии, Аркадьев уговорил медиков разрешить Боброву вернуться в команду. На скамью запасных ушел Бесков. Но в оставшихся до Олимпийских игр матчах Всеволод ничем себя не проявил. После 46-года, после злополучного киевского матча, у него с каждой новой травмой усиливалась осторожность. Аркадьева это очень беспокоило. Как никто другой он видел, что Бобров из острого нападающего превращается иногда в игрока второй линии атаки, а подобная роль была явно не для него.

И все же хоронить Боброва было нельзя. Временами он вновь напоминал о себе опасными действиями, а то и голами, как, например, в товарищеском матче со сборной Финляндии на ее поле (2:0). Сначала Бобров, капитан команды, забил с подачи Фридриха Марютина, очередного новичка в линии напа-

дения, потом воспользовался пасом Василия Трофимова.

Неудовлетворенный игрой нападающих, Аркадьев все еще никак не мог покончить с экспериментами. Не успел Бобров приглядеться к Марютину, понять его манеру игры, как того в матче ЦДСА со сборной Чехословакии (2:1) заменил Автандил Гогоберидзе из тбилисского «Динамо», которого армейцы в 47-м году брали с собой на матчи в Чехословакию.

Это была какая-то напасть в 52-м году — ни разу линия нападения не оказывалась одинаковой в двух матчах кряду. Даже в первом официальном матче пришлось прибегнуть к замене, правда, вынужденной, — занемог Николаев и на поле появился Александр Тенягин, московский динамовец, позднее вернувшийся в родной Ленинград.

Футбольные команды, изъявившие желание участвовать в Олимпийских играх 1952 года, поначалу проводили по одному отборочному матчу, победители которых попадали в основную сетку розыгрыша. Жребий определил нам в соперники болгар, прекрасно запомнивших, как они говорили, манеру действий советских футболистов. Но они и предполагать не могли, каким перед ними предстанет Бобров. Это был прежний Бобров, верный себе, — как всегда, когда трудно складывалась игра, он не только становился собранней, аккуратней в приемах и передачах мяча, но и точнее в выборе позиции,

в результате чего забить гол уже становилось для него делом техники.

Именно капитан сборной СССР после того, как соперники открыли счет, забил мяч. Вдохновленные партнеры Боброва усилили натиск и, поразив потом ворота, сумели стать в итоге победителями.

Игра прошла в Котке. С местным стадионном наши футболисты познакомились тремя неделями раньше, когда на пять дней приезжали на товарищеский матч со сборной Финляндии. Тогда они по инициативе Аркадьева специально ездили из Хельсинки в Котку посмотреть поле, на котором будет встреча с болгарями. Оно оказалось уже любого нашего, впрочем, и олимпийская арена в Хельсинки по ширине тоже уступала «полянам», на которых привыкли играть дома. Подобная ширина, как пояснили финны, принята у них в стране повсюду.

В поселке Отаниеми на окраине Хельсинки, где отдельно от других делегаций со своей охраной с согласия финских властей жили олимпийцы СССР и стран народной демократии (поступали сведения о предполагавшихся в отношении их провокаций во время Олимпийских игр), футболистов сборной СССР, возвращавшихся из Котки, встречали как героев. Попадание в четвертьфинал футбольного турнира расценивалось как огромное достижение. Никто из руководителей делегации, организовавших торжество по случаю прибытия футбольной команды, не задумывался, ка-

кое серьезное испытание, значительно более трудное, чем матч в Котке, ожидает подопечных Аркадзева — игра со сборной Югославии.

Представление Аркадзева о югославском футболе было основано на поездке команды ЦДКА глубокой осенью 1945 года, а также на ответном визите «Партизана» следующим летом. Конечно, предполагалось, что класс игры югославских футболистов возрос. Но чтобы соперники выступили так мощно, как на Олимпийских играх в Финляндии, никто в Москве представить не мог.

Под югославским флагом прибыли в подавляющем большинстве игроки высокого класса: вратарь Беара, центральный защитник Хорват, полузащитник Чайковский, нападающие Митич, Бобек, Вукас, Зебец. До приезда на Олимпийские игры каждый из них в составе сборной Югославии или «Партизана», лучшего клуба в стране, часто встречался с зарубежными соперниками, представлявшими различные футбольные школы.

Не в пример югославам, футболисты сборной СССР попали на Олимпийские игры, мало представляя, что происходит за рубежом. Конечно, пригодился опыт, полученный в серии предолимпийских товарищеских встреч со сборными командами стран народной демократии, но исповедуемый ими футбол нам был знаком: в 51-м году в Польше побывали тбилисские динамовцы, в Болгарии и Румынии — футболисты «Шахтера». А как играют за пределами стран народной демократии, в той же

Югославии, было неизвестно. В диковинку оказалось для нас многое в 52-м году!

Вроде бы для тренеров и игроков испокон веков прописные истины: нападающие должны атаковать, защитники — обороняться. Но вот приезжают советские футболисты на Олимпийские игры и видят, что форварды сборной Югославии в случае необходимости умело уходят на помощь защитникам. Они не только увидели подобные действия, для нас необычные, но почувствовали на своей шкуре. Почувствовали, например, что наступление сборной Югославии заметно усиливалось благодаря поддержке полузащитников. Чайковский и Бошков, как это ни грустно, часто переигрывали наших инсайдов — Николаева и Марютина.

То, что вытворяли порой югославы, не стало открытием, пожалуй, лишь для одного Аркадьева. В «домашнем» чемпионате он тоже пытался нарушать привычные для нас каноны, скажем, приучал защитника Чистохвалова активно участвовать в наступлении. Но Аркадьев экспериментировал в матчах, когда соперники заметно уступали в мастерстве его подопечной команде. Не находилось ни одного клуба, который попытался бы противостоять Аркадьеву его же выдумками.

Даже самые лучшие наши футболисты, отобранные Аркадьевым в сборную СССР, встретившись с югославами, не всегда справлялись со своими обязанностями, не умели разобратся в быстро менявшейся обстановке. Оплочал

Крижевский. Не имевший в преолимпийский период никаких нареканий, он оказался самым слабым защитником. Никогда не преуспевая в персональной опеке, Крижевский, тем не менее, получил от Аркадьева задание напрочь «закрыть» Зебеца. И с установкой тренера не справился: никто так легко не выигрывал единоборство, как Зебец, встретившийся с Крижевским.

Крижевский, до того как попал в число футболистов, готовившихся к Олимпийским играм, играл центральным защитником, играл успешно, значился в списке 33-х лучших. А в сборной команде, причем задолго до отправления на Игры в Финляндии, стал правым крайним защитником. И сделал это Аркадьев вынужденно, после того, как весной на сборах тяжелейшую травму получил Виктор Чистохвалов, которого Борис Андреевич считал идеальнейшим правым защитником в конце 40-х — начале 50-х годов. Под стать Чистохвалову игрока на его место Аркадьев не видел, он поэтому и переqualificировал Крижевского. До встречи с югославскими футболистами вариант — Крижевский вместо Чистохвалова — сходил с рук.

Проиграв первый тайм со счетом 0:3, наши футболисты после перерыва пропустили четвертый мяч. Бобров «размочил» сухой счет, но Зебец, в очередной раз обманув Крижевского, забил пятый гол.

При счете 5:1 в пользу югославов, когда до окончания основного времени игры оставалось

полчаса, исход поединка не вызывал сомнения. О какой дополнительной 30-минутке в случае ничейного результата, могла идти речь?!

Нетрудно представить, как бы выглядела в тот день сборная СССР, не имей она в своих рядах Боброва. Лишний раз можно было убедиться, что он неповторим в эпизодах матча, казалось бы, проигранного. Его игра, неудержимая, мощная, на нервах, привела к тому, что скованности у футболистов сборной СССР не стало.

Бобров был неразговорчив в игре, мог изредка прикрикнуть на партнеров, подать реплику владеющему мячом — «Дай!», но не более того. Он никогда не поучал на поле товарищей по команде, не жестикулировал, не размахивал руками. Зато подавать пример самоотверженности мог, в этом ему не было равных.

Глядя на действия Боброва, преобразилась вся команда. В таких случаях говорят: открылось второе дыхание. Второй гол забил Трофимов, снявший своим точным ударом оцепенение у наших парней. Соперники между тем продолжали играть спокойно, явно не замечая наступившего у нас перелома.

В один из моментов Николаев хорошо знакомым Боброву приемом, получив пас от Трофимова, послал мяч на свободное место между Хорватом и Беарой. Капитан сборной СССР выполнил свой неповторимый рывок, достал мяч, перебросил его с ноги на ногу и ударил по воротам. 3:5.

То, что произошло затем на поле, редко слу-

чается. Югославы были буквально смяты штурмом советской команды. Второй в этот день гол Боброва сломил соперников. Вскоре они пропустили еще один мяч, и вновь отличился Бобров — 4:5.

На 90-й минуте счет сравнялся — после углового, поданного Трофимовым, мяч попал к Петрову, точно пробившему.

Дополнительная 30-минутка словно явилась продолжением второго тайма. Вновь преимущество имела сборная СССР, создавшая немало моментов, которые принято считать голевыми. Но победить она не сумела. Решающий гол, скорее всего, могли забить Николаев и Бесков, находившиеся на близком расстоянии от ворот, но в одном случае мяч отбил Беара, в другом — удар пришелся в штангу.

Поскольку матч, несмотря на добавочное время, закончился вничью, соперники через день встретились вновь. Наши футболисты, будто рассердившись на судьбу, не давшую им возможности победить в первый день, пошли в атаку. Уж очень хотелось им выиграть и показать, что их вдохновение, позволившее спасти казалось бы вконец проигранный матч, не было случайностью.

Нападающие, каждому из которых было не менее 30 лет, постарались взвинтить темп, заставить тем самым соперников как можно быстрее устать, подобно тому, как это удалось в первом матче. Но сил играть в бешеном темпе у далеко не молодых футболистов надолго не хватило.

А начало для нас было обнадеживающим. Бобров забил свой пятый на Олимпийских играх мяч. Но затем все стало на свои места. Югославские футболисты, выглядевшие свежее наших игроков, более умудренные опытом, а главное, лучше сыгранные, победили — 3:1. По настоянию Якушина и руководителей советской олимпийской делегации Аркадьев ввел в состав еще одного новичка — Автандила Чкуасели, из-за чего Бесков перешел на место левого инсайда, где в предыдущем матче играл Марютин.

Знали бы югославские футболисты, что по ходу двух встреч, особенно первой, Боброву сделали несколько новокаиновых блокад. А потому вместо крови новокаин бежал по сосудам спортсмена, которому не было равных не столько в технике, сколько в той самоотдаче, что и сделало его великим, великим без всякого преувеличения.

Поездка на Олимпийские игры не прошла бесследно для советского футбола. Тренерами были сделаны выводы — сборную команду стали созывать регулярно, улучшилась физическая и тактическая подготовка игроков, оправдал себя курс на молодых футболистов, чьи фамилии еще совсем недавно ничего не говорили болельщикам. Спустя четыре года после поражения от югославов сборная СССР стала олимпийским чемпионом, победив в решающем матче как раз югославскую команду.

Но если тренеры спокойно извлекали уроки из неудачи на Олимпийских играх, то

в Кремле посчитали ее трагедией, позором, подрывающим престиж государства. Поражение от футболистов Югославии, страны, государственные отношения с которой были нарушены в 1948 году, привело к тому, что нескольких футболистов, а также Аркадьева наказали лишением высоких спортивных званий, а команду ЦДСА распустили, предварительно освободив Бориса Андреевича от работы с ней.

Это постарались в угоду Сталину Маленков и Берия, сыгравшие на том, что в то время у вождя не было более заклятого врага, чем югославский лидер маршал Тито. Проигрыш сборной СССР подавался не иначе как проигрыш от команды клики Тито-Ранковича.

После Олимпийских игр Бобров провел за команду ВВС в чемпионате страны 9 матчей. Он настолько был подавлен неудачей и расправой над группой футболистов и Аркадьевым (карающая десница дотянулась и до команды ВВС — Крижевский перестал носить звание мастера спорта и его дисквалифицировали на 1 год), что был сам не свой и не напоминал прежнего бомбардира — в девяти играх забил всего 2 мяча. Когда это еще случилось?!

Весной следующего года решили создать объединенную футбольную команду Вооруженных Сил во главе с Бобровым: под его началом оказалось 90 футболистов. Но потом за основу взяли команду МВО, проведенную вскоре всего шесть матчей в чемпионате СССР. Объединенную команду распустили, а игроков распреде-

лили по динамовским и профсоюзным клубам. Боброва направили в «Спартак», где он сыграл четыре раза и забил три мяча. В составе спартаковцев побывал в Будапеште. В венгерской столице на открытии Национального стадиона москвичи встретились с «Гонведом», многократным чемпионом.

В то лето «Спартак» принимал шведский «Юргорден». Москвичи имели с первых же минут территориальное преимущество, но никак не могли поразить ворота соперников. И тогда они бросили в бой двух свежих футболистов, включая Боброва, заменившего Парамонова. Всеволоду никогда не надо было говорить, что от него требуется, если его команда проигрывает или не может забить гол.

Вскоре после появления на поле Бобров открыл счет, шведам удалось отыграться, и матч закончился вничью 1:1. Тогда впервые встретились на футбольном поле два выдающихся хоккеиста — Бобров и Свен Тумба. Они в дальнейшем очень уважительно относились друг к другу. Швед, став известным человеком в гольфе — игроком, предпринимателем, основателем соответствующих клубов в разных городах и странах, включая нашу Москву, звал Всеволода на свою орбиту, будучи наслышанным, что тот, за что бы ни брался, всюду преуспевал...

Гений прорыва, сняв футболку «Спартака», ушел в хоккей, где его ждали титулы чемпионов Олимпийских игр, мира и Европы. А в 1957 году под занавес футбольного сезона вернулся в родную армейскую команду.

Невозможно было понять, какой вид спорта — футбол или хоккей — был Боброву больше по душе. Приведя однажды хоккеистов «Спартак» к золотым медалям чемпионов СССР, он спустя две недели вернулся в футбол, откликнулся на призыв выручать команду ЦСКА, оказавшуюся в группе аутсайдеров. Вытащил ее из глубокой ямы, но его отправили в отставку — военачальникам не понравилось, что он, проработав два с половиной сезона, «не дотянул» команду до призовой тройки.

Последовало возвращение в хоккей — под его началом сборная команда страны впервые померилась силами со звездами из Северной Америки, выступила успешно, а затем победила на двух подряд чемпионатах мира и Европы.

Всех покорившая шайба

Во вторую послевоенную зиму в нашей стране началось повальное увлечение канадским хоккеем, который через некоторое время, когда открыли борьбу с космополитизмом и стали выкорчевывать все, напоминавшее иностранные слова и за границу, превратился в хоккей с шайбой.

Зрелищ тогда было мало, кинофильмы шли первым экраном чуть ли не по месяцу, поэтому зритель, истосковавшийся за четыре военных года не в последнюю очередь по спортивным соревнованиям, охотно шел на стадион. Тогда футболом и русским хоккеем увлекались одни и те же молодые люди. Не были исключением и команды мастеров, имевшие штатное расписание на два вида спорта. Легко, по пальцам можно было пересчитать игроков, которые в своем клубе, сняв осенью бутсы, не выходили бы с наступлением холодов играть в русский хоккей, который позднее стали называть хоккеем с мячом.

А когда зимой 1946—1947 года у нас появилась диковинная каучуковая шайба, то футболисты стали чередовать русский хоккей с ка-

надским — новая игра очень быстро завоевала популярность. Впрочем, в этом не было ничего удивительного — перед зрителями представили команды, почти целиком скомплектованные из футболистов, включая заслуженных мастеров спорта. Иначе говоря, старые знакомые болельщиков появились в новой ипостаси.

Игру осваивали тяжело, прежде чем в какой-то мере сносно научились, набили немало синяков и шишек. Лишь один хоккеист был исключением — он выглядел на льду так, словно всю жизнь увлекался канадским хоккеем. Его фамилия — Бобров. Совершенное владение коньками, а главное, его фирменное чувство гола заметно выделяли Всеволода среди первопроходцев. Недаром его стали называть легендарным.

Боброва прославили, не говоря уже о скорости, на которой он атаковал, тонкий выбор позиции, высокая техника, на редкость точные броски по воротам. Спустя много лет после того, как Мастер оставил лед, появились термины, напоминавшие его игру, — «бобровский финт», «забить гол по-бобровски», «забросить шайбу бобровским приемом».

Не забыть, как он на огромной скорости, часто наклонившись вправо, мчался на вратаря, оказывавшегося словно замороженным. Потом у голкипера оцепенение пропадало, он делал выпад по диагонали, словно предчувствуя, куда последует бросок, чтобы в шпагате преградить полет шайбы. А Бобров тем временем мимо вратаря летел в сторону лицевого

борта, закладывал вираж, вихрем пронесился за воротами, на ходу перебрасывал клюшку из одной руки в другую, при этом шайба оказывалась словно приклеенной к крюку, а потом Бобров неповторимым кистевым движением посылал ее, словно бильярдный шар в лузу, в сетку за спиной вратаря, не успевшего развернуться. Кстати, Бобров и в бильярде был великолепен.

Партнерами Боброва в ЦДКА на протяжении двух чемпионатов были Евгений Бабич и Анатолий Тарасов. Все трое входили в армейскую команду по русскому хоккею, пока в стране не появилась шайба. Бобров и Бабич вне спортивных арен оставались вместе — дружили семьями, к тому же жили недалеко друг от друга. Холостыми могли вместе позволить, как принято говорить, грехи молодости. Но оба умели, даже будучи неженатыми, остановиться, дать возможность внутреннему голосу сказать «стоп!», умели, что тот, что другой, тренироваться до иступления, а потом сыграть «через не могу» и все силы, без остатка положить на алтарь победы.

Кстати, о тренировках Боброва-хоккеиста. Когда у него на первых порах не ладился бросок справа, он повторял это упражнение около трехсот раз. Поразительна настойчивость этого человека в сочетании с редким талантом.

Третий игрок в бобровской тройке на протяжении двух лет — Анатолий Тарасов. В первом хоккейном чемпионате страны он участвовал в составе команды ВВС, забросив в турни-

ре 14 шайб — больше, чем кто-либо. По одаренности Тарасов уступал не только Боброву, но и Бабичу. Но за счет огромного, прямо-таки фанатичного отношения к тренировкам не только сохранился на плаву в великом звене, но и сумел войти в число лучших хоккеистов страны, будучи одновременно играющим тренером ЦДКА. Тройка Бабич — Тарасов — Бобров считалась первой, ударной в составе сборной команды Москвы, созданной в феврале 48-го года для встреч с прибывшими к нам хоккеистами пражского клуба ЛТЦ, многие из которых считались звездами мировой величины.

Первая тройка ЦДКА в чемпионате 48-го года показала феноменальный результат. Из 108 шайб, заброшенных армейцами, на ее долю пришлось 97! Показатель Боброва в том же турнире — 52 шайбы — был настолько высок, что никто не мог превзойти его целых 15 лет! У зрителей не возникало никаких сомнений в прочности связей внутри звена — игровых, человеческих.

Наверное, в истории мирового хоккея аналогов нет — любой из крайних нападающих оказывался полной противоположностью центральному нападающему своей тройки. Ни Бобров, ни Бабич никогда не предпринимали никаких попыток к сближению с партнером вне хоккейной «коробки». На льду все трое были единым целым, а за пределами стадиона двое с третьим не дружили, не приятельствовало.

Тарасов тоже не шел на сближение. Он

презирал партнеров за их отдельные бесшабашные поступки в жизни, за порой, как ему казалось, ненужную растрату сил, здоровья. Лишь спустя много лет после смерти Боброва у Тарасова стали появляться строчки, в которых он, буквально выдавливая из себя слова, пытался сказать что-то теплое о Боброве.

Тарасов, полный антипод Боброва, стал играющим тренером команды ЦДКА вскоре после возвращения из спортклуба ВВС МВО. Перед началом второго чемпионата СССР всем командам мастеров предложили иметь в обязательном порядке тренера. Армейские хоккеисты, занявшие в предыдущем чемпионате 2-е место, ломали в связи с этим голову — как быть. Прежний тренер — Павел Коротков, офицер-летчик, ушел работать в спортклуб ВВС МВО. Срок подачи заявки подхлестывал игроков быстрее назвать тренера. И вот тогда Бобров предложил Тарасову быть тренером — «Ты же у нас профессор! «Краткий курс ВКП(б) читаешь!»

«Краткий курс ВКП(б)» тогда повсюду изучали, некоторые абзацы, страницы заучивались чуть ли не наизусть. Среди хоккеистов, пожалуй, лишь один Тарасов всерьез изучал «Краткий курс», конспектировал отдельные главы, делал выписки.

Авторитет Боброва в команде был громадным, ему практически не перечили, поэтому его предложение в отношении кандидатуры тренера было принято безоговорочно.

Тарасов, надо отдать ему должное, отнесся к

назначению со всей серьезностью, он исправно посещал всевозможные тренерские семинары, лекции, устраиваемые для новоиспеченных руководителей команд, засел за учебники, не считал зазорным консультироваться с самыми известными специалистами по физиологии, психологии, педагогике. Со временем он оказался неистощимым на всевозможные выдумки по организации тренировок.

Но никогда ничто не связывало Тарасова и Боброва, даже когда великий хоккеист сам перешел на тренерскую работу. И вовсе не потому, что Бобров в роли тренера оказался невеждой, белой вороной, и стал работать не как все, игнорируя опыт коллег или достижения ученых. Как раз наоборот, Бобров на тренерском мостике использовал в хоккее все лучшее из опыта ученых и в не последнюю очередь практиков, принеся и много своего, фамильного. Недаром «Спартак» под руководством Боброва стал в 1967 году чемпионом СССР, прервав четырехлетнюю победную серию ЦСКА, а сборная СССР дважды выиграла первенство мира и Европы, хотя он пробыл тренером нашей главной команды всего три сезона.

У Тарасова и Боброва были разные взгляды на хоккей, на некоторые его явления. Но отнюдь не это обстоятельство мешало сближению двух непохожих ни в чем людей. Виктор Тихонов, четыре сезона проведенный (при Боброве) в команде ВВС, однажды заметил, что Всеволод Михайлович был редкостной доброты человек.

Тарасова еще в незапамятные времена молва окрестила Троцким, который долгие годы считался в нашей стране синонимом коварства и вероломства. Николай Старостин убежден, что беспричинные клички в общем-то редкость. На этот счет он вспомнил Гоголя, писавшего, что народ дает прозвища по заслугам и метко.

Чернышев и Тарасов, категорически отказавшись работать со сборной СССР за полтора месяца до чемпионата мира и Европы 1972 года, поставили ее в тяжелое положение. Правда, они подчеркивали, что будут оказывать максимальную помощь новым тренерам — Боброву и Пучкову, однако оба, особенно Тарасов, всячески пытались помешать их работе (интересующихся подробностями отношу к докладной записке начальника Управления спортивных игр Спорткомитета СССР Валентина Сыча, направленной 3 апреля 1972 года, председателю Комитета Сергею Павлову; она была обнаружена в архивах и опубликована во втором номере журнала «Хоккей сегодня» в 1993 году, при жизни Тарасова).

Так вот, Тарасов 21 марта позвонил комсору сборной СССР Игорю Ромишевскому и предложил ему срочно собрать комсомольское собрание и принять решение об исключении из состава команды Валерия Васильева и Александра Гусева, которые, по его словам, недостойны защищать честь советского хоккея на чемпионате мира (раньше Тарасов, а с ним заодно и Чернышев, полностью согласились с

предложенным Бобровым составом). Кроме того, Тарасов потребовал от Ромишевского после собрания сообщить фамилии игроков, которые выступили бы в защиту того и другого защитника.

На состоявшемся очередном комсомольском собрании Александр Рагулин, Игорь Ромишевский, Валерий Харламов, Виктор Кузькин, Борис Михайлов заявили, что Васильев и Гусев по праву должны быть в составе сборной СССР.

Тогда же Тарасов, как следовало из докладной записки Сыча, неоднократно требовал от Кузькина, Рагулина и Ромишевского просить включить в состав Анатолия Фирсова, видимо, забывая, что каждый тренер может иметь свой взгляд на комплектование сборной. Сыч считал, что действия, предпринимаемые Тарасовым, на словах согласившегося с кандидатурами, имели целью внести в ряды игроков сборной команды нервозность, подорвать их веру в правильность подобранного состава.

Сыч приводил пример с Владимиром Викуловым, который в четырех товарищеских матчах в Финляндии и Швеции не проявил бойцовских качеств, практически не играл в пас с новым партнером по звену — Александром Мальцевым. Оказалось, что опытный Викулов, находясь под влиянием Тарасова, сомневался, сможет ли Бобров привести команду к победе.

Тарасов, не в пример Боброву, мог неожиданно отчислить игрока, если видел, что спортсмен уже не в состоянии прибавлять в игре.

Каково было 30-летнему мужчине, не умевшему до сих пор ничего в жизни, кроме того, как играть в хоккей, оказаться на улице в полном смысле слова?!

Неизвестны случаи, когда Тарасов, в отличие от Боброва, обивал пороги высоких кабинетов, чтобы помочь с трудоустройством кому-нибудь из своих партнеров, например, Бабичу, или кому-то из закончивших играть, например, Сологубову.

Частная жизнь Тарасова всегда оставалась тайной за семью замками из-за замкнутого, тщательно оберегавшегося им образа жизни. О Боброве с его открытой душой судили на каждом углу, порой при этом сочинялось много небылиц.

Сколько лет прошло, а я до сих пор помню, как 11 сентября 1988 года, в день открытия Международного гольф-клуба на улице Довженко я оказался в ресторане гостиницы «Националь» (с видом на Кремль) за одним столиком с Пеле и Тарасовым (потом к нам подключился Тумба). Нас предупредили, что Пеле — 100-процентный трезвенник, позволяющий в лучшем случае буквально прикоснуться губами к бокалу с шампанским. А Анатолий Владимирович, несмотря на это предупреждение, упорно уговаривал бразильца отведать нашего русского национального напитка. Сам он на протяжении всей нашей встречи от «дегустации» не отказывался, начав с того, что произнес «Первую не закусывают». Таким я его никогда до этого не видел. А в заключение, несмотря на

все недуги, одолевавшие его всюду, он сел за руль своей «Волги», что в подобном тогдашнем своем состоянии не мог позволить в былые годы, и помчался домой на «Сокол» (жил в том же доме, что и Бобров).

Тарасов мог горячо ратовать за развитие хоккея в различных регионах страны, он гневно, когда отошел от практических дел, осуждал некоторых тренеров и спортивных работников за попытки «сманивать» игроков отовсюду (в стране еще никто понятия не имел о контрактной системе). А сам, будучи в зените славы, возглавляя команду ЦСКА, забирал под свое начало лучших игроков из многих клубов, чтобы затем переправлять парней в дочерние команды ЦСКА, созданные в Калининне, Куйбышеве, Чебаркуле, Новосибирске.

Головную боль у руководителей отечественного спорта вызывали печатные работы Тарасова. Однажды его статья на страницах «Советского спорта» вышла с купюрами, были убраны цензурой многие данные, касающиеся сборной СССР, прямо-таки пособие предлагалось тренерам команд, наших соперников на чемпионатах мира. Сыч, оказавшись в командировке в Стокгольме, узнал от работников советского посольства, что Тарасов периодически печатает в Швеции свои статьи и дает интервью, что было тогда большим грехом, крайне правым газетам и даже, по словам Сыча, порнографическим журналам.

В мае 1969 года Сергей Павлов на бланке с грифом «Секретно» сообщил в ЦК КПСС, что

«в последнее время т. Тарасов уверовал в свою непогрешимость и безнаказанность, все чаще проявляет заносчивость и высокомерие, пренебрежительное, а подчас и оскорбительное отношение к спортсменам, тренерам и судьям, нетерпимость к любой форме критики своих действий». После этого Тарасова лишили звания заслуженного тренера СССР, а в октябре восстановили без всякой формулировки (кстати, та информация Павлова, обнаруженная в партийном архиве, увидела свет в 1994 году на страницах «Московской правды» также при жизни Тарасова).

Известный спортивный работник Валерий Сысоев, одно время возглавлявший Центральный совет общества «Динамо», в бытность народным депутатом СССР, заметил, что не может в современном мире быть бесконфликтных тренеров, если у них есть имя. Бобров тоже имел имя, да еще какое, но никогда его не сопровождали конфликты с подопечными игроками или с коллегами-тренерами.

Единственный человек, с кем Бобров никогда не мог пойти на компромиссы, был Тарасов, которому он ничто не прощал, возмущался тарасовским отношением к ветеранам. «Если бы не Тарасов, я бы еще несколько лет поиграл» — такое я слышал от Всеволода часто.

Весной 1953 года Тарасова командировали на чемпионат мира и Европы, на котором наши хоккеисты не выступали. Тогда руководители отечественного спорта не решились

подать заявку, поскольку не набрались мужества гарантировать успешное выступление Сталину, вскоре скончавшемуся, — еще были свежи в памяти крутые меры, принятые после поражения сборной СССР от югославов на Олимпийских играх 1952 года, да и Бобров, главная надежда команды, не мог выступать из-за травмы.

Позднее Тарасов часто возмущался, что в спортивном руководстве страны делали ставку на неперемненное участие Боброва в сборной СССР.

Первый для советских хоккеистов чемпионат мира и Европы принес им в 54-м году успех. Они разгромили канадцев со счетом 7:2. Боброва признали лучшим нападающим.

Вновь на подобном турнире в роли наблюдателя оказался Тарасов. Он не очень верил в победу наших парней над канадцами в заключительной встрече. Во всяком случае он предлагал руководителям делегации — Георгию Роговскому и Борису Мякинькову посоветовать парням не особенно выкладываться в последней игре, а лучше поберечь силы для переигровки со шведами за звание чемпиона Европы — подобный матч состоялся бы (организаторы соревнования уже объявили о продаже на него билетов) в случае нашего поражения от канадцев (в рамках регулярного чемпионата сборные СССР и Швеции сыграли вничью — 1:1). Тарасов вроде бы говорил, что для первого раза неплохо вернуться домой с серебряными медалями.

Тарасовскую идею команда с гневом отвергла. Хоккеисты по инициативе Альфреда Кучевского, защитника «Крыльев Советов», решили пощадить Боброва, уже отошедшего ко сну, и ничего не говорить ему о предложении одного из его бывших партнеров. Но Всеволоду стало известно о предложении Тарасова. На следующий день капитан играл блестяще. Впрочем, достойно провела матч, под стать Боброву, вся команда.

Дебютанты преподали признанным фаворитам урок хоккейного мастерства. Уже после первого периода сборная СССР вела со счетом 4:0, а итоговый результат — 7:2. Во многом наши игроки, да и Чернышев, посчитали третью шайбу, которую забросил Бобров, во многом переломной.

На следующий день через две полосы разворота газеты «Экспрессен» шел аншлаг «Ученики преподносят урок учителям». Дело в том, что в день матча с канадцами в прессе появился рисунок: маленький Бобров сидит за партой, на которой лежит букварь, а сверху назидательно смотрит канадец огромного роста. Теперь на читателей среди многочисленных снимков во весь «рост» с газетных полос смотрел Бобров, которого журналисты называли королем шайбы, излучающим радость победы.

Врученный тогда в Стокгольме Боброву как лучшему нападающему приз от Международной лиги хоккея на льду — настольные часы уникальной работы — позднее экспонировался в павильоне «Физкультура и спорт» на ВДНХ.

В западной печати еще до стокгольмского чемпионата появлялись восторженные отклики об игре наших хоккеистов, включая Боброва. Особенно усердствовали шведы после того, как в Москве на стыке 53-го и 54-го годов бесславно выступила стокгольмская команда АИК, одна из старейших в своей стране. Она проиграла динамовцам, усиленным игроками других клубов, — 0:4, «Крылышкам» — 0:5 и ЦСКА — 1:13. Отчет о последнем матче во влиятельной «Дагенс Нюхетер» появился под заголовком «Игра сборной СССР одного класса с канадцами. Советы могут выиграть чемпионат мира!»

В той корреспонденции, в частности, говорилось: «Сборная СССР может покончить с гегемонией Канады в хоккее». И далее: «Вот насколько хороши русские, хотя их хоккей фактически еще находится в самом начале своего развития. В составе ЦДСА 11 игроков сборной, два из них являются хоккеистами мирового класса — Бобров и Бабич. Замечательный футболист Бобров не так быстро катается на коньках, как другие хоккеисты, но он играет значительно лучше».

Путте Кокк, спортивный журналист другой крупной шведской газеты «Афтонбладет» и одновременно президент хоккейного клуба АИК, тоже восторгался манерой игры наших хоккеистов. Больше всего ему запомнился Бобров, который с партнерами «играл в красивый хоккей, своего рода футбол на льду» — это было, по его словам, красивое зрелище.

Но в Швеции не хотели верить своим сооте-

чественникам, побывавшим в Москве, высоко оценившим наших хоккеистов, особенно Боброва. Над некоторыми очевидцами московских матчей просто насмехались.

А в Канаде были настолько уверены в победе своей команды на чемпионате мира, что не следили за откликами мировой печати на подготовку советских хоккеистов. Канадцы — игроки и тренеры, прибывшие в Стокгольм, — не считали нужным посмотреть, как играет сборная СССР, они ни разу не побывали на ее матчах. Накануне встречи с нашими хоккеистами канадский капитан Кэмпбелл прямо заявил: «Мы их разобьем... Это точно!»

Но на деле все случилось иначе. Мир стал свидетелем триумфа сборной СССР. Не ошиблись шведы, восторженно писавшие о советских хоккеистах, о Боброве. Теперь весь хоккейный мир открыл для себя этого выдающегося спортсмена.

Репортер газеты «Свенска Дагбладет», еще одной солидной в Швеции, оказался очевидцем того, как Джонни Скотт, которому канадцы поручили нейтрализовать Боброва, после игры с новыми чемпионами мира рыдал, содрогааясь всем телом. Спустя четверть века, нападающий канадцев Гэйленд, вспоминая ту встречу, произнес только одну фразу: «Замечательно сыграл Бобров». Через два года после триумфа в Стокгольме Боброву и его товарищам по сборной СССР в Кортине д'Ампеццо вручили еще один комплект первых для нашего хоккея золотых медалей — олимпийских,

добавив их тогда к медалям за первое место на двух чемпионатах — мира и Европы (в рамках Олимпийских игр). И опять на планете восхищались Бобровым, образцом нападающего, на которого равнялись не только его соотечественники, но и зарубежные хоккеисты.

Конечно, хоккеем с тех пор, когда выступал Бобров, сильно изменился, но, по мнению Аркадия Чернышева, если бы Всеволод рос вместе с последующими поколениями лучших хоккеистов, он мог бы всегда сверкать.

Не счесть, сколько раз побеждали команды (футбольные и хоккейные), которыми руководил Бобров. Но один победный матч в его тренерской карьере — самый, самый. 23 апреля 1967 года в Лужниках спартаковцы, ведомые Бобровым, выиграли со счетом 7:3 у ЦСКА. Эта победа была значительной для Всеволода не только потому, что практически делала «Спартак» недосыгаемым на пути к званию чемпиона СССР. Армейцев тогда тренировал Тарасов!

Нетрудно представить, какие чувства одолевали тогда Боброва. После матча он дождался, пока я передам отчет об игре в «Правду», и мы на его «Волге» отправились с женами и Казарминским в ресторан «Центральный».

А самый печальный матч у Боброва-тренера случился в футболе в 75-м году. Он занимался с алма-атинским «Кайратом», выступавшим в первой лиге чемпионата СССР. После нескольких побед в розыгрыше Кубка СССР алма-атинцы вышли на команду ЦДСА, тренируе-

мую Тарасовым. Матч состоялся в Москве, на стадионе «Динамо».

После выступления Боброва за «команду лейтенантов» никогда на трибунах не собиралось столько его родных, знакомых, в том числе и таких, которые давно не ходили на футбол. Ведь у матча, в котором решалось, кто выходит в полуфинал, был подтекст: очередное противостояние Бобров — Тарасов.

Шансы команд на продолжение борьбы в кубковом турнире расценивались как равные. Футболисты ЦСКА, в отличие от «Кайрата» выступавшие в высшей лиге, в том сезоне не радовали своих поклонников, располагаясь рядом с опасной зоной, откуда команды вылетали в первую лигу.

Но в тот день армейцы показали игру, которую они не демонстрировали до этого и которую они не сумели показать до конца сезона. Не знаю, как сумел Тарасов настроить подопечных, но они в тот день, как говорится, прыгнули выше головы и победили со счетом 3:0. Более подавленного после матча Боброва я никогда не видел.

«Спартак» — чемпион

Руководители «Спартака» в начале 64-го года пошли на известный риск, пригласив Боброва старшим тренером хоккейной команды. До этого на протяжении семи лет он работал футбольным тренером. В хоккее жизнь тренера ему лишь предстояло начинать.

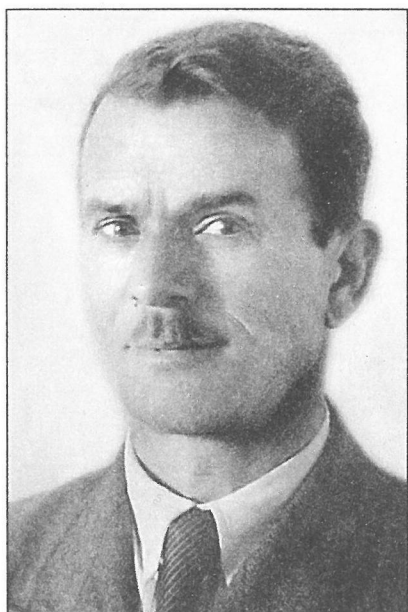
Правда, у него была слава великолепного хоккеиста, но это обстоятельство ровным счетом не предопределяло успех на тренерском мостике.

Ко времени, когда Бобров появился в тренерском корпусе, наоборот, почти все команды возглавляли бывшие хоккеисты из так называемой первой волны. Многие из них работали без особых успехов, придерживались принципа «делай как я», но тем не менее они были в спортивных обществах на хорошем счету, их оберегали от критики, а некоторым даже прощали грехи в быту. А что оставалось делать спортивным начальникам? Иных тренеров еще не было. Поэтому появление Боброва в «Спартаке» казалось очередной попыткой сделать еще одного игрока тренером.

Но надо было знать Боброва. Подобно тому,

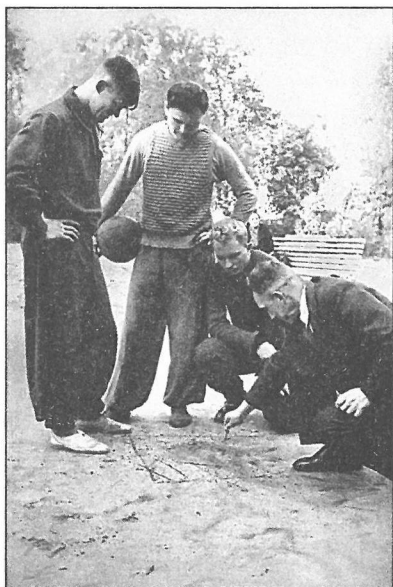
1933 г. Хоккейная команда 2-й сестрорецкой школы. Справа — капитан команды Володя Бобров, далее — вратарь Алик Белаковский и нападающий Сева Бобров

1942 г.
Михаил Андреевич
Бобров. Омск

1945 г. ЦДКА – «команда лейтенантов». Слева направо: Г. Федотов, В. Никаноров, А. Прохоров, В. Бобров, Г. Тучков, А. Виноградов, В. Николаев, А. Гринин, И. Кочетков, Б. Афанасьев и В. Демин

Тактика «команды лейтенантов» зарождалась на дорожках парка ЦДКА. Слева направо: В. Бобров, В. Николаев, В. Демин, Б. Аркадьев

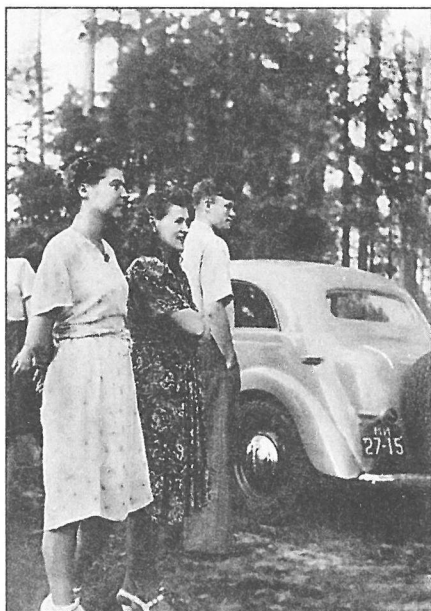
После войны от края и до края заполнялись трибуны стадиона «Динамо». На финале кубка СССР в 1945 г.

1945 г. В борьбе за мяч. На траве М. Семичастный и Г. Федотов. Им на помощь спешат В. Бобров (слева) и А. Хомич. Последний сезон, когда наши футболисты не имели номеров на спинах

Всеволод Бобров (5-й справа) в цепочке игроков «Динамо» перед встречей с «Челси»

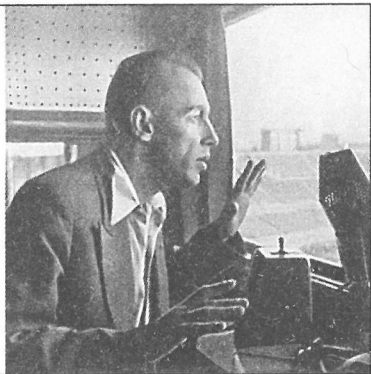
«Москвич» стал на несколько лет средством передвижения для Боброва

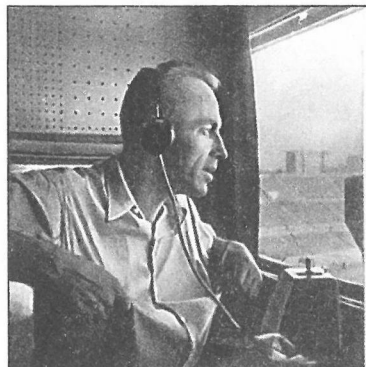
Мальчишки толпами ходили за своим кумиром

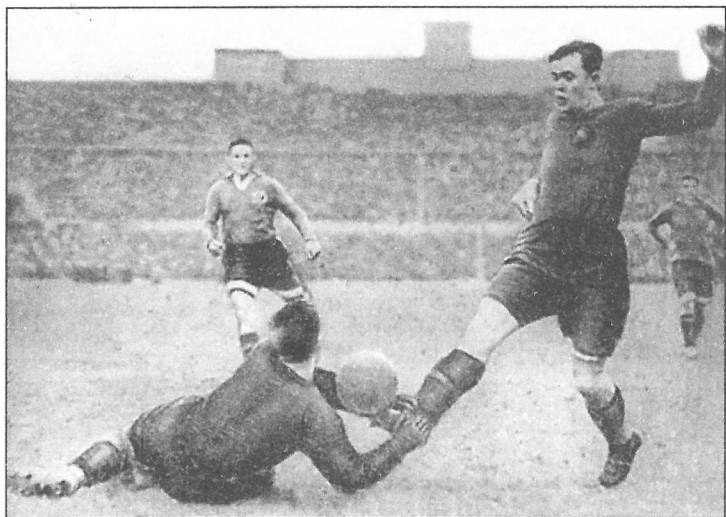
В атаке — Валентин Николаев. Справа — Владимир Демин

Игру Боброва невозможно представить без репортажей Вадима Синявского: До начала матча осталось 5 минут... Бобров повел атаку... Игра обостряется... Неплохо сыграл Бобров... Нужно бить, Сева!

1948 г. На этот раз обыграть Алексея Хомича не удалось

Со временем Боброва и Хомича часто можно было видеть у кромки поля — один из них стал тренером, другой — фотокорреспондентом

Григория Федотова называли жемчужиной советского футбола

Здоровье в порядке — спасибо зарядке

Неукротимый прорыв Боброва

...с носом чуть картошкой

Бориса Аркадьева Бобров считал великим тренером

1950 г. Футбольная команда ВВС. Слева направо: капитан В. Бобров, А. Акимов, А. Прохоров, К. Крижевский, В. Шувалов, В. Метельский, А. Анисимов, Н. Овчинников, Е. Бабич, В. Федоров, А. Оботов

Обведя вратаря сборной Венгрии знаменитого Дьюлу Грошича, Бобров забивает гол

В атаке на ворота сборной Польши – Валентин Николаев, игрок сборной Москвы

Два капитана — Всеволод Бобров и Ференц Пушкаш (Венгрия), две звезды мировой величины

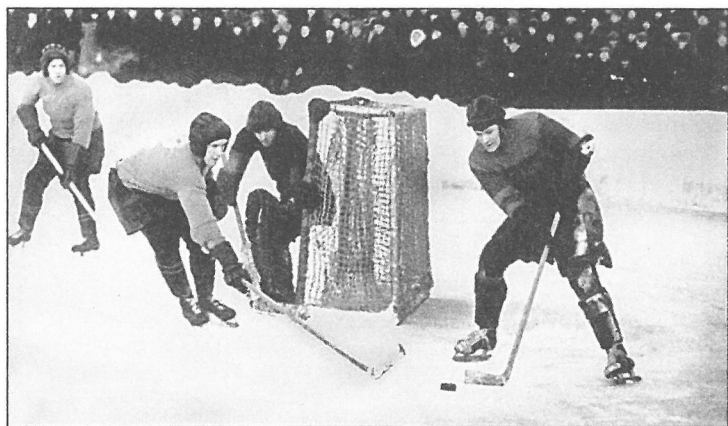
1952 г. Всеволод Бобров — капитан команды ЦДСА, фактически это была сборная СССР

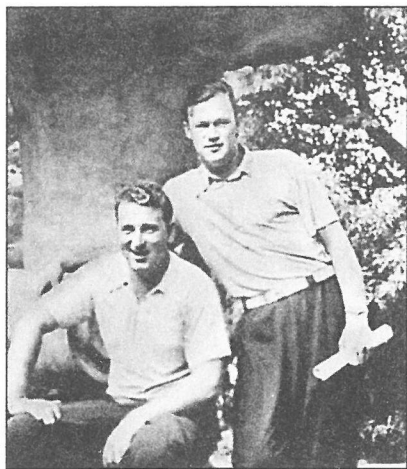

1948 г. На исходе зимы к нам пожаловала из Праги прославленная команда ЛТЦ и в первом же матче Бобров проверял ее ворота на прочность. Соперники, защищаясь, отправили Бабича (справа) на лед

Излюбленный прием Боброва — на огромной скорости объехав ворота, послать шайбу в ближний от вратаря угол

А. Тарасов и В. Бобров.
Пока еще друзья

Хоккеисты ВВС первыми из советских клубных команд побывали за рубежом — были на тренировочном сборе в Катовице. После занятий на искусственном льду бродили по городу. Справа налево: П. Котов, А. Виноградов, В. Бобров, А. Виктор, В. Новожилов, П. Жибуртович, местный житель, Е. Бабич, Г. Мкртычан, Р. Леонов, Б. Тропин, Ю. Володин

Капитан и играющий тренер команды ВВС

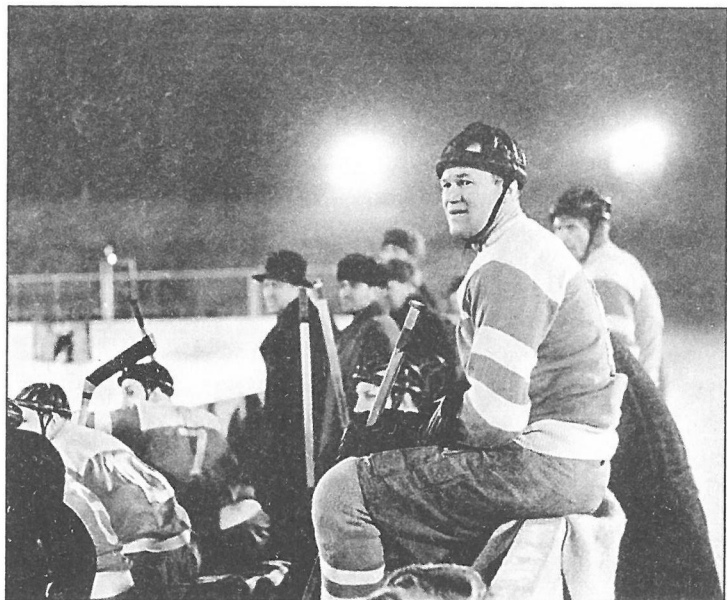
1952 г. Хоккеисты ВВС выиграли Кубок СССР и второй сезон подряд стали чемпионами. Слева направо: В. Бобров, Г. Мкртычан, Н. Пучков, А. Виноградов, В. Шувалов, П. Жибуртович, П. Котов, В. Новожилов, Ю. Пантюхов, А. Викторов, Е. Бабич, И. Горшков, А. Стриганов и Р. Леонов

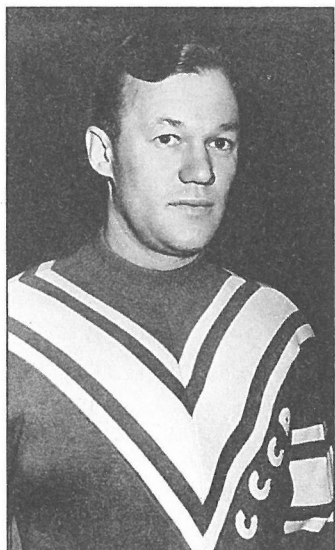
Гений прорыва

Передышка

Вратарю остается лишь проводить глазами шайбу, которая от клюшки Боброва сейчас окажется в сетке

Самый первый капитан в сборной СССР по хоккею

как он умел выделяться каскадом финтов, хитроумными ударами в футболе или бросками в хоккее, так и в среде тренеров он быстро привлек внимание, но уже за счет природного ума и проницательности.

Все, что ни делал Бобров в «Спартаке», было просто, даже очень просто, как-то элементарно, но за три года это принесло ощутимые плоды — команда, не отличавшаяся постоянством в игре, превратилась в клуб, дерзнувший предпринять погоню за ЦСКА (чего в нашем хоккее прежде не наблюдалось!), а затем ставший и чемпионом!

Бобров не только добросовестно проводил тренировки, что-то стараясь придумать, неизменно ставя себя на место игрока. Много времени у Боброва отнимало комплектование основного состава. Прежде чем пригласить игрока из другого клуба, тщательно взвешивалось, а подойдет ли ему «спартаковская форма». Бобров «пробивал» жилье наиболее нуждавшимся, старался знать, как складывается учеба многих хоккеистов — тогда в «Спартаке», как никогда, было много студентов, а Борис Майоров стал аспирантом.

Обладая покладистым характером, умением ладить не только со спортсменами, но и с коллегами-тренерами, спортивными руководителями разного ранга, Бобров внешне не стал яркой фигурой, не бросался в глаза на матчах или на всевозможных совещаниях, но он прочно, как никто, держал управление командой,

раскрываясь даже для тех, кто прежде хорошо знал его в ином свете.

Быть может, умение быть тренером, педагогом, наставником давалось Боброву медленнее, чем в свое время умение бросать диковинную, как казалось, шайбу, но зато все делалось основательно, возникал, как это принято говорить, доброжелательный климат в команде. «Родился под звездой» — говорили когда-то о Боброве-спортсмене, называя его везучим, счастливым. Но что сказать о его тренерской работе в хоккее, успешно начавшейся? Везением, влиянием благополучных факторов это никак не назовешь.

После того, как «Спартак» выиграл первенство страны, отношение к Боброву-тренеру в хоккейном мире заметно изменилось, хотя он никаких открытий в работе не сделал. Он лишь по-своему подошел к психологической и общефизической подготовке питомцев.

При Боброве в «Спартаке» увеличился объем тренировок, особенно со штангой. Спартаковцы, правда, по показателям в общефизической подготовке не превзошли хоккеистов ЦСКА. Но прежнего преимущества армейцы уже не имели. Это было весьма важно, поскольку в скорости и морально-волевых качествах спартаковцы и раньше не уступали армейцам.

Прежде «Спартак», правда, мог потерять очко или даже два во встрече с командой, расположившейся в нижней половине турнирной таблицы, но теперь неровных выступлений не

стало. Более того, на финише сезона «Спартак» сумел показать игру, при которой ветераны действовали столь же задорно, как и молодежь, а молодые хоккеисты играли под стать ветеранам.

К моменту победы «Спартак» пошел четвертый год работы Боброва с командой. Было достаточно времени изучить характер игроков, их отношение к спорту, режиму. Если для Боброва-хоккеиста сезон начинался в начале декабря и заканчивался в начале марта, после чего он и его партнеры уезжали на юг готовиться к футбольному сезону, то в 60-х годах хоккеисты выходили на лед в августе, а расставались с клюшками в мае. Бобров — хоккейный тренер не мог не видеть, что где-то в середине сезона у хоккеистов нового поколения появляется апатия и им надоедают коньки, клюшки, шайбы.

Вот почему зимой 1967 года спартаковцы больше обычного ходили на лыжах, играли в футбол как на снегу, так и в зале, увлекались баскетболом, плаванием, не забывали и о тяжелой атлетике. Иногда на протяжении целой недели они не выходили на лед. Словом, Бобров делал все, чтобы отвлечь спартаковцев от хоккея.

Когда я попадал к спартаковцам на тренировки, то оказывался свидетелем, как кое-кто из них ворчал: «Когда же опять будем играть в хоккей?» Бобров оставлял ворчание, особенно самых опытных игроков, без внимания или лукаво подмигивал мне. Зато после разлуки со

льдом все тренировались и играли азартно. Отсюда и сравнительная легкость выступления на финише, включая и матч с ЦСКА, закончившийся со счетом 7:3.

Удивительно, но факт: «Спартак» стал в 1967 году чемпионом, не имея своего льда, хуже того, даже обыкновенной тренировочной базы, хотя к тому времени игроки многих клубов готовились к матчам уже в сносных условиях. Перед очередной календарной встречей хоккеисты «Спартака» собирались... в густозаселенной зоне отдыха в Серебряном Бору.

После 44 матчей чемпионата, самого продолжительного в первое двадцатилетие советского хоккея, «Спартак» опередил армейцев на 5 очков. Чемпионы установили для того времени рекорд — они забросили 303 шайбы (прежний рекорд — 246 голов — принадлежал армейцам, он зафиксирован в чемпионате 1964 года). Старшинов возглавил список бомбардиров, забросив 47 шайб.

Бобров умел построить занятия со спортсменами на доверии к ним. Одна история с Савиным чего стоила. Был такой игрок в «Спартаке». Еще в детстве он оказался в дурной компании, большинство из которой со временем оказалось не в ладах с законом и было осуждено за кражи. Савин у дружков научился многому плохому. И, когда Бобров принял «Спартак», то всерьез взялся за этого молодого человека, стремясь к тому, чтобы Жора порвал и с воровской компанией и с привычкой пить. И бился Бобров за Савина не потому, что ви-

дел в нем одну из главных надежд «Спартак». Это был лишь неплохой хоккеист. Не больше. Во всяком случае он никогда не принадлежал к числу тех, кого боится потерять команда. Характерно, что Савин нередко проводил матч на скамейке запасных. А бился за него Бобров, будучи убежденным, что любой парень, оступившийся в жизни, должен стать человеком. И долг тренера — помочь ему.

Приведя «Спартак» на 1-е место в чемпионате СССР 1967 года, Бобров мечтал о дубле — предстояли матчи на Кубок страны. Для этого были вроде основания. Команда находилась в хорошей форме, свидетельством тому служила серия побед на финише чемпионата, включая и крупный успех во встрече с армейцами. Но спорт непредсказуем. Финальный матч спартаковцы по существу без особой борьбы проиграли команде ЦСКА — 0:2. Временами создавалось впечатление, что некоторые хоккеисты «Спартак» заранее уверовали в свое превосходство и не учли потенциальных возможностей соперников, их желания взять реванш за потерю титула чемпионов. Во всяком случае сыграть через «не могу» «Спартак» в тот день не сумел.

А вскоре Бобров расстался со спартаковской командой. Казалось бы, что ему еще надо — преуспевают подопечные, даже в таком составе они смогли бы победить по крайней мере в ближайшем первенстве. Не исключалось и усиление пятерок, наверняка, в связи с победой в чемпионате СССР в «Спартак» захо-

тели бы перейти многие известные хоккеисты. Но Бобров не мог спокойно наблюдать, как буквально на глазах разваливается армейская футбольная команда, которой он отдал лучшие годы жизни. Она в то время оказалась едва ли не последней в турнирной таблице чемпионата СССР.

Поэтому стоило работникам спорткомитета Министерства обороны СССР лишь заикнуться в разговоре с Бобровым о том, как он смотрит на возможность возглавить футбольную команду ЦСКА, как было получено согласие. И пошел Бобров из благополучного коллектива в тонущую команду. Сам маршал Гречко, министр обороны СССР, с удовлетворением отнесся к возвращению Боброва в родные пенаты. Бобров, в свою очередь, высоко отзывался об этом военачальнике, который, несмотря на огромную занятость, всегда старался быть в курсе дел армейских спортсменов, особенно футболистов. Бобров часто вспоминал, как Гречко, еще будучи первым заместителем маршала Малиновского, возглавлявшего министерство обороны, выкраивал время, чтобы приехать перед очередным матчем в футбольную команду ЦСК МО поговорить с Аркадьевым, Бобровым и их подопечными.

Бобров до последнего момента по существу скрывал свой переход из хоккея снова в футбол. Помню, мы с ним поехали посмотреть футбольный матч армейцев с торпедовцами. Он расспрашивал меня едва ли не о каждом

игроке ЦСКА — сколько ему лет, где раньше выступал, когда принят в команду ЦСКА. Эти вопросы были нетрудны для меня, поскольку весной я летал в Душанбе, где армейцы готовились к сезону и участвовали в матчах на приз газеты «Советский спорт», а потому волей-неволей оказался в курсе забот тогдашнего старшего тренера ЦСКА Сергея Шапошникова, его помощников Юрия Беляева и Николая Маношина, начальника команды Алексея Калинина.

Я несколько удивился вопросам Боброва, его обстоятельному интересу к армейской футбольной команде, и лишь по пути домой он «раскололся» и рассказал о своем уходе из «Спартака», а в его квартире нас тем временем ожидал бывший игрок армейцев Юрий Ныров, который в то время находился на ответственной работе в министерстве обороны. Он рассказал, что к концу рабочего дня принято официальное решение о назначении Боброва старшим тренером команды ЦСКА. И уже на следующий день его на армейском стадионе представили футболистам.

Вот при каких обстоятельствах Бобров расстался со «Спартаком». Борис Майоров в книге «Я смотрю хоккей», вышедшей спустя три года после ухода Боброва, вспоминал, как Всеволод Михайлович прощался со спартаковцами, как дрожал его голос и как стояли слезы в глазах этого вовсе не сентиментального человека.

Бобров на всю оставшуюся жизнь сохранил

воспоминания о работе с хоккеистами «Спартака», всегда сердечно говорил и о спартаковских футболистах, с которыми его судьба некогда свела на короткое время, на неполных три месяца. Он преклонялся перед талантом Никиты Симоняна, уважал Николая Дементьева, ценил мастерство Игоря Нетто, Анатолия Исаева, Сергея Сальникова, Анатолия Ильина.

Возвращение в хоккей

В 1970—71 годах Бобров нес службу в спортивном комитете Министерства обороны СССР. Четкого круга обязанностей для него при назначении не установили, видимо, полагая, что легендарному человеку в этом нет необходимости, поставив лишь задачу быть в курсе дел всех армейских команд по спортивным играм. Вполне понятно, это подразумевало и оказание при необходимости практической помощи.

К этому времени уже много лет существовали главные тренеры Вооруженных Сил по спортивным играм (сам Бобров в начале 60-х годов был таким тренером по футболу). Никто не задумался над тем, как надлежало отныне поступать — руководить, быть старшим среди них или стать советчиком, консультантом? В какой роли следовало появляться подполковнику Боброву перед начальниками и тренерами команд? Куда ни шло, если бы речь заходила о милых сердцу Боброва футболе или хоккее. Но на новой должности предстояло проявить себя квалифицированным специали-

стом, надежным и добрым советчиком и баскетболистов, и волейболистов...

Думается, председатель спорткомитета министерства генерал-майор Николай Кошелев сознательно пригласил Боброва на непривычную для него должность. Футбол и хоккей, волейбол, баскетбол, теннис, гандбол всегда были и остаются самыми популярными видами спорта.

Напрашивается один пример из истории отечественного спорта. В 1968 году советские спортсмены впервые не смогли на зимних Олимпийских играх стать победителями в неофициальном командном зачете. Но это у нас в стране почти не было замечено, ибо в последний день Игр сборная СССР заняла первое место в хоккейном турнире, победив в заключительном матче со счетом 5:0 канадцев.

Потеря рубежей в велогонках, любом виде борьбы или в прыжках на лыжах с трамплина воспринимается не столь болезненно, как любая неудача в крупном турнире футбольной или хоккейной команды — сборной, клубной. Так что приглашение в отдел игр человека со столь славной фамилией не только лишний раз свидетельствовало о внимании спорткомитета министерства к популярнейшим видам спорта. Появление Боброва повышало авторитет самого комитета в войсках.

Одна из обязанностей спорткомитета министерства — проводить чемпионаты Вооруженных Сил. Эти турниры предназначались для отбора из команд военных округов и групп

войск кандидатов в лучшие армейские спортклубы, выступавшие в чемпионатах страны.

Как правило, на подобный чемпионат выезжал главный тренер Вооруженных Сил. Он заранее комплектовал судейскую бригаду, а в канун турнира или по ходу соревнования проводил теоретические занятия с тренерами участвующих команд, проверял всевозможную документацию, предусмотренную соответствующими методическими письмами или распоряжениями. Конечно, просматривал матчи.

Для Боброва подобная работа оказалась нетрудной. Поэтому никто не удивился, когда он, неся службу в спорткомитете, стал регулярно выезжать на армейские чемпионаты хоккеистов или футболистов. Благодаря ему заметно возрастало значение подобных соревнований.

Нетрудно представить, что испытывал тренер какой-нибудь окружной команды, когда к его подопечным, в большинстве солдатам срочной службы, заходил Бобров. Интересовался, как проходят солдатские будни, часто ли переписываются с домом, когда и где начинали играть в футбол, сколько раз удается тренироваться, неся службу. Надо было знать Боброва — его бесхитростные вопросы сдабривались шуткой, воспоминания о детстве перемежались курьезными историями, ответами на вопросы. А потом о появлении Боброва на чемпионатах армейских команд рассказывали окружные газеты, писали солдаты в своих письмах домой.

Для каждого тренера, особенно приехавше-

го из далекого военного округа, Бобров, представитель спорткомитета, ничем не напоми-
навший проверявшего в привычном представ-
лении, находил что-то свое — объяснял, сове-
товал. Самое удивительное, на случай, если
понадобится в будущем помощь, он предлагал
собеседнику номер своего московского теле-
фона.

На чемпионатах Вооруженных Сил благода-
ря Боброву заметно улучшилось судейство,
ведь матчи стали проводить известные ар-
битры.

Бобров был настолько обаятелен со своей
солнечной улыбкой и добрым характером, что
ему повсюду и всегда шли навстречу, тем более,
что просьбы Боброва никогда не носили про-
тивозаконный характер. Известные судьи, а
подступиться к некоторым из них для иного
работника спорткомитета министерства каза-
лось невозможно, сразу добрели, когда им звонил
Бобров и просил поехать на проведение
очередного армейского соревнования. Что-то
менялось в жизни этих людей, они каким-то
образом отлаживали дела на работе и после
звонка Боброва матчам высшей лиги на время
предпочитали игры армейских команд.

Бобров своим появлением на чемпионатах
Вооруженных Сил запомнился не только его
участникам или тренерам. Его приезд в со-
ответствующий город становился событием.
Командующие войсками округа на время ос-
тавляли дела, чтобы встретиться с Бобровым.
Поначалу они шли на встречу с ним, как с про-

славленным футболистом или тренером. Кому не хотелось услышать из первых уст воспоминания о том, как играли в футбол московские динамовцы на Британских островах осенью 45-го, или как советские хоккеисты, в 54-м впервые встретившись с канадцами на первенстве мира, победили их со счетом 7:2.

Бобров, помимо многих достоинств, обладал способностью вести беседу на любом уровне, очаровывать своей душевностью, мудростью любого собеседника. На него шли посмотреть, к нему заходили пожать руку, забывая о воинской субординации. Он поражал любого человека рассудительностью, глубиной мыслей, суждений настолько, что разговор с ним затягивался.

Генералы не жалели о времени, потраченном на встречи с Бобровым. Они уходили, получив рекомендации в отношении хоккейной или футбольной окружной команды, узнав о последних работах медиков или психологов. Позднее к генералу Кошелеву приходили благодарности в адрес Боброва, а очевидцы рассказывали, насколько к лучшему изменилось после Боброва отношение в том или ином военном округе к своим футболистам или хоккеистам.

Так что армейскому спорткомитету появление в отделе игр Боброва шло на пользу.

Благодаря службе в спорткомитете Министерства обороны Бобров сравнительно быстро отошел от грустного в его жизни события, предшествовавшего появлению на этой рабо-

те, — освобождению на исходе 1969 года от обязанностей старшего тренера футбольной команды ЦСКА, занявшей в чемпионате 6-е место. А принял он ее в начале лета 1967 года, когда она занимала 17-е место. За два с половиной сезона при Боброве футболисты ЦСКА успели побывать (в 1968 году) на 4-м месте, уступив торпедовцам Москвы бронзовые медали лишь из-за несколько худшей разности забитых и пропущенных мячей, они участвовали в 1967 году в финале Кубка СССР, потерпев поражение от хорошо подготовленной московской команды «Динамо».

Владимир Пономарев, один из самых приметных защитников армейцев, участник чемпионата мира 1966 года (наиболее успешного для сборной команды страны), спустя много лет после освобождения Боброва в 1969 году от должности старшего тренера ЦСКА так вспоминал:

— Какие же мы неблагодарные были: на Боброва ворчали. На такого человека жаловались! Нам бы на себя посмотреть, оглянуться вокруг, а мы славного человека виновником неудач считали, без оснований спешили стать чемпионами. Вроде бы добились в конце концов своего — Боброва не стало в команде. А что толку? Правда, через год футболисты ЦСКА стали чемпионами. Но не благодаря ли Боброву, им заложенному составу? Потом дух Боброва исчезал, игроки, приглашенные им или при нем закрепившиеся в составе, сходи-

ли, переходили в другие клубы, и стабильных результатов у ЦСКА больше не стало...

Знал ли Бобров, что на него жалуются или им недовольны? Однозначно на это вопрос не ответишь.

Нельзя сказать, что команду раздирали противоречия. Бобров был строг по отношению к нарушителям порядка, никогда у него не было игроков, которым он прощал нарушения. В команде существовал совет из наиболее опытных футболистов. Но, пожалуй, в каждом спортивном коллективе есть недовольные тренером, одни больше, другие меньше. Одно дело, когда недовольство выражают спортсмены, не отличающиеся дисциплиной, случайные в команде люди. Но вот недовольство со стороны известных мастеров опасно для тренера.

Пономарев всегда любил поворчать — на погоду, на грунт стадиона, где должна состояться игра, на партнеров, вовремя не возвращающихся назад помогать отстаивать ворота, на судей, злоупотребляющих свистками, наконец, на тренеров, миндальничающих с нерасторопными игроками и плохо понимающих футбол.

Когда Пономарев или игрок с подобной ему известностью ворчал в кругу друзей или за семейным столом, это куда ни шло. Но ворчание в кругу болельщиков может привести к непредсказуемым для команды последствиям.

Футболисты ЦСКА готовились к матчам в подмосковном санатории «Архангельское» Министерства обороны СССР. За игроками ис-

подволю наблюдали, а порой и вступали в разговор с ними люди, весьма авторитетные в Вооруженных Силах. В ворчании иного футболиста виделась им картина неблагополучного состояния дел в команде.

Боброву нелегко было в первую очередь с Владимиром Федотовым, который однажды стал самым метким игроком чемпионата СССР. К сожалению, критика со стороны Боброва казалась этому футболисту, человеку честолюбивому и легкоранимому, излишней, неоправданной. Нетрудно представить, как случайными слушателями воспринималось недовольство Федотова старшим тренером.

Играй команда ЦСКА сильнее, собирай она более весомый урожай очков, некоторые претензии футболистов, того же Федотова или Пономарева, к своему старшему тренеру остались бы без внимания, повисли бы в воздухе. А так, послушав иных футболистов, некоторые именитые и влиятельные поклонники ЦСКА делали вывод, что именно из-за Боброва, его неумения руководить командой проистекают неудачи, замедляется восхождение на пьедестал почета.

По-человечески можно понять желание болельщиков, где бы они ни служили, поскорей увидеть своих любимцев чемпионами. Но все ли может предвидеть тренер? Конечно, неплохо бы было в 1967 году выиграть Кубок СССР и заставить забыть о невзгодах в чемпионате страны. Правда, соперник предстал очень грозный — московское «Динамо». Но ведь история

кубковых соревнований содержит немало примеров, когда вроде бы слабые команды крушили все прогнозы и побеждали признанных фаворитов.

До мелочей продумал Бобров план той финальной игры на Кубок с динамовцами. Он ставил себя на место соперников, их тренера — Бескова, разрабатывал варианты, будь он в роли фаворита. Ставя цель победить, Бобров, конечно, не исключал и поражения. Но чтобы пропустить три безответных мяча?

Кто мог предполагать, что не выдержит и дрогнет вратарь Лев Кудасов. Его ошибки настолько повлияли на игроков, что они стали ошибаться в ситуациях, в которых никогда не ошибались прежде, а главное, забыли едва ли не о всех тренерских наставлениях.

Определяя состав на очередной матч, особенно решающий, тренер обязан многое учитывать, включая характер игрока, его отношение к встречам с данным соперником. Неуравновешенность Кудасова не стала открытием для Боброва. Но чтобы в такой мере!

Позднее Кудасов занял пост в воротах ростовского СКА, и однажды он допустил ошибку, обошедшуюся команде дорого. В финале кубкового турнира 1971 года ростовчан отделяло от победы всего несколько секунд. Они вели со счетом 2:1. «Спартак» — соперник ростовской команды — пошел в последнюю атаку, это был штурм отчаяния.

По воротам Кудасова ударил Геннадий Логофет. Ударил из положения, из которого в

Лужниках, наверное, до этого никто не забивал, и вряд ли когда-либо забьет — под очень острым углом к воротам. Казалось, что мячу уготован путь куда угодно, только не в ворота. Логофет бил, как принято говорить, по принципу «вдруг повезет». И что же? Кудасов ухитрился пропустить мяч от Логофета.

Ростовчане не успели начать игру с центра, так мало секунд оставалось до окончания матча. В добавочное время ничейный счет не изменился, а повторный матч выиграл «Спартак». Вот какой была цена роковой ошибки Кудасова.

Когда Бобров стал старшим тренером ЦСКА, Владимиру Федотову было 24 года. В этом возрасте футболисты, хорошо зарекомендовавшие себя, уже регулярно выступают в сборной СССР. Но Федотова, впервые появившегося в основном составе родного клуба в 18 лет, пригласили в главную команду страны в 1970 году, когда ему было 27 лет. Тогда сборную возглавил старший тренер ЦСКА Николаев, который пригласил в ее состав едва ли не всех подопечных из армейского клуба, после 19-летнего перерыва вновь ставшего чемпионом страны.

Бобров считал, что у сына его замечательного партнера нет характера, отсюда и вся проблема. Уж кто-кто как не Бесков мог ввести в сборную Федотова, который под его началом занимался в футбольной школе Центрального стадиона имени Ленина. Тем более, что это был старательный ученик, буквально благоговевший перед Бесковым. Но даже Константин

Иванович, вроде бы ни в чем не упрекавший Федотова, не набрался решимости взять Володю в сборную СССР.

До Боброва доходили слухи, что Валентина Ивановна Федотова обвиняет его в необъективном отношении к мужу в последние месяцы его жизни. На ее взгляд, Боброву, в то время начальнику футбольной команды ЦСК МО, следовало уступить свое место в составе делегации, направлявшейся в Англию (предстояли три встречи с известными клубами, включая «Челси»), ее мужу, но он этого не сделал. Григория Ивановича, расстроенного отлучением от зарубежной поездки и чувствовавшего себя обиженным, направили в командировку в Тбилиси, где проходили несыгранные в свое время матчи на первенство СССР с участием трех московских команд (этакий междусобойчик!). На обратном пути в Москву Федотов сильно простудился и на домашнем диване умер.

Ни о каком сведении счетов с младшим Федотовым в мыслях не было. Было другое. Всеволода всегда огорчало, что Володя лишь внешне стал напоминать отца, но только не игрой.

Нередко случались встречи, в которых Владимир Федотов не до конца выполнял бобровские установки на матч, бывало, что он не участвовал в попытках команды найти победную игру. После этого Бобров сердился, на какой-то миг ему казалось, что происходящее с Володей — результат козней его близких

родных: матери и трех ее братьев, известных футболистов Жарковых — Георгия, Василия, Виктора. Но Всеволод быстро остывал и никогда не ставил вопрос «или-или», поднимаемый иными тренерами в аналогичных ситуациях в отношении некоторых игроков. И тем не менее руководители ЦСКА, спортивного комитета Министерства обороны СССР порой укоряли, правда, вскользь Боброва: «И чего это вы с Федотовым между собой не поделили?!»

К сожалению, у Владимира Федотова карьера тренера не задалась. Где он только ни работал. Почти никогда не может провести в одной команде весь сезон. Наибольший успех выпал на его долю весной 1981 года, когда возглавляемый им ростовский СКА выиграл Кубок СССР. Но по итогам чемпионата ростовчане в том сезоне выбыли из высшей лиги.

«Красная звезда», анализируя их игру, писала, что армейцам Ростова были присущи такие пороки, как слабая дисциплина, отсутствие порядка. Федотов, старший тренер команды, по свидетельству газеты, по ходу сезона без всякой нужды и соответствующего разрешения мог покинуть команду, что, конечно, ослабляло ее, лихорадило, да и подрывало авторитет самого наставника.

«Звездочка» пожалела (в очередной раз) Владимира Федотова и не раскрыла скобки, не сказала, почему и куда отбывал он. А отлучался старший тренер СКА по вызовам своего тестя Константина Бескова, возглавлявшего

сборную команду страны. Получалось, что Федотов, не успевший ничем проявить себя на работе в клубе, нашел себе место в тренерском штабе сборной СССР.

Но вернусь к моменту начала службы Боброва в спорткомитете Министерства обороны. На работу он неизменно приезжал в хорошем настроении. Перед началом очередного рабочего дня намечал, чем будет заниматься в ближайшие часы — кому позвонит, кому направит телеграмму, кого пригласит на беседу, когда попросит генерала принять его.

Будучи от природы любознательным, Бобров всегда всем интересовался и на новом для себя месте оказался верен своей натуре все схватывать на лету — быстро научился составлять отчетные документы, заявки, планы командировок. Со стороны посмотришь, ни дать ни взять исполнительный чиновник, да еще у него очки появились, когда он сел за письменный стол. Даже не верилось, что обработкой бумаг занимается гроза самых знаменитых в мире футбольных и хоккейных вратарей.

Добрый помощником Боброва в те дни оказался сосед по кабинету — офицер Грязнов, которого в скором времени избрали председателем Всесоюзной федерации акробатики (Александр Александрович немало сделал для успешного проведения в Москве чемпионата мира в 1974 году).

Хорошо знакомый с футболом и хоккеем, Бобров на новом месте работы постарался по-

быстрее узнать ситуацию в других спортивных играх, находил схожее, выделял отличия. У Боброва появлялись новые знакомые — тренеры, возглавлявшие армейские команды, кроме футбольных и хоккейных, офицеры, приезжавшие в командировку из военных округов. Как всегда, Боброву помогали освоиться в новой роли доброжелательное отношение к людям, простой характер.

Сам Бобров, всегда дороживший своим именем, относился к появившимся обязанностям столь же ревностно, как и раньше, когда играл или тренировал. Вспоминаю, как от имени спорткомитета министерства он приехал в редакцию «Вечерней Москвы» поздравить спортивного обозревателя газеты Алексея Пискарева с 50-летием. После традиционной церемонии — вручения адресов, подарков, подобных в таких случаях речей собравшиеся сразу же переместились на товарищеский ужин в ресторан ВТО. Бобров, слывший отменным тамадой, на этот раз произнес всего лишь один тривиальный тост — за виновника торжества — и поднялся из-за стола. Это было непохоже на него — большой жизнелюб, он любил посидеть за дружеским столом, да еще в ресторане.

— Вы уж меня извините, — говорил он, расставаясь с журналистами, вышедшими его проводить, — спешу на баскетбол. Наши с ленинградским «Спартак» играют. Неловко будет, если опоздаю, а еще хуже, если совсем

не появлюсь. Иван Григорьевич должен приехать.

Под нашими Бобров имел в виду баскетболистов ЦСКА. Иван Григорьевич — это заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Сухопутными войсками, генерал армии Павловский, курировавший армейский спорт и физподготовку.

Не поехать в тот вечер на баскетбол Бобров не мог. И не потому, что на игре должен был присутствовать Павловский, с чьей семьей, включая его взрослых детей — дочь и сына, дружила семья Боброва. Оказавшись в спорткомитете министерства, Бобров, пожалуй, с особым вниманием следил за игрой баскетбольной команды ЦСКА, составленной из индивидуально сильных спортсменов, но не объединенных общими целями и интересами. Отсюда — и их неровные выступления. В отличие от армейцев, ровно играл тогда ленинградский «Спартак». Казалось, еще немного и ленинградцы, впервые после 1940 года, станут чемпионами СССР.

Боброва такой прогноз в баскетболе не устраивал. Он считал победу ЦСКА в первенстве страны вполне возможной, исходя из потенциальных возможностей игроков, их одаренности, и более справедливой. Надо было лишь внести некоторые коррективы в ее подготовку. По предложению Боброва старшим тренером команды после некоторого перерыва вновь стал Александр Гомельский. Предстояло не уступить ленинградским спартаков-

цам в очном поединке. Вот на эту игру Бобров, вроде бы далекий от баскетбола, и уехал от праздничного стола. В тот вечер армейцы победили. А вскоре их в очередной раз чествовали как чемпионов СССР. На свой торжественный вечер победители во главе с Гомельским пригласили Боброва.

Где бы ни оказывался Бобров, в любом коллективе он никогда не был один. К нему всегда тянулись люди. С ним было интересно работать, интересно тренироваться, дружить, быть его знакомым. Сослуживцы, коллеги по работе, специалисты, спортивные работники ценили Боброва за деловитость, знание законов спорта, широкий кругозор. Помимо природной смекалки, пытливости, давали знать годы учебы сначала в Военно-воздушной академии, которой со временем присвоили имя первого в мире космонавта, а потом Ленинградского института физкультуры.

Бобров всегда мучился, терзался, если по какой-либо причине не сумел поздравить друга или доброго знакомого с днем рождения, знаменательной датой. В любой интересной компании всевозможные блюда и напитки были приятны для него постольку-поскольку. Куда больше он ценил сам факт общения с присутствующими. Быть может, поэтому ему нравилось вручать цветы, подарки, приветственные адреса. Делал он это красиво, со вкусом, природный юмор помогал ему при этом остроумно выступить.

Казалось бы пустячок то, о чем я хочу рас-

сказать, но он весьма характерен для Боброва. После его прихода в спорткомитет секретарь-машинистка генерала стала получать подарки ко дню рождения и к праздникам. Это постарался Бобров. Он, едва поступив на работу, как говорится, с фуражкой прошел однажды по кругу, а затем с его легкой руки единственной женщине в коллективе стали регулярно покупать в складчину подарок.

Когда в иных спортивных обществах или клубах чествовали своих ветеранов или, скажем, героев сезона — кавалеров золотых медалей, то от имени спорткомитета приходил поздравить Бобров. Я помню его на 50-летию знаменитого динамовского «тигра» Хомича, с которым они за 25 лет до этого вместе играли в Англии.

В спорткомитете министерства, когда там служил Бобров, не знали забот, если собирались посмотреть интересное спортивное соревнование в Лужниках. О билетах или контрамарках в таких случаях заботился Бобров, отправлявшийся за ними за рулем своей «Волги».

Но долго нести службу в спорткомитете Бобров не мог. Рано или поздно в нем должен был заговорить тренер-практик по футболу или хоккею, как бы хорошо ни служилось ему на новом месте. Поскольку Бобров был дисциплинированным офицером, сам он никогда не подал бы рапорт с просьбой уйти с занимаемой должности, поскольку считал обязанностью помогать армейским спортивным работникам, спортивным клубам армии в округах.

Стало быть, кто-то должен был пригласить Боброва, находившегося в расцвете сил, накопившего громадный практический опыт, на новую работу.

Немалое участие в дальнейшем устройстве судьбы Боброва принял тогдашний ответственный секретарь Федерации хоккея СССР Кирилл Роменский. Он, пожалуй, как никто в то время, представлял, что значит Бобров как тренер, ибо в годы, когда Бобров тренировал спартаковских хоккеистов, Роменский работал заведующим отделом спортивных игр Московского городского совета «Спартак».

По инициативе Роменского Бобров был откомандирован из спорткомитета Министерства обороны СССР в Спорткомитет СССР, причем, с сохранением звания полковника, которое ему присвоили в июле 1970 года.

Немаловажно для дальнейшей судьбы Боброва было и то, что отдел хоккея в ту пору возглавлял Старовойтов, его бывший одноклубник, с которым они вместе в 1949 году входили в состав команды ЦДКА, ставшей чемпионом СССР. Старовойтов, надежный хоккейный защитник, стал со временем прекрасным судьей — никто из соотечественников чаще его не судил матчи на первенствах мира. Наконец, он в течение многих лет достойно представлял нашу страну в международной лиге хоккея на льду. Годы, проведенные среди спортсменов, тренеров, арбитров принесли Старовойтову непререкаемый авторитет в нашем хоккейном мире. Ему, всю жизнь по-

святившему хоккею, никогда не было безразлично, как складывается ситуация в группе наших лидеров, а также как мы выйдем на мировой хоккейной арене.

Не случайно, что именно в 1971 году Боброва пригласили в распоряжение Спорткомитета СССР. Какого бы высокого мнения ни был Роменский о работе Боброва в «Спартаке», как бы хорошо ни относился к Боброву Старовойтов, перемещение Боброва даже с помощью высокопорядочных, доброжелательных к нему людей не могло состояться раньше. Лишь после весны 1971 года со всей остротой встал вопрос о привлечении Боброва к хоккею.

Начиная с 1963 года, сборная СССР выигрывала первенство мира и дважды за это время Олимпийские игры, причем в 1968 году, как я уже заметил, ее успех заставил забыть огорчение вторым местом в неофициальном командном зачете. На Белой Олимпиаде весной 1972 года наши хоккеисты вновь стали чемпионами.

Победы никогда не давались нам легко, но с каждым годом они доставались все трудней. На чемпионате мира 1969 года три команды — СССР, Швеции и Чехословакии — набрали одинаковое число очков. Пришлось прибегнуть к арифметике и оказалось, что победили советские хоккеисты, у которых разность заброшенных и пропущенных шайб оказалась лучше, чем у чехословацких и шведских спортсменов. Весной 1971 года мы стали чемпионами мира, а титул чемпионов Европы пришлось впервые

за много лет уступить хоккеистам Чехословакии.

Конечно, в этой неудаче не было бы ничего страшного, учитывая высокий класс чехословацких игроков, но настораживало одно обстоятельство. Самые прославленные наши чемпионы, становясь с каждым годом все старше, вполне понятно, не могли играть с прежним блеском, но их продолжали включать в состав сборной СССР.

Как это опасно, если нет в команде здоровой конкуренции! По-человечески можно понять иного бывалого игрока, он, быть может, и не прочь прибавить в мастерстве, но зачем ему это, если его, как бы он ни играл, все равно оставляют в команде, ибо реальных претендентов на его место на игровой площадке не видно, не слышно.

Весной 1971 года по горячим следам чемпионата мира все отчетливей, все громче стали звучать голоса, что наши дела в мировом хоккее пошли бы лучше, а хоккейная жизнь украсилась бы, не оставаясь ЦСКА в гордом одиночестве. Но некому было побороться со столичными армейцами.

Московские динамовцы были удовлетворены серебряными медалями и тем, что старшим тренером сборной СССР работает Чернышев. «Спартак» после ухода Боброва лихорадило. Правда, спартаковцы еще раз — в 1969 году, тренируемые Николаем Ивановичем Карповым, во многом применившим систему занятий и методику Боброва, выиграли первенство.

Но затем, словно испугавшись своей дерзости, вновь отступили, уже не вдохновляя другие команды на штурм бастиона, именуемого ЦСКА. Еще не наступило возрождение славы «Крыльев Советов».

Появление еще нескольких клубов под стать ЦСКА было просто необходимо. Но откуда они могли взяться и решительно пойти в наступление без сильных тренеров? Каждый такой тренер представлялся смельчаком, ведь ему предстояло подготовить команду, способную бросить вызов если не армейцам, то хотя бы динамовцам Москвы. Роль смельчака брать на себя никто не решался. Потому и звучал в нашем хоккее один и тот же припев: Чернышев — Тарасов, Тарасов — Чернышев.

Многочисленные жизненные испытания к этому времени не ожесточили Боброва, а обогатили таким опытом, который позволял поручать ему большие дела.

Для начала ему доверили одну из сборных команд, окрестив ее олимпийской. Хотя искушенные люди понимали, что на Олимпиаду в Саппоро поедет команда, возглавляемая Чернышевым и Тарасовым, название «олимпийская», тем более за несколько месяцев до Олимпийских игр, звучало. А тут еще упорно поговаривали, что в недалеком будущем намечаются встречи с профессионалами, но могут быть и осложнения, поскольку президент МОК грозил дисквалификацией всем хоккеистам, которые хотя бы раз сыграют с профессионалами. Случись такое, олимпийская ко-

манда, тренером которой стал Бобров, могла оказаться как нельзя кстати.

Но какая же это команда, если она не играет? И тут помог Роменский — команду включили в розыгрыш приза газеты «Советский спорт», хотя в подборе игроков, комплектовании звеньев Бобров не участвовал.

В один из августовских дней 1971 года Бобров вновь привычно опустил на тренерский стульчик у одного из бортиков арены в лужниковском Дворце спорта. Словно и не прошло четырех лет, как он здесь привел «Спартак» к титулу чемпиона страны, а болельщики встречали и провожали его долгой овацией. На трибунах Бобров заметил немало знакомых лиц, остались знакомые и среди хоккеистов, но теперь предстояло забыть о соперничестве в турнирной таблице, о том, что есть ЦСКА или «Спартак». Надо было готовить кандидатов в олимпийцы к трудным международным матчам.

Первый матч олимпийская сборная провела с гостями из ЧССР — хоккеистами клуба ЗКЛ (Брно). В их числе в Москву приехали известные игроки национальной сборной — Иржик, Махач, Мрааз, Надрхал. А тренером у гостей был Властимил Бубник, по праву снискавший в ЧССР славу одного из лучших форвардов.

Бобров тепло поздоровался с коллегой, спросил о самочувствии, а тот в ответ сообщил, что в Москву приехал в 20-й раз. «Я еще играл в трескучий мороз у Восточной трибуны стадиона «Динамо». Помнишь?» — «Да как же не

помнить, — улыбнулся Бобров. — Такое не забывается...»

Хозяева льда выиграли первый период — 1:0, проиграли с тем же результатом второй, а затем, забросив две шайбы, победили со счетом 3:1. Бобров, пожалуй, слишком спокойно принимал поздравления.

— Понимаешь, что получается? — говорил он мне после матча. — Результатом доволен, а игрой нет. Конечно, хороша тройка Мартынюк — Шадрин — Саша Якушев, молодец Слава Солодухин, забросивший две шайбы. Но хочется видеть состав более сильным. Я ведь не оставляю мысли, что мне когда-то все-таки доверят первую сборную команду страны. Обещали, во всяком случае. Ведь Чернышев и Тарасов по-прежнему уверяют, что больше не будут работать со сборной.

Хочется пригласить в нашу команду, если она, действительно, олимпийская, все лучшее. А так, разве это дело? Николаев в «Химике» — защитник, а у нас становится нападающим. Рад бы не переквалифицировать его, но людей не хватает. Может напишешь об этом?

Я не мог не поддержать Боброва, и вот что было написано мною и опубликовано на следующий день в «Вечерней Москве»: «Никто из хоккеистов ЦСКА и «Динамо», которых тренеры В. Бобров и В. Шувалов пригласили в сборную олимпийскую СССР, на сбор этой команды пока не прибыли. Нелишне заметить, что «Спартак», СКА, «Химик», отпустив в олимпийскую сборную по четыре лучших

игрока, вынуждены проводить матчи на приз «Советского спорта» в ослабленных составах. Но ослабление состава произошло в интересах нашего хоккея, в целях наилучшей подготовки хоккеистов к олимпийскому турниру в Саппоро. Так почему же иначе поступают в ЦСКА и «Динамо»? Это, мягко говоря, удивляет. Тренеры обоих клубов не раз публично призывали своих товарищей по профессии поступиться ради сборной интересами команд. А сами?..»

Реплика так и называлась «А сами?..»

На следующий день утром позвонил Бобров. «Поздравляю. Остро у тебя получилось. В ответ на критику уже сегодня прибыли 4 динамовца. Ждал еще двоих — но они травмированы. Как отреагировали армейцы? Чудак ты! Ты что Тарасова не знаешь?!»

Так начиналась работа Боброва тренером одной из сборных команд. По хоккею он соскучился. У хоккеистов был, скажем, после игры день отдыха, а Бобров ехал в Скатертный переулок, где тогда размещался Спорткомитет СССР. С Порфирием Шелешневым, другими работниками отдела хоккея прикидывал, кого бы еще пригласить на тренировочный сбор.

Боброву не хотелось работать с игроками, собранными по принципу «с миру по нитке». Ладно, куда ни шло на первом этапе, когда по независящим причинам не удалось заниматься комплектованием состава. Но ведь команде предстояло существовать и в будущем, намечались и матчи с зарубежными соперника-

ми. Стало быть, требовались игроки, влюбленные в хоккей, не избалованные вниманием зрителей, прессы, а потому способные на большие дела.

Рекомендаций тренерского состава по поводу отбора игроков в олимпийскую сборную не последовало, никаких просьб в связи с поиском кандидатов в города или союзные республики из Москвы не уходило. Приходилось полагаться на добросовестность тренеров клубов, кого они пришлют в олимпийскую сборную, довольствоваться беседами с теми, кто ездил в хоккейную «глубинку».

Но поскольку у разных людей разные взгляды на хоккей, на игроков, разная требовательность к спортсмену, то предстояло услышанное проверять, чтобы потом не раскаиваться в кандидатуре отобранного хоккеиста. Бобров держал на примете людей, которые, на его взгляд, не только разбирались в хоккеистах, но имели схожие с ним вкусы. Как, скажем, Виктор Сорокин. Игрок он был не великий (выступал за одну из команд ВВС, привлекался Бобровым на предсезонный сбор мастеров), но, начав судить, проявил себя тонким знатоком хоккея. Высококвалифицированные арбитры внушали Боброву уважение, а поскольку Сорокин еще был и офицером ВВС, то симпатии к нему Боброва было понять нетрудно.

Бобров, зная, что Сорокин много ездит по стране, интересовался, не заметил ли он кого-либо для олимпийской сборной в Усть-Каменогорске или Кирово-Чепецке, Прокоп-

евске или Омске. «Да нет, Всеволод Михайлович, — отвечал Сорокин, — все вроде не то, а впрочем, лечу в Тюмень, потом в Барнаул. Что-нибудь увижу, позвоню...» И смотрел, и звонил (и не только он), а Бобров заносил фамилии рекомендованных в свой «ежедневник» (была у него такая толстая тетрадь).

В те дни Боброва часто видели рядом со Старовойтовым. Они просматривали почту с приглашениями, пришедшими из-за рубежа. Предмет забот — куда бы поехать с олимпийской сборной, когда наступит перерыв в чемпионате?

Пожалуй, нигде нет таких трудностей с выбором соперников, как в хоккее. В футбол играют по всему земному шару, сильные клубы, способные быть достойным спарринг-партнером национальной сборной, могут отыскаться в любом полушарии, на любом континенте. У волейболистов или баскетболистов, после того как они ушли играть под крышу, соперников тоже можно найти где угодно, что и делают наши сборные команды, отправляясь в длительные зарубежные турне, предшествующие чемпионатам мира и Европы, или Олимпийским играм.

Популярность хоккея росла из года в год со сказочной быстротой. Катки с искусственным льдом появлялись в теплолюбивых странах, но соперников, например, для сборной СССР, становилось все меньше. Когда-то наши лучшие игроки ездили играть и тренироваться в Лондон, Париж, но со временем такие поездки

стали вызывать улыбку. Правда, приглашений лучшим советским хоккеистам поступало много. Конечно, это свидетельствовало об авторитете сборной СССР. Но, принимая приглашения из-за рубежа, следовало исходить из того, насколько полезным могло оказаться любое турне для наших игроков, не ломало ли оно расписание «домашнего» чемпионата.

После того, как олимпийская команда сыграла в турнире на приз «Советского спорта» свой последний матч, Бобров прямо из Лужников заехал ко мне домой. Я давно не видел его в таком приподнятом настроении. Чувствовалось, что радость одолевает его, и он был готов поделиться ею. Но почему Всеволод, познавший за свою славную жизнь счастье многих больших побед как спортсмен и как тренер, тут вдруг обрадовался нормальному выступлению подопечных в турнире средней руки?

К работе с олимпийской сборной осенью 71-го года он подошел очень строго. Команда при удовлетворительных результатах была призвана утвердить возвращение Боброва в хоккей тренером. Лишь несведущие в спорте люди полагают, что известному спортсмену нетрудно стоять на тренерском мостике. А между тем в любом виде спорта уже давно невозможно тренировать за счет прежних заслуг в соревнованиях. Прошли времена, когда тренер что-то показывал своим подопечным и занятие после этого пошло, как говорят, путем.

Бобров стал работать с олимпийской сборной, когда любой тренер оказался быть обязан-

ным знать о последних достижениях спортивной науки, следить за новинками литературы, педагогики, философии. А главное, на что обратил внимание в одной из своих книг Тарасов, в современном спорте тренер остается один на один со спортсменами, людьми зрелыми, имеющими хоть и незаконченное, но высшее образование. Порой у них уже есть дети пошедшие в школу, а потому работа тренера стала не менее сложной, чем у преподавателей в высшей школе.

Став тренером, Бобров никогда не возвышался над коллегами, в том числе над теми, которые в свое время как спортсмены не преуспели на футбольном поле или на хоккейной площадке. К нему охотно тянулись за советом, консультациями, даже в то время, когда тренерский его стаж еще не был велик. По умению подойти к футболисту или хоккеисту ему, пожалуй, не было равных. От него в некоторых клубах требовали немедленно отчислить того или иного спортсмена, а он все не решался. И не потому, что был мягкотелым.

— Отчислить из команды легче всего, — говорил Бобров. — Оттолкнешь иного от спорта — пропадет человек.

Рассказанный мной случай с хоккеистом Савиным в бытность работы Боброва спартаковским тренером не был единственным в его тренерской карьере.

В свое время в ЦСКА пригласили (я тоже принимал участие в этом) Анатолия Масляева. Это был неплохой футболист, но еще в детстве

научившийся пить, курить, крепко ругаться. Временами казалось, что пройдет еще немного времени, и полузащитник ЦСКА заиграет в силу игрока сборной СССР. Но шли месяцы, потом годы, а он оставался всего лишь неплохим футболистом. Не больше. Сказывались нарушения спортивного режима. Однажды Толя поскандалил со швейцаром ресторана ВТО, а у подоспевшего на шум милиционера, хотя сам и был невысокого роста, ухитрился сорвать погон.

Но и после этого Бобров не пошел в отношении Масляева на крайнюю меру — на его отчисление.

— Мы ведь оторвали Толю от шпаны. Это труднее, чем оторвать от водки. Классным футболистом он, пожалуй, не станет. А человеком должен стать. Иначе быть не может.

После того, как Бобров расстался с ЦСКА, Масляев в армейском клубе пробыл недолго, его отправили играть за ростовский СКА, а потом он исчез из большого спорта. Рядом с Масляевым не нашлось тренеров, схожих с Бобровым...

Возвратившись в хоккей, Бобров прекрасно понимал, что ему, одному из немногих хоккейных специалистов, удостоенному звания «Заслуженный тренер СССР», все предстоит начинать едва ли не самого начала — за четыре с половиной года в хоккее утекло много воды и «натекло» много нового.

А когда зональный турнир на приз «Советского спорта» закончился, и Всеволод зримо

увидел, что его, им ведомая, по сути дела наспех скомплектованная команда может многое показать (а что будет, если с ней поработать больше!), то, конечно, оказался в прекрасном расположении духа. Он всегда радовался, когда он и его партнеры побеждали в любом матче или турнире. Став тренером, точно так же всегда радовался за подопечных — ведь они сражались, падали на лед, не жалея себя, бросались наперерез летевшей, как снаряд, шайбе.

Он знал всегда вкус победы, он знал дорогую цену любому успеху в спорте. Все это вместе взятое и объясняет, почему после окончания зонального турнира на приз «Советского спорта» был настроен так, будто для него счастливо закончился по крайней мере чемпионат страны.

В тот вечер Бобров появился у меня вместе с Виктором Шуваловым. Как непохожи были на Боброва его партнеры по знаменитой первой тройке состава сборной СССР! Впрочем, у них и между собой не было ничего общего. Бабиц, особенно в последние годы жизни, это — сгусток нервов, темперамент, огонь, ершистый человек, беспредельно преданный Боброву и готовый пойти за ним на край света, а если понадобится, пожертвовать всем, чем угодно.

Для Шувалова Бобров тоже многое значил в жизни, но так как он был от природы скупым на слово человеком, у него эта преданность никогда не вырывалась наружу. Лишь на кладбище, когда гроб с телом Боброва опускали в мо-

гилу, по щеке Шувалова скатилась одна-единственная слеза.

Бабич, исключительно честный человек, в пылу иного спора мог в защиту Боброва наговорить оппоненту массу колкостей. Однажды, услышав, что Валентин Гранаткин, ответственный футбольный работник, распространяет про Боброва нелепый слух, Бабич сначала вскипел, а затем настолько расчувствовался (к пятидесяти годам у него пошаливали нервы), что на глазах едва не появились слезы. «Да как смеет говорить о Севке такое...»

Бобров любил обоих партнеров. Широко улыбался, когда ему рассказывали, как Бабич, работая далеко от Москвы (например, с хоккеистами Национальной народной армии ГДР или с омской командой «Аэрофлот» в Омске), проникновенно переживает за бывших партнеров, за родной армейский клуб.

А как внимательно следил Бобров за учебой сына Бабича, огорчался его школьными «двойками», радовался «пятеркам», потом поздравлял Николая с поступлением в институт, а затем с началом ответственной работы за рубежом. Бобров в июне 1972 года как-то сразу постарел, изменился, когда узнал о неожиданной кончине Евгения Макаровича...

Шувалов тоже был предметом любви и внимания, а порой и забот Боброва, считавшего Виктора после того, как тот стал тренером, невезучим человеком. Поначалу, едва оставив лед, Шувалов работал без нареканий. Более того, о нем говорили как о перспективном тре-

нере. Это было оправданно, поскольку команда МВО, которую он возглавлял, выступала стабильно, а главное, ежегодно давала солидное пополнение ЦСКА. А потом произошло непредвиденное.

В Челябинске, куда команда приехала на очередной матч, ее хоккеисты нахулиганили в гостинице. Шувалов в этот момент уходил в гости к родственникам. Когда он вернулся, милиция уже забрала виновных. С рассказом о случившемся выступила «Комсомольская правда». В результате команду МВО исключили из класса «А» и расформировали.

Демобилизовавшись из армии, Шувалов стал тренером «Кристалла» из подмосковной Электростали. И в этой команде оказались хулиганы. Только набедокурили они на площади Курского вокзала в Москве. До расформирования «Кристалла» дело не дошло, но Шувалову предложили искать работу в другом месте.

— Вот видишь, как получается, — заметил мне как-то Бобров. — Иной тренер порхает из города в город, с необыкновенной легкостью меняет одно спортивное ведомство на другое, и все ему нипочем. А Виктор, умный, принципиальный, высоко порядочный всегда и во всем, то и дело спотыкается. Формально он не виноват. Сидел дома, смотрел по телевизору новый детектив, а в этот момент его хоккеисты на стоянке такси оскорбляли инвалида. Но такая уж наша тренерская доля — мы за все в ответе...

А как радовался Бобров за Шувалова, когда в 1969 году «Спартак» стал чемпионом страны, а одним из его тренеров работал Шувалов. Но как короток оказался звездный час его верного друга. Встретив сезон 1969—1970 годов, в ранге чемпионов, некоторые спартаковцы заиграли слабо. Нашлись среди них люди, не умеющие быть самокритичными. Свой спад они объяснили... нетребовательностью тренеров, которых, в том числе и Шувалова, руководители «Спартака», не долго думая, заменили.

Когда же Боброву доверили тренировать олимпийскую сборную, он в помощники сразу взял Шувалова. Уж очень импонировали его добросовестность, умение, если это требовалось, находиться с хоккеистами на льду по 24 часа в сутки, и не в последнюю очередь, человеческая порядочность.

Увы! Бобров по независящим от него причинам проработал с Шуваловым мало, о чем в дальнейшем часто искренне сожалел.

Как и следовало ожидать, созданная в августе 1971 года олимпийская сборная не стала первой сборной командой страны. Самые титулованные хоккеисты во главе с Чернышевым и Тарасовым поехали на товарищеские матчи в Голландию и ФРГ, а Боброва командировали в Финляндию. Ему достались в семи матчах игроки, талант которых полностью еще не расцвел (Ляпкин, Поладьев, Мартынюк, Шадрин, Александр Якушев) или так и не расцвел в дальнейшем (Чурашов, Сапелкин, Олег Иванов, Кропотов). И стало очевидно,

кто действительно намечается к выступлениям в Саппоро, а для кого уделом становится участие в так называемой олимпийской сборной.

Бобров в это время не скрывал, что ему хочется почувствовать себя настоящим тренером олимпийцев, а не быть тренером команды — олимпийской по названию. Но он понимал, что нет оснований снимать с работы Чернышева и Тарасова, во всяком случае никто не предложит им подать в отставку, хотя они оба ежегодно заявляли о своей усталости настраивать хоккеистов на первое место, а потому готовы уступить свой пост. Подобные разговоры всерьез не принимались, несмотря на то, что едва ли не каждый год осенью на какое-то время два знаменитых тренера уходили в тень и передавали (на словах!) своих подопечных хоккеистов в сборной СССР коллегам.

Некоторые друзья Боброва предлагали ему пойти к председателю Спорткомитета СССР или даже в ЦК КПСС и сказать: «Давайте я буду тренировать команду к Олимпийским играм в Саппоро». Но надо было знать Всеволода Михайловича — он никогда, даже в таком необычном случае, не пользовался своей славой, никогда не мог козырнуть своим громким именем, чтобы сделать что-либо для себя.

В Саппоро Бобров поехал в роли наблюдателя. Матчи олимпийского турнира принесли ему много интересного, дали пищу для размышлений.

Опять столкнулись представители двух на-

правлений в хоккее — канадского и европейского. Наиболее четко черты канадской школы в Саппоро проскальзывали у американцев. Они сумели победить чехословацких хоккеистов со счетом 5:1, отодвинув их в итоге на 3-е место. Европейскую школу достойно представляла сборная СССР, превосходившая соперников во многих компонентах игры. Но тем не менее игра соотечественников оставила у Боброва двойственное чувство. Он, конечно, не мог не радоваться тому, что олимпийские чемпионы — большие мастера, универсалы, каждый из них одинаково хорошо владеет всеми техническими приемами. По душе ему была высокая игровая дисциплина. Но сборная СССР временами играла без того вдохновения, которое позволяло ей прежде побеждать из года в год. А может, — рассуждал Всеволод Михайлович, — в этом нет ничего удивительного? По-человечески нетрудно понять хоккеистов, миновавших пик формы в сезоне. Годы к тому же нещадно брали свое!

Едва вернувшись из Саппоро, Чернышев и Тарасов подали в отставку. После этого, когда встал вопрос, а кто придет им на смену Всеволоду Михайловичу коротко сказали: «Надо!»

...Журналисты «Вечерней Москвы» проводили очередной редакционный «понедельник». Выступил Сергей Михалков, последние новости о фигуристах поведал Станислав Жук. Бобров явно опаздывал. Я встречал его у подъезда, у меня уже начало закрадываться сомнение, а придет ли он вообще, когда вдали показалась

знакомая папаха полковника. «Извини, что заставляю ждать, Только что из Спорткомитета СССР. Принял сборную команду».

Спустя несколько минут Бобров вышел на сцену в конференц-зале издательского корпуса «Московская правда» и постоянный ведущий редакционных «понедельников» в «Вечерке» Всеволод Шевцов, которому я успел шепнуть новость, связанную с назначением Боброва, поведал об этом залу и все шумно захлопали. Боброва журналисты «Вечерней Москвы» любили, часто видели на своих полосах его подпись под обзорами, статьями.

Из редакции мы ехали вдвоем, Всеволод был за рулем.

— Ну что, Михалыч, с возвращением в сборную хоккейную команду СССР? Сколько лет не был в ней? Пятнадцать?

— Не говори. Даже не верится, сколько времени прошло, словно вчера все было. Ну, ничего, надо работать! Не думал, что придется принимать команду в такое трудное для нее время — не успели отгреть олимпийские страсти, а уже грядет чемпионат мира. Посмотри направо — мне никто не грозит?

Помех справа на улице не было, и наша «Волга» спокойно продолжала бег к станции метро «Сокол», около которой жил Всеволод.

— Знаешь, что меня беспокоит? В Саппоро наша команда не выиграла ни одного третьего периода. Прежде такого никогда не бывало! Наоборот, вспомни, раньше мы всегда наибо-

лее сильно проводили заключительную 20-минутку.

Поражаюсь я порой на Чернышева и Тарасова — опытные специалисты, десять лет работали в сборной команде, но как могло случиться, что в составе оказалось шесть игроков старше тридцати лет? Вот это и сказалось на результатах третьих периодов. А ведь чемпионат мира в Праге будет в два раза длиннее олимпийского турнира.

Кстати, поверь мне — чехословацкая сборная сыграет в Праге, дома, сильнее, чем в Саппоро. Ожидается появление Сухи. Значит, сразу усилится и защита, и нападение. Видимо, войдет в состав Бубла, получивший перед Олимпийскими играми травму. Слабо отстоял против нас Дзурилла. Второй раз это невозможно. А потом не забывай про самое главное — поддержку трибун.

Подготовку к грядущему пражскому турниру Бобров начал буквально на следующий день после своего назначения. На чистый лист бумаги он нанес фамилии 20 игроков, недавно ставших олимпийскими чемпионами. Кого из них взять в чехословацкую столицу? Всех подряд? А если кого заменить, то кем?

Вроде бы чего было проще — поехать в Прагу в том же составе, который был первым в Саппоро. Даже если мы не выиграем первенство мира и Европы, то вряд ли кто осмелится бросить в нас камень. Ведь в Праге выступали олимпийские чемпионы, выигравшие высокое звание всего за два месяца до этого. А может,

поступить иначе — рассуждал и мучился в догадках Бобров. Спросить совета, как поступить, было не у кого. Никогда еще в високосный год олимпийский турнир не проводился отдельно от чемпионата мира и Европы.

Не вызывал сомнения Третьяк. А вот другой вратарь — Пашков — вряд ли годился, считал Бобров. В Саппоро Пашков сыграл всего один раз, причем против несильной команды. А главное, у этого молодого человека шалют порой нервы, в таком случае недалеко и до «скамеечного» штрафа.

Надежней казался Шеповалов, тем более, что Пучков его предлагает. С мнением помощника надо считаться, особенно если тот в недалеком прошлом был первоклассным вратарем. И не беда, если Пучкову, тренеру СКА, нравится Шеповалов, вратарь СКА, нравится больше, чем любой другой вратарь, за исключением Третьяка, размышлял Бобров, который всегда считал, что тренер клуба не может быть абсолютно беспристрастным к своим питомцам. И как-то со своей неповторимой улыбкой добавил: «Простим нашему брату — тренеру эту слабину!»

С защитниками было, вроде, все ясно. Рагулин — Цыганков, Лутченко — Ромишевский, Кузькин — Давыдов при их дублере Васильеве — какая оборона может быть надежней! Но никуда не денешься от статистики — в пяти олимпийских матчах нами пропущено 13 шайб. По столько же пропустили еще две команды —

чехословацкая и шведская, а ведь шведы оказались без медалей.

Бобров занес в состав Рагулина, Цыганкова, Лутченко, Кузькина, Васильева. После некоторых раздумий, взвесив все «за» и «против», он оставил Ромишевского. А вот судьба Давыдова определилась не сразу. Старшему тренеру сборной СССР нравилась всегда надежная игра динамовского защитника. Но увы! Ничто не вечно под луной. Вспоминая турнир в Саппоро, Бобров не мог забыть, что Давыдов ошибался чаще других партнеров, немало трудов затрачивал он на то чтобы «питать» нападающих шайбами. Видимо, пришло время расстаться с трехкратным олимпийским чемпионом, девятикратным чемпионом мира, восьмикратным чемпионом Европы. Бобров решил не спешить с принятием окончательного решения, дав возможность сказать свое слово медикам...

Допуская возможность, что не станет в команде Давыдова, Бобров ломал голову над тем, кого пригласить на место знаменитого динамовца. Всплыла фамилия Гусева, но до старшего тренера сборной СССР доходила информация, что этот защитник, в жизни сорви-голова, может нарушить спортивный режим. Поэтому был намечен разговор с руководителями и тренерами ЦСКА.

Бобров помнил о спартаковце Поладьеве, который осенью привлекался в олимпийскую сборную. Был на примете и Ляпкин. Не хотелось верить, что его игра на прошлогоднем

чемпионате мира и Европы — случайный эпизод.

Список кандидатов среди нападающих открывали одноклубники Викулов — Фирсов — Харламов, понимающие друг друга с полуслова. Недаром это — самая результативная тройка в проходившем чемпионате СССР. Но Боброва смущало, что сдал Фирсов. Поэтому, как и в случае с Давыдовым, было решено ждать результатов тщательного медицинского обследования.

Не вызывало сомнения выступление в Праге тройки Михайлов — Петров — Блинов. Как впрочем, не приходилось сомневаться в возможной игре звена Мальцев — Шадрин — Якушев. Единственное, что несколько удивляло Боброва, так это отсутствие, по сравнению с осенними матчами олимпийской сборной, Мартынюка. Видимо, нашлась причина для разлуки с бывалыми партнерами...

Бобров решил прислушаться к еще одной рекомендации Пучкова — относительно нападающего Вячеслава Солодухина. В свою очередь он сам имел в виду Мишакова. Словом, многие хоккеисты ходили в кандидатах на поездку в Прагу.

И со временем оказалось, что старший тренер сборной СССР не ошибся, определяя круг претендентов в ту или иную линию команды. В товарищеских матчах, состоявшихся перед пражским чемпионатом, на катках ФРГ, Финляндии и Швеции надежно играл, чередуясь с

Третьяком, Шеповалов. Пригодилась атакующая манера Гусева. Прав был Пучков — Вячеслав Солодухин нашел общий язык со спартак-овцами, а Мартынюк отложил свое появление в первой сборной еще на год. Оправдывал надежды Анисин.

После товарищеских матчей советская федерация отправила в Прагу заявку. Давыдова и Фирсова в ней не оказалось. Тщательное медицинское обследование показало, как и предполагал Бобров, что они уже устали, и рассчитывать на них, по крайней мере, в этом сезоне, не было смысла.

Прага радушно встретила хоккеистов. Тринадцать лет минуло с тех пор, как здесь состоялся подобный чемпионат. Один известный московский журналист в своем первом репортаже из чехословацкой столицы пытался провести параллель между двумя пражскими турнирами, но обрек себя на неудачу. И сам в статье согласился: иного и не могло быть, учитывая постоянный прогресс игры, рост требований, рост мастерства.

Бобров, перестав играть, не впервые приехал на чемпионат мира. «Спартак» в свое время командировал его просматривать матчи аналогичных турниров в Любляне, Вене. Но те поездки не шли ни в какое сравнение с нынешней. Тогда он ежедневно удобно располагался на трибуне, скорее всего по соседству с журналистами, и спокойно смотрел любимый хоккей. Нет тебе забот, кого поставить в то или иное звено, нет никаких проблем.

Теперь его место оказалось рядом с хоккеистами, причем на редкость известными — чемпионами мира, Европы и Олимпийских игр. Фавориты всегда в центре внимания публики, журналистов, фото- и кинорепортеров. Не стала исключением и советская команда. И все же, пожалуй, самым популярным оказался Бобров.

Не нашлось ни одного представителя средств массовой информации, аккредитованного при пресс-центре, который не взял бы интервью у Боброва.

Бобров в Праге на каждой пресс-конференции, при любой беседе с журналистами отвечал вразумительно, спокойно, с достоинством. При надобности метко шутил, иногда слегка ухмылялся, а порой улыбался так широко, как только он один умел. От самых каверзных вопросов не уходил. А главное, отвечал по существу, по возможности коротко. Это всегда нравилось журналистам.

Однажды за рубежом мне довелось переводить ответы Тарасова одному из журналистов ГДР. Так вот, когда у него поинтересовались причинами успешной игры сборной СССР, он ответил так:

— Эх, чудаки вы, журналисты. Все-то вам хочется знать, обо всем написать. А знаете ли вы, что такое русская душа? Не знаете? Так о чем же мне с вами говорить? Представьте себе русского мужика, идущего с рогатиной на сохатого, да, да, сохатого. Ничего он не боялся, русский мужик, все шел и шел! Вот так и наш

Володька, сын батрачки, ничего не боится. А возьмите Витьку! Утес, скала. Как в войске Стеньки Разина. А другой Витька — тоже ничего не боится. Ему бы в войско Пугачева, а он к вам играть в хоккей приехал. А все они вместе взятые — это наша, рабоче-крестьянская игра! Говорите, что хотите учиться у нас, стараетесь, а ничего не получается? Да, где уж вам! Запомните — любая самая совершенная копия хуже оригинала! Вот так-то! А теперь мне пора к хоккеистам, заждались меня. Гуд бай!

Чемпионат мира поначалу складывался для советской команды легко — 11:0, 10:2, 10:2. В этом были свои плюсы. В нетрудных матчах Бобров присматривался к игрокам, дополнял свои представления, полученные по ходу товарищеских встреч, а хоккеисты исподволь проникались все большим уважением к новому наставнику. Менялся климат в команде: Бобров, например, отменил кувырки на льду, назначавшиеся прежде Тарасовым в наказание за малейшую провинность на тренировке или на льду.

Десять шайб оказалось в воротах финских спортсменов. Бобров со всей строгостью настраивал хоккеистов на игру. Ведь финский хоккей — это своеобразное сочетание европейской и канадской школ. В Финляндии всегда кто-то работает из иностранных специалистов — СССР, Чехословакии, Канады. Отсюда, с одной стороны, — комбинационные действия, с другой, — страсть к силовой борьбе. Новый тренер остался доволен, что подо-

печные не пропустили его совет мимо ушей и играли так, будто матч с финнами решающий. Так на чемпионате мира следует всегда делать. Каждая игра — самая важная. Такова традиция всех советских хоккеистов, игравших на мировых чемпионатах. И ломать ее, конечно, не было смысла.

И вот на чемпионате, который проводился в два круга, наступил первый наш матч с хоккеистами ЧССР. Поскольку от добра добра не ищут, Бобров не мудрствовал лукаво. У нас играли те же звенья, что и в предыдущих матчах, хотя внутренне старшему тренеру хотелось переставить или заменить некоторых хоккеистов.

Начало обескуражило. Уже на 6-й минуте соперники лидировали со счетом 2:0. Вначале Третьяк, закрытый полевыми игроками, не среагировал на дальний бросок. Его оплошность в какой-то степени подействовала на партнеров. Михайлов в безобидной ситуации нарушил правила, и его удалили. Оставшись в меньшинстве, несогласованно сыграли Блинов и Лутченко. И в наши ворота влетела вторая шайба. Хоккеисты поехали отдыхать.

До Боброва в сборной команде существовала своего рода традиция — в перерыве матча, особенно трудно складывавшегося для команды, Тарасов произносил монолог: звучали фамилии известных полководцев, легендарных героев, строка из «Интернационала» — «Вставай, проклятьем клейменный!» Бобров этого не понимал. Смешно призывать Харламова

или Мальцева сыграть хорошо, нелепо то и дело напоминать Якушеву или Лутченко о доверии, которое оказано им, когда они надели форму игрока сборной команды СССР.

Бобров всегда был убежден, что весь тогдашний уклад нашей жизни, воспитание молодого гражданина в школе и семье не могли не оказать благотворного влияния на формирование спортсмена как личности. Конечно, иной хоккеист заслуживал критики за неточный пас или ошибку при приеме шайбы, но вряд ли такого спортсмена вправе было обвинить в равнодушии к исходу матча, в безразличии к тому, как складывался поединок. Бобров всегда любил повторять, что молодой человек, став известным спортсменом, не умеет играть плохо в ответственной международной встрече.

Где бы Бобров ни работал, он неизменно подчеркивал, что все, даже самые правильные лозунги, не растормошат игроков, терпящих неудачу, если они сами не разберутся, что к чему. И не надо давить на их психику, они вполне придут в себя, если собрался коллектив единомышленников.

Вот и в перерыве этого пражского матча Бобров лишь подошел, например, к Якушеву: «Ну, Саша, в чем дело?» И как ни в чем не бывало, тихо сказал всем: «Давайте на лед, там разберемся, что к чему, впереди еще два периода».

И что же? На льду появилась вроде бы все та же команда, но она уже не совершала гру-

бых ошибок и не позволяла соперникам диктовать обстановку. До конца матча оставалось 10 минут, чехословацкие хоккеисты еще лидировали с перевесом в две шайбы — 3:1, но счет изменился на 3:2, а потом и вовсе стал ничейным — 3:3.

Героем не только той игры, но и всего чемпионата оказался Александр Якушев. До того, как Бобров возглавил сборную команду страны, этот нападающий московского «Спартак» успел выступить на нескольких чемпионатах мира. Но, пожалуй, ни на одном турнире не имел своего амплуа, слывя «палочкой-выручалочкой». А потом вообще ушел в тень. Так никто и не понял, отчего это произошло — то ли обиделся, то ли появилась неуверенность в себе, своих силах.

Бобров начал в сборной с того, что нашел Якушеву место в одной из пятерок. Если прежде Якушева подгоняли под намеченную тактическую схему, заставляли сыграть на передачах, то новый тренер предложил спартаковцу действовать так, как у него получается, как умеет. Иначе говоря, Якушева больше никто не сковывал.

Два гола, забитые Якушевым в ворота финнов, остались вроде бы незамеченными, но когда в следующей игре — с хоккеистами Швейцарии он забросил четыре шайбы, пресса подарила ему внимание. И тем не менее, чехословацкие тренеры, пожалуй, не придали голам Якушева особого значения. Быть может, их усыпил Бобров, поставивший спартаковца в

третью тройку, никогда и нигде не считающуюся ведущей.

Между тем именно Якушев с партнерами сначала раскачали чехословацкую оборону, а потом нанесли два точных удара. Первую шайбу при счете 0:2 забросил Солодухин, третью, сведя матч вничью, — Якушев, выступавший под 15-м номером. Наш лидер — «Як-15», как его окрестили некоторые журналисты, буквально сеял панику, благодаря дриблингу, отличным пасамам, высокому индивидуальному мастерству.

Хоккеисты, обессиленные напряжением борьбы, сразу после ужина уснули, а в номере, где остановился Бобров, бодрствовал своеобразный штаб. «На огонек» заглянули тренеры-наблюдатели Борис Кулагин, Юрий Баулин, пришел Роменский, последние новости с заседания конгресса международной федерации принес Старовойтов.

Все сходились на том, что слабо провел матч Викулов, ошибался Третьяк, а чехословацкие хоккеисты хорошо использовали поддержку трибун. Не остался без внимания своеобразный психологический прессинг, продемонстрированный соперниками. При любой возможности они старались остановить игру, смена составов проходила медленно. Недаром первый период продолжался в общей сложности 45 минут, а весь матч 2 часа 35 минут. Значит, следовало найти что-то свое. Быстрые прорывы некоторых нападающих напоминали, к сожалению, скорее кавалерийские наскоки.

Не больше. Как бы то ни было, чехословацкая команда оказалась очень сильной.

Предстоял матч со шведами. К этому времени у них было потеряно два очка (поражение от чехословацких хоккеистов — 1:4). Бобров боялся лишь одного — недооценки командой ближайшего соперника. Поэтому упор был сделан на подчеркивание сильных сторон шведской сборной. С тех пор, как ее возглавил канадец Билли Харрис, шведы стали все больше походить на канадцев — они тоже жестко играли у чужих ворот, а главное, с ожесточением стремились добить шайбу. Бобров напомнил, как с «пяточка» шведы забросили Третьяку в Саппоро две шайбы — вторую и третью. Ставилась задача надломить боевой дух шведских хоккеистов, как это сделали финны во встрече на Олимпиаде.

Так оно и вышло. Впервые в истории хоккея советские спортсмены забросили шведам 11 шайб. Поначалу соперники посчитали, что в неудаче повинен вратарь Абрахамссон. После того, как он пропустил 5 голов, его сменили, но и Хольмквист играл в воротах не лучше.

Чемпионат неуклонно катился к финишу. Сборная СССР продолжала записывать после каждого матча по два очка, неизменно выигрывая с крупным счетом — 7:0, 7:2, 14:0. Не сбавляли темпа хозяева льда. Было ясно, что во встрече советской и чехословацкой команд и определится чемпион. Так оно и произошло.

Бобров решил играть в том же составе, что

и в первом круге. Лишь вместо Ромишевского партнером Лутченко оказался Васильев.

Быстрота быстроте в хоккее рознь. Ведь что получилось? Наша команда за счет быстроты движения на площадке сразу взвинтила темп. Территориальное преимущество оказалось на ее стороне. Но первый период выиграла хозяйка льда — 2:0. У них оказалась выше другая быстрота — передач. Выбросив шайбу из своей зоны, чехословацкие хоккеисты старались вновь организовать четкий порядок в обороне. В итоге наши нападающие буквально застредали в частокле клюшек обороняющихся, им навязывали силовую борьбу, лишая возможности применить дриблинг и выйти на последний рубеж обороны для нанесения прицельного броска.

О том, насколько четко защищалась чехословацкая команда, красноречиво говорит только один пример. За весь матч советским спортсменам удалось всего лишь дважды оказаться с глазу на глаз с вратарем соперников. В одном случае Мальцев забил гол, а в другом — Блинова остановили недозволенным приемом, и Харламов при численном преимуществе забросил шайбу.

Матч был проигран — 2:3. Наша команда заняла 2-е место.

Предчувствия не обманули Боброва. В Чехословакии всегда умели подобрать ансамбль высокотехнических игроков, и уж, конечно, постарались это сделать особо, когда настала пора проводить чемпионат мира.

Бобров, возглавив сборную СССР, и не догадывался о психологической подоплеке наших встреч с чехословацкой сборной. Занятый работой с футболистами, он не заметил, как в последнее время складывались поединки старых соперников, — большинство встреч за четыре года выиграла команда ЧССР. Изменение баланса игр не в нашу пользу не столько подзадоривало хоккеистов, сколько торопило их восстановить прежнее соотношение. «Вот погодите, уже в самом ближайшем матче мы покажем, на что способны», — говорили ветераны, а новички вторили им.

И что же? Наступал день очередного состязания, и команда оказывалась неузнаваемой. Настрой на победу, когда чересчур он велик, способен сыграть злую шутку. Появляется скованность, которая неумолимо приводит к индивидуальным ошибкам. Не будь их, например, в первом матче, игровое преимущество переросло бы в голы. Иначе говоря, могли победить. А во второй встрече со сборной ЧССР примерно такие же ошибки привели к поражению.

Огорчало, что в ключевых матчах не на высоте оказался Третьяк, а временами пропал отработанный десятилетиями командный стиль — каждый вдруг пробовал гоняться за победой в одиночку.

Предстояло много работать, много тренироваться, чтобы оправдать строгую любовь советских поклонников хоккея.

Конечно, нелишне было бы принять команду пораньше, ведь даже с наспех обновленным составом не посрамили марку отечественного хоккея.

Ниже своих возможностей сыграл в важных матчах Викулов, но все же звено, в котором он выступал, возглавляемое Мальцевым, признанным лучшим нападающим турнира, забросило 34 шайбы — больше других! А пропустило только пять шайб — меньше других! Мальцев, снайпер редкого дарования, и раньше любил играть впереди. Теперь ему помогли раскрыть еще одну сторону дарования — динамовец делал превосходные голевые передачи.

Впрочем, не только игроки первого звена выглядели молодцами. Боброву, нападающему, было по душе, что вся команда едва ли не на глазах научилась мощно атаковать. В десяти матчах в воротах соперников побывало 78 шайб. Никогда прежде советские хоккеисты на чемпионатах мира столько не забивали! Ну, погодите, друзья, мы с вами еще не столько будем забрасывать!

Ярко сыграл Харламов. Отличные перспективы виделись у тройки Шадрина, той самой, которая в августе, в день возвращения Боброва в хоккей, грозно атаковала ворота ЗКЛ. И уж коль скоро вторая и третья тройки показали на чемпионате одинаковый результат — 22:6, то получалось, что игроки в звеньях были расставлены Бобровым правильно, и пятерки отныне мало в чем уступали друг другу.

А защитники? Они неплохо помогали нападающим. Трудно сказать почему, но они до прихода Боброва перестали ходить в атаку (запретили им тренеры что ли?). Ныне, успешно выполняя свои функции, игроки обороны не забывали и атаковать.

А разве не приятно было сознавать, что в отличие от олимпийского Саппоро, на чемпионате мира и Европы не было проиграно ни одного третьего периода? Не ошибся Бобров в дебютантах! Пускай Анисин, да и другие новобранцы хорошо действовали в качестве «ведомых», но не готовы были сами стать «ведущими». А до чемпионата мира в Москве оставался год.

Судя по всему, Бобров у руля сборной себя оправдывал. Во всяком случае ни одна из советских газет, анализируя итоги пражского турнира, ни команду, ни ее наставника не критиковала. Все понимали, что со сменой старшего тренера, произошедшей быстро и в трудное для коллектива время, сборная не растеряла свои лучшие черты.

За год до московского чемпионата мира Бобров занимался не только комплектованием пятерок. Кого взять в помощники?

Трудно представить себе человека, влюбленного в спорт больше, чем Николай Пучков. Прежде чем встать в ворота футбольной команды ВВС (в конце 40-х годов), он не без успеха попробовал свои силы в семи видах спорта. В хоккее он играл великолепно — в

1959 году его признали лучшим вратарем чемпионата мира. Перейдя на тренерскую работу, стал проявлять к игрокам такую же требовательность, как когда-то к себе. Не всем хоккеистам и не всегда это нравилось, хотя именно при Пучкове ленинградский СКА впервые попал в число призеров первенства страны, дважды играл в финале Кубка СССР. Бобров знал, что Пучков не ведает равнодушия, бесстрастности, если заходит речь о хоккее; знал не с чужих слов, ведь столько лет они вместе играли в футбол и в хоккей — за ВВС, ЦСКА, за сборную команду страны. И не беда, что Пучков внешне оставляет впечатление неразговорчивого или даже нелюдимого человека. Главное — фанатичная преданность хоккею. Поэтому, когда перед Прагой Боброву предложили взять в ассистенты Пучкова, он не отказался, благо в Саппоро ездили вместе наблюдателями.

А вот больше одного сезона поработать вместе два прославленных игрока — вратарь и нападающий, бывшие одноклубники, никогда друг к другу не испытывавшие ни до того, ни после, никаких неприятных чувств, не смогли. Бобров по-разному оценивал разлуку с Пучковым. Сожалел, что не довелось долго быть вместе. Обижался, что Пучков излишне самокритично оценил результат выступления наших хоккеистов, посчитал виновными в том, что не досталось золото, себя и Боброва — мол-де, мы как тренеры сборной СССР еще не достигли

уровня и мастерства знаменитых предшественников.

Пучков, когда сам играл в хоккей, будь то клуб или сборная команда страны, если случались поражения, сильно переживал, настолько порой винил себя в какой-нибудь пропущенной шайбе, которую он, якобы, обязан был ловить или не пропускать, что не мог заснуть всю ночь. Такая повышенная чувствительность к промахам подводила Пучкова, он, как говорится, «перегорал» и ближайшую игру мог провести слабо.

Когда человек излишне чувствителен к своим недостаткам, это одно — рано или поздно тот же Пучков брал себя в руки и вновь становился вратарем экстракласса. Но когда тренер чрезмерно строг к промахам подчиненных и не умеет снисходительно относиться к их неудачам, то это дело другое. Иначе говоря, плохо, если не выдерживают нервы у тренера.

Пучков, человек сложного характера, возвратившись из Праги, попросил освободить его от обязанностей одного из тренеров сборной команды страны, и ему пошли навстречу.

На его место был назначен Борис Кулагин, в ту пору возглавлявший столичную команду «Крылья Советов». Это, пожалуй, один из немногих тренеров, который как хоккеист не имел большой известности. Когда он появился в высшей лиге в роли тренера, любители хоккея стали вспоминать его биографию. Счастья крупных побед Кулагину-хоккеисту познать не

довелось, если не считать, что в составе команды ЦСКА, выступавшей в городских турнирах (мастера в тех соревнованиях не выступали), он совершил круг почета после выигрыша армейцами Кубка Москвы в 1951 году. Правда, Кулагин имел звание мастера спорта, но это — результат успешного выступления в хоккее с мячом за команду Ленинградского института физкультуры. В 1947 году он играл за футбольную команду мастеров ВВС, которую тренировал еще не достигший 30-летнего возраста Тарасов (летчики заняли в тогдашней высшей лиге, состоявшей из 13 клубов, последнее место). У Кулагина-тренера по физподготовке одно время занимался, будучи курсантом, Юрий Гагарин. Кулагин добрый десяток лет тренировал молодежный состав ЦСКА.

Тарасов одно время называл Кулагина опытным, весьма квалифицированным специалистом, отличным педагогом, на которого он мог целиком положиться. Они вдвоем, по словам Тарасова, одинаково смотрели на хоккей, на его принципы, у них сложились одинаковые требования к хоккеистам, единая методика тренировок. Со временем Кулагина назначили старшим тренером ЦСКА, а Тарасов стал выполнять функции главного тренера Вооруженных Сил. Но при Кулагине армейская команда выступала неровно, чаще обычного проигрывала, и его быстро заменили Тарасовым. В последнем издании одной из своих книжек Тарасов свою характеристику Кулагину снял...

После окончания службы в Вооруженных Силах Кулагин возглавил команду «Крылья Советов».

Но хороший помощник для любого тренера, мечтающего со своими питомцами о больших и стабильных успехах, это еще не все. В хоккее, где трещат борта от суровых единоборств, многое зависит от мастерства и опыта врача, от золотых рук массажиста.

За два года до того как сборную хоккейную команду страны возглавил Бобров, ее врачом стал Олег Белаковский, который до этого опекал футболистов сборной СССР. Они вместе росли в детстве, проведенном в Сестрорецке, вместе играли в футбол и русский хоккей.

Алик родился в 1921 году, на год раньше Боброва. Со временем судьба разлучила их — один по совету отца, потомственного рабочего, пошел работать слесарем-инструментальщиком на завод имени Воскова, а Белаковский, сын врача, поступил учиться в Военно-медицинскую академию имени Кирова.

Белаковский в годы войны — врач десантных войск, совершивший 153 парашютных прыжка. Он участвовал в Свирской десантной операции на Карельском фронте летом 1944 года, в атаке с воздуха на район Балатона в 1945 году. А война для него закончилась в Чехословакии 13 мая 1945 года, после того, как пришлось добивать эсэсовцев и власовцев. Под белым халатом Белаковского, долгие годы работавшего заместителем начальника ЦСКА по медицинскому обес-

печению, — колодки 16 боевых и мирных наград, включая по два ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

В 1958 году массажистом в сборной команде СССР стал работать Георгий Лаврович Авсеенко. Удивительными руками обладал этот человек! Как они умели массировать затекшие суставы, готовить мышцы к новым силовым поединкам! Лаврычу никогда не надо было говорить, где у кого что болит, ведь он хранил в памяти все столкновения по ходу матча.

За помощью к Авсеенко охотно обращались не только хоккеисты. Ему пришлось немало поколесить по белу свету в составе советских футбольных и баскетбольных делегаций, но душа, как он мне однажды заметил, не выдержала: вернулся к хоккеистам, чтобы долгие годы работать с ними.

Но Авсеенко слыл не только высококлассным массажистом. Великолепный мастер клепать и точить коньки, уезжая с главной хоккейной командой за рубеж, всегда захватывал станок для точки, набор брусков, напильников. У него находилось время латать форму игроков, подгонять клюшки под рост хоккеистов.

Лишить игроков такого «золотого» массажиста Бобров не собирался: после отставки Чернышева и Тарасова он без всяких сомнений пригласил Авсеенко в команду. А тот, не задумываясь, ответил согласием, как и прежде оставшись в рядах прославленных чемпионов по

хоккею в роли человека, которого никогда после окончания первенства мира или олимпийского турнира не награждают золотой медалью, но без которого была бы невозможна ни одна награда любого самого известного советского хоккеиста.

На горизонте — профессионалы

Весной 1972 года в дни пражского чемпионата мира президент канадско-американской хоккейной ассоциации Кричка и Старовойтов подписали соглашение о восьми матчах сборной команды Советского Союза с сильнейшими профессионалами. «Видишь, Всеволод, какую для тебя работенку мы подобрали», — заметил Боброву Старовойтов, вернувшись с подписания. «Не говори, Андрей Васильевич. Чтоб тебе, скажем, годом раньше подпись поставить!»

Никогда прежде деловых контактов с канадскими спортивными руководителями, включая федерального министра здравоохранения или исполнительного директора НХЛ, у тренеров сборной команды СССР не было.

Не много ли задач приходилось решать Боброву за один год? В феврале не у кого было спросить, как готовить команду к чемпионату мира и Европы, если пик формы приходился на оставшийся позади олимпийский турнир. Теперь не с кем было посоветоваться, как готовиться к встречам с профессионалами.

В Северной Америке, судя по всему, решили всерьез отнестись к матчам с нашими хоккеистами. Если прежде межсезонье у профессионалов было равно четырем месяцам, то из-за встреч с советскими спортсменами отпуск сократили на месяц. Из 500 хоккеистов НХЛ отобрали 38. Хотя некоторые известные специалисты со страниц газет утверждали, что русские не добьются успеха во встречах с лучшими профессиональными клубами, руководители НХЛ сочли невозможным заставлять своих подопечных играть с советской командой с «листа». Гарри Синден и его помощник Джон Фергюссон протрубили тренировочный сбор.

Ездившие к канадцам на разведку Чернышев и Кулагин, вернувшись в Москву, рассказали, что соперники ежедневно проводят по две интенсивные тренировки — одна начинается в девять часов утра, спустя час после подъема, вторая в час дня. Каждое занятие продолжалось два часа. Профессионалы занимались техникой катания, дриблингом, пасом, бросками по воротам, особенно они отработывали щелчки.

— Ничего себе, — подумал Бобров, — профессионалы, готовясь к встречам с нами, устроили себе летом суровые тренировочные будни. А как же нам следует поступить?

Тот, кому доводилось бывать на летних тренировках хоккеистов, знают, как до седьмого пота занимаются наши мастера. Именно на предсезонных занятиях закладываются основы успешного выступления в сезоне. И наоборот,

на трудную турнирную жизнь обрекают себя хоккеисты, превращающие летние уроки в продолжение летних каникул. Бобров всегда высоко оценивал значение предсезонных тренировочных занятий.

Как ни велико было значение встреч с профессионалами, как ни огромен был интерес, который проявлялся к предстоящим матчам по обе стороны океана, Бобров не пошел на то, чтобы сломать характер предсезонных занятий в клубах и форсировать у их лучших игроков наступление боевой формы. В ЦСКА и «Динамо», «Спартаке» и «Крыльях Советов» занятия шли своим чередом.

Как всегда, перед чемпионатом был разыгран приз газеты «Советский спорт». Причем, по традиции на соревнование пригласили гостей из-за рубежа. Участвовали 14 советских и 7 иностранных команд. Единственное, что пришлось изменить по сравнению с прежними розыгрышами, так это даты первых игр. Стартовые матчи состоялись 15 августа, на десять дней раньше, чем год назад. А так перемен в предсезонной жизни команд не было. «Спартак», к тому времени уже начавший привыкать играть летом на льду курортных городков ФРГ, опять полетел в Западную Германию, но к началу борьбы за приз «Советского спорта» вернулся домой.

Из Всесоюзного научно-исследовательского института физкультуры Боброву регулярно присылали переводы статей, посвященных хоккею, из канадской, американской и другой

иностранной прессы. Но приоткрыть завесу над характером подготовки профессионалов оказалось невозможно. За рубежом преимущественно публиковались интервью с хоккеистами, менеджерами. Почти все высказывания сводились к тому, что по сумме матчей с подавляющим преимуществом победят профессионалы.

Некоторые журналисты, а заодно и интервьюируемые занимались поучением — русских надо поскорее победить и тем самым покончить раз и навсегда со спорами, кто сильнее в хоккее. С какой это стати их стали называть в Европе чемпионами мира? Чемпионами мира, пора это русским усвоить, по праву считаются чемпионы Национальной хоккейной лиги.

Отбор кандидатов на поездку проходил нелегко.

Вновь ломались копья вокруг Давыдова и Фирсова. Медики свидетельствовали, что они еще не успели полностью восстановить форму, не оправались от напряжения, вызванного подготовкой к Олимпийским играм, а потом матчами в Саппоро. И вдруг неожиданно, после тщательного медицинского обследования Фирсов заявил, что он не будет больше играть за сборную команду.

Не ясна была судьба Старшинова. Славному представителю «золотой дружины» шестидесятых — начала семидесятых годов, ее многолетнему капитану, Бобров очень хотел дать возможность выступить в Канаде. Весь вопрос заключался в том, а сможет ли Старшинов, бу-

дучи теперь играющим тренером «Спартака», отвечать всем требованиям, которые предъявляются к игроку сборной СССР.

В Ленинграде, где «Спартак» проводил матчи на приз «Советского спорта», Старшинову было нелегко — играть и одновременно наблюдать за командой со стороны. Но он, по его же словам, старался делать то и другое без ущерба для игроков и для себя.

Спартаковцы, готовясь к сезону, жили и интересами сборной команды страны. Для нее скомплектовали ударную пятерку. Партнером Паладьева стал перешедший из «Химика» Ляпкин. А тройка нападения, несколько видоизменившись, приняла такой вид: Зимин — Шадрин — Якушев. Наблюдатели отмечали хорошую степень подготовки спартаковских хоккеистов.

Тем временем в Москве то и дело принимали гостей из Канады. Переговоры с работниками Спорткомитета СССР вела весьма представительная делегация. В результате было достигнуто соглашение, которое определяло, сколько игроков тренеры получают в свое распоряжение дома, а сколько в гостях. На каждую игру договорились заявлять по 19 хоккеистов, в том числе двух вратарей. Согласились также, что судить станут по два арбитра: в Канаде — американцы, в Москве — европейцы. Заранее оговаривалась форма: дома канадцы играют в красном, а гости в белом, в Москве — наоборот.

В ответ на пребывание в Канаде Черныше-

ва и Кулагина профессионалы прислали в Москву двух разведчиков — Боба Дэвидсона, селекционера клуба «Торонто Мейпл Лифс», и тренера того же клуба Джона Маклелана.

Боброву приходилось встречаться с представителями НХЛ, Министерства здравоохранения Канады, иностранными журналистами. Гости интересовались многим — что побудило Боброва взяться за подготовку сборной СССР к встречам с лучшими хоккеистами НХЛ? На что мистер Бобров рассчитывает? Такие и подобные вопросы задавались неспроста. Гарри Синден, которому предложили готовить «звезд» к встречам с русскими, еще ничего не добился, он лишь пригласил в команду для матчей со сборной СССР 35 хоккеистов (подчеркнув при этом, что состав определяют тренеры и обсуждать подобный вопрос в Канаде не принято), а хозяева клубов уже наперебой сулили ему у себя место тренера и контракт на 70 тысяч долларов — сумму, равную тогда окладу самого незаурядного тренера. В Синдене видели укротителя русского хоккейного духа, надежду канадского хоккея.

Бобров, давая интервью, не скрывал свое давнее желание увидеть профессионалов, подчеркивал при этом, что немало слышал о их высокой специальной подготовке, системе выявления одаренных спортсменов, их способе обучения техническим и тактическим элементам игры. На что он рассчитывает? Подобно тому, как матчи первого поколения наших игроков с обладателями Кубка Аллана и с канад-

цами, приезжавшими на первенство мира, дали мощный толчок развитию хоккея в СССР, да и во всей Европе, так и предстоящие игры должны оказать колоссальное влияние. Хоккей по ту и другую сторону океана нуждался и нуждается в обогащении новыми игровыми идеями.

После игр на приз газеты «Советский спорт» сборы в Канаду были недолгими. Хоккеисты сборной СССР провели в разных сочетаниях три встречи — с ЦСКА, «Динамо» и «Спартак». Для того, чтобы еще раз проверить, кто чего стоит, Бобров разрешил своим подопечным выступать против сборной за родные клубы. Так, например, за ЦСКА играли 13 участников поездки в Канаду. Но сборная и без армейцев оказалась на высоте — счет 8:1 был весьма убедителен.

30 августа три вратаря, девять защитников и пятнадцать нападающих, включенных в сборную команду СССР, отправились на первые встречи с профессионалами НХЛ.

Интерес к этим играм в Канаде Бобров сравнивал с тем, что наблюдал в 1945-м году в Англии, когда на родину футбола впервые приехали советские спортсмены. Что ж, там и здесь мы были первопроходцами. В обоих случаях предстояло крепко побиться за спортивную честь нашей страны. Как тогда динамовцам, так теперь хоккеистам сборной СССР пришлось стать свидетелями своего рода психических атак со стороны местных газет. Как только они не превозносили свои команды и в то же время снисходительно писали о гостях.

Джон Маклелан, приехавший в СССР на розыгрыш приза газеты «Советский спорт», перед отлетом домой, сделав реверанс в сторону будущих соперников («У вас хорошие команды и немало интересных игроков, с которыми охотно заключили бы контракты менеджеры любого клуба НХЛ»), тут же заметил, что советским хоккеистам не под силу бороться с канадцами. «Для того, чтобы догнать нас, вам потребуется не менее пяти лет». Незадачливому разведчику крепко досталось от соотечественников, когда пришла пора подводить итоги выступления сборной команды СССР в Канаде...

Канадские газеты призывали не скупиться на финансовую поддержку игроков, лишь бы те буквально побили советскую команду.

На первое выступление советских хоккеистов прибыл премьер-министр Канады Пьер-Эллиот Трюдо. Прежде чем символически вбросить шайбу в игру, он заверил гостей, что их в Канаде ждет самый сердечный прием. Пожелав советским хоккеистам всего самого хорошего, глава канадского правительства призвал их знакомиться с достопримечательностями, посещать музеи, театры, делать все, что захочется, кроме одного — не выигрывать у канадских хоккеистов. Эти слова трибуны монреальского дворца «Форум», одного из самых больших в мире, встретили аплодисментами, потонувшими в гомерическом хохоте.

Не успели игроки нашей первой пятерки приглядеться к соперникам, как шайба влетела

в ворота Третьяка. А на 7-й минуте счет стал 2:0 в пользу хозяев льда.

Выходит дело, правы были те иностранные обозреватели, особенно канадские, которые предрекали разгром советских хоккеистов? Значит нам еще рано играть против «звезд» мирового хоккея?

Нет, не могли игроки сегодняшнего состава, так казалось Боброву, действовать слабо. Он верил в любую пятерку. Оставалось играть еще 53 минуты. Разве можно было предъявить претензии первой пятерке, пропустившей первую шайбу? А столь уж велика вина обороны, позволившей Хендерсону найти щель и довести счет до 2:0? Уверенность тренера в игроках передавалась спортсменам. Им предстояло показать, на что они способны.

Предшественники Боброва в сборной СССР — Чернышев и Тарасов, участники самых первых у нас хоккейных матчей, в нашей стране стали если не первыми, то одними из первых тренеров. Сначала работали только в своих клубах, потом Чернышев по совместительству возглавил сборную команду, едва ее впервые скомплектовали. Со временем динамовца Чернышева сменил армеец Тарасов, которого позднее заменил тот же Чернышев. А затем они вместе возглавили сборную СССР и не расставались друг с другом целое десятилетие, одновременно продолжая тренировать родные клубы.

До прихода Боброва едва ли не почти все игроки сборной были из ЦСКА, далее по пред-

ставительству шло московское «Динамо». Еще раз напомним точку зрения Боброва на отношение тренера клуба к своим подопечным — он никогда не может быть абсолютно беспристрастным.

При Чернышеве и Тарасове среди хоккеистов, входивших в сборную СССР, было немало посредственных игроков. Но оба тренера, особенно Тарасов, называли их подыгрывающими. Они явно кривили душой, и их по-человечески можно было понять — кому из них не хотелось дополнительно взять в сборную из родного клуба по крайней мере еще одного хоккеиста? Не случайно никогда в роли классно подыгрывающего не оказывались игроки из клубов, соперничающих с ЦСКА или «Динамо».

Бобров в отличие от Чернышева и Тарасова, а других старших тренеров сборная СССР прежде не знала, пришел в главную команду страны, не представляя никакой клуб. Правда, несколько игроков можно было бы считать его подопечными. Это — спартаковцы, ставшие некогда под его началом чемпионами СССР. Но с момента того успеха «Спартака» прошло пять лет, и чтобы пересчитать оставшихся в сборной тех спартаковцев, вполне хватило бы пальцев одной руки. Он не собирался окружать особым вниманием ни спартаковцев, ни игроков ЦСКА, ни хоккеистов других известных команд.

Почему-то после назначения Боброва в сборную СССР никто не отметил, что с многократными чемпионами Олимпийских игр,

мира и Европы пришел заниматься тренер, до этого четыре года занятый в другом виде спорта (случай что ни на есть уникальный в мировом спорте), призванный возвратить команду на первое место в мире и Европе.

Уже с первых же дней работы Боброва стало ясно, что он стремится приглашать в состав сборной действительно сильных игроков, независимо от того, к какому спортивному обществу или ведомству они относились. Этот факт был большим плюсом для Всеволода Михайловича, еще более повысил его авторитет, а в наши дни сказали бы — рейтинг. Была еще одна причина, пожалуй, главная, заставившая хоккеистов сборной СССР проникнуться уважением к Боброву. Это его отношение к профессионалам, к возможности встреч с ними.

Долгие годы о матчах с лучшими игроками Северной Америки наши хоккеисты даже не мечтали. Подобные встречи казались такими же нереальными, как если бы в боксе заговорили о поединках легковесов с тяжеловесами. К тому же родные средства массовой информации лепили из профессионалов образ врага, типичных представителей чуждой нам общественной системы.

Чернышев и Тарасов на словах вроде выступали за встречи с профессионалами, но на деле противились подобным контактам и под разными предлогами отвергали их. Что ж, такая позиция обоих тренеров была неудивительна. Из года в год сборная СССР, руководимая Чер-

нышевым и Тарасовым, побеждала на чемпионатах мира и Европы, при них она стала первой на трех подряд Олимпийских играх. Все эти победы подавались в нашей стране как успех советской хоккейной школы, ее называли самой передовой в мире.

Оба знаменитых тренера опасались встреч с профессионалами по той простой причине, что не рассчитывали победить, а потому был бы нанесен моральный ущерб советскому хоккею, прекратились бы разговоры об отечественной школе хоккея как самой передовой на планете, главное — они перестали бы ходить в героях. Вот почему Чернышев и Тарасов предпочитали встречам с профессионалами проторенную дорожку в любительском хоккее.

Впервые о возможности встреч любителей и профессионалов речь зашла летом 69-го года, когда конгресс Международной лиги хоккея на льду разрешил канадцам на ближайший чемпионат мира заявить 9 профессионалов, но с оговоркой: не следовало привлекать на этот турнир ни одного хоккеиста из тогдашних 12 клубов НХЛ. Газета «Советский спорт» откликнулась на доступ профессионалов к ближайшему первенству мира резкой редакционной статьей «Сватовство с профессионалами — кому оно нужно?»

За полтора года до первых в истории наших встреч с хоккеистами НХЛ в издательстве «Физкультура и спорт» вышла книга Бобби Халла «Моя игра — хоккей» с предисловием Боброва, в котором он назвал хоккеистов-про-

фессионалов нашими потенциальными соперниками. Для того времени, учитывая выступление «Советского спорта», инициированное в ЦК КПСС, это было смелое заявление, не укладывавшееся в ряду официозов. Но, поскольку свою точку зрения высказал не кто-либо, а Бобров, в издательстве никаких купюр в его предисловии не сделали.

Без преувеличения можно говорить, что лишь благодаря Боброву спортивный мир дождался матчей советских хоккеистов с профессионалами из НХЛ. Стоило Всеволоду Михайловичу перед подписанием договора с президентом канадско-американской хоккейной ассоциации сказать Старовойтову, что нет оснований в ближайшее время встречаться с профессионалами (подобное заявление с удовлетворением поддержали бы в ЦК КПСС), как подобные контакты не заладились бы и Харламов, Петров, Александр Якушев, Третьяк, Лутченко, Михайлов вряд ли когда-либо сыграли бы с хоккеистами НХЛ, как никогда не удалось помериться силами с великолепными заокеанскими соперниками Альметову, Александрову, Виктору Якушеву, братьям Майоровым, Коноваленко. И опять поклонники спорта надолго бы оказались бы в неведении — какая же сегодня школа хоккея сильнее и насколько.

А поводов для отказа играть с профессионалами Бобров отыскал бы немало. Кстати, когда в предисловии Боброва к книге Халла не оказалось расхожих тогда клише, относящихся

к профессиональному спорту на Западе, то в издательстве «Физкультура и спорт» срочно заказали Тарасову написать послесловие к той же книге, заранее зная, что тот сочинит. Так оно и произошло.

Тарасов написал, что заправили профессионального канадско-американского хоккея стремятся извлечь из него как можно больший бизнес, а самого спортсмена мыслят лишь как фигуру, способную развлекать зрителей, угождать их вкусам и интересам, что в профессиональном спорте долларový стимул лишает спортсмена самого дорогого — возможного гармонического развития человека как личности, способной приносить разностороннюю пользу обществу и т. д.

Бобров никогда не выступал с чужого голоса. Уж если он пошел на контакты с хоккеистами НХЛ, то от своего не отступил, несмотря на скептиков, считавших, что более двух раз в восьми предстоящих матчах канадцев победить нельзя.

В своем желании встречаться с профессионалами Бобров не был авантюристом, он вовсе не руководствовался принципом «была — не была». Он исходил из того, что к этому времени в сборной команде СССР оказалось много молодых хоккеистов. А молодости, на его взгляд, свойственны не только азарт и темперамент, но и мужество.

В свою очередь хоккеисты сборной СССР без лишних слов настроились сполна ответить Боброву за его доброжелательное и честное от-

ношение к ним. Думается, именно характер искренних взаимоотношений между игроками и тренерами, прежде не всегда отмечавшийся в сборной СССР, стал тем немаловажным обстоятельством, которое предопределило успешный дебют советских хоккеистов в трудных матчах со звездами НХЛ.

Во всяком случае все, кто хорошо знал нашу сборную команду на протяжении долгого времени, отмечали, что ее игроки никогда не выполняли все указания старшего тренера так четко, как на катках Канады.

Пожалуй, есть что-то примечательное в том, что первую ответную шайбу профессионалам забросил Евгений Зимин. В свое время Бобров, задавшись целью сделать «Спартак» командой с сильным характером, пригласил из «Локомотива» Зими́на, незаурядного нападающего. Бывают хоккеисты и фигурой мощней, и ростом повыше, а Зимин приглянулся Боброву за другое — за азарт, за самоотверженность, а главное, за игру с лукавинкой. Он и гол профессионалам забил вроде бы не по классическим правилам. Канадцы бросилась на Якушева, вратарь Эспозито был начеку, казалось, шайбе и деваться некуда, как прийти к вратарю, но Якушев успел сделать пас Зимину и тот, хитрющий, протолкнул литой диск в сетку.

Второй гол забил Петров, причем наша команда в этот момент играла в меньшинстве. Голы друг другу соперники забивали в присутней для себя манере: канадцы за счет силового давления с неумолимым добиванием шайбы, а

гости, используя высокий темп, идя на ворота накатисто и широко.

Следующий период выиграла советская команда — 2:0. А общий счет был — 7:3 в нашу пользу. Едва прозвучал сигнал об окончании игры, как корреспондент агентства Рейтер отстучал на телетайпе: «Этот матч разрушил миф, что канадские звезды шутя одолеют русских».

На следующий день Бобров попросил переводчика почитать газеты. Но как только услышал лишь заголовки отчетов «Поражение в холодной войне на льду», «Канада потеряла лицо», «Канадские звезды — поверженный миф», попросил: «Не надо! Все ясно!» Он никогда не любил громких слов.

Обольщаться в нашей команде никто не собирался. Все понимали, что победа в стартовом матче еще не гарантировала успешной игры в будущем. Предстояло быть готовым ко всему — поддержке трибун в Торонто, где проходил второй матч, не менее горячей, чем в Монреале, азарту профессионалов, если не переходящему в грубость, то граничащему с ней (в первой встрече травмы получили Викулов и Блинов, и их пришлось заменить). Одна игра еще не позволяла привыкнуть к размерам площадки, уступающим нашим. Наконец, вновь напомним о себе разница во времени между здешними широтами и Москвой.

Канадцы, стремясь к реваншу, бросили в бой на льду Торонто девять новых хоккеистов, один другого сильнее! В сборной СССР впер-

вые в этой поездке играли двое — Старшинов и Анисин.

Как и следовало ожидать, канадцы дали бой, выиграв со счетом 4:1. Вновь они иступленно шли на шайбу, когда схватка вспыхивала у ворот Третьяка (лишний раз пришлось вспомнить свидетельство Чернышева и Кулагина — на августовском сборе профессионалы делали упор на отработывание щелчка).

Все-таки удивительные люди — профессионалы! Когда игра не ладилась, то они вспоминали про кулаки, как например, в первом матче. А на льду Торонто канадцам удавалось все лучше, чем гостям, и они не грубили. У нас же неожиданно огорчил Харламов. Он вдруг попетушиному наскочил на одного из арбитров, причем в ситуации, когда судья находился в специальном полукруге. В таком случае неизбежен 10-минутный штраф. 10 минут без Харламова — это тяжкое наказание. Отчасти оно и повлияло на итог состязания.

В Виннипеге, где проводился третий матч, в сборной СССР появились еще хоккеисты, прежде не игравшие с профессионалами, — Васильев и Солодухин, выступавшие на чемпионате мира в Праге, а также Лебедев, Бодунов и Шаталов из «Крылышек». Один из четырех голов забил Лебедев (наша команда в это время проигрывала — 3:4), другой — Бодунов, после чего счет сравнялся — 4:4.

Из Виннипега команды проследовали в Ванкувер на заключительный матч. Можно было не сомневаться, что канадские тренеры

раскусили нашу команду, ее сильные и слабые стороны. Но Бобров умело собрал волю игроков в один кулак.

Говорят, что человек ко всему привыкает, если для него это необходимо. Вот и наши хоккеисты уже не тушевались перед громкими именами соперников, не обращали внимания ни на шум зрителей, ни на музыкальные паузы по ходу матча (однажды после удаления на две минуты Петрова зазвучал похоронный марш). Они привыкали и к манере игры соперников — временами резкой и грубой. Советских хоккеистов уже нельзя было подавить натиском на первых минутах.

5:3 — так сборная СССР победила в последнем перед возвращением матче. После игры на канадских хоккеистов со всех концов страны посыпались безжалостные упреки газет, теле- и радиокomentаторов. «Мне стыдно быть канадцем», — горько заметил один из игроков Билл Голсуорси после того, как в Ванкувере его с партнерами освистывали зрители.

— Мы старались вовсю и отдали все свои силы. Очень жаль, что в Канаде не хотят этого понять, — прокомментировал результаты встреч сборной СССР с хоккеистами НХЛ Фил Эспозито.

По пути в Москву канадцы залетели в Стокгольм. Им хотелось потренироваться на площадках больших, чем у них дома размеров, а главное, акклиматизироваться в Европе. Остановка в Стокгольме была выбрана не случайно — в связи с 50-летием Национального хок-

кейного союза руководители шведского хоккея предложили канадцам сыграть два матча.

Чувствовалось, что советские спортсмены заставили канадцев по-иному смотреть на хоккей, на соперников. Руководители делегации и игроки уже не делали шапкозакидательских заявлений. Исполнительный директор НХЛ А. Иглсон, хотя и заявил, что они выиграют в Стокгольме, но заметил, что на легкие выигрыши рассчитывать не приходится.

Гости из-за океана отличились в шведской столице в первом матче — 4:1, но не смогли добиться успеха в повторной встрече, которая закончилась вничью — 4:4, отыгравшись за 47 секунд до финальной сирены.

Советская федерация командировала на матчи в Швеции Бориса Майорова и Порфирия Шелешнева, которые, возвратившись в Москву, отмечали, что ничего нового в игре профессионалов, по сравнению с их играми против сборной СССР в Канаде, не оказалось. «Хотим подчеркнуть лишь одно: сражаются канадцы до последней секунды», отрапортовали наблюдатели, подметив едва ли не самую существенную деталь в действиях соперников, прибывших в советскую столицу.

В Москве интерес к четырем выступлениям звезд из НХЛ превзошел все ожидания. В Лужниках можно было встретить приезжих даже с Камчатки и Сахалина, приурочивших свои отпуска к визиту канадцев и тщетно пытавшихся достать «билетик на Канаду». Дворец спорта в Лужниках, рассчитанный принять одновремен-

но 12 тысяч зрителей, не смог предоставить возможность всем желающим побывать хотя бы на одном историческом матче.

После возвращения из Канады Бобров был нарасхват. Везде — в ЦК КПСС, в Спорткомитете СССР, в спорткомитете Министерства обороны — всех интересовала его оценка профессионалов по горячим следам турне. Во всех беседах затрагивался и такой вопрос — а нужно ли с профессионалами встречаться еще, попробовали и хватит!

Бобров, независимо от результатов предстоявших в Москве четырех игр, уверял всех собеседников, что надо и дальше идти на встречи с профессионалами, это — новая веха в истории хоккея, подобные матчи призваны оказать большое влияние на дальнейшее развитие игры.

Делясь впечатлениями от матчей за океаном, Бобров рассказывал, какие он сделал выводы. Запомнился высокий класс вратарей, игравших против сборной СССР, они четко взаимодействуют с защитниками, особенно при игре в меньшинстве. Защитники умеют быть собранными, внимательными, смело встречают нападающих. Все нападающие, как правило, мощные, рослые, любят таранить оборону соперников. Если атака сорвалась, то умело переходят к прессингу.

Вроде все так просто, все элементарно, о чем говорил Бобров, вроде то были прописные истины. Но как всего этого не хватало в массе нашим хоккеистам. Бобров вспоминал одного

из своих партнеров в футболе — великого Федотова, который любил повторять: «Класс — это так просто!»

По сравнению с матчами на канадском льду в сборной СССР произошла некоторая перестановка в составе — не стало по разным причинам Поладьева, Зимина, Старшинова, лишь по одному разу довелось сыграть Мартынюку и Волчкову. Но как бы то ни было, за короткий срок в сборной СССР оказалось немало игроков, сменивших опытную гвардию. Вполне естественно, новобранцы на первых порах не всегда сумели оказаться запевалами в игре. Но Бобров, второй тренер Борис Кулагин и Николай Карпов, который стал помогать им в Москве, теперь определенно знали, на кого можно положиться в будущем, — весной следующего года в Москве предстоял чемпионат мира и Европы.

В то время встретиться мне с Бобровым было нелегко — он все дни проводил на сборах, хотя очень скучал по сыну, который в свои три с половиной года лихо произносил прежде незнакомые канадские фамилии и серьезно объяснял гостям, что один Эспозито — это вратарь, а другой Эспозито, который все время дерется, — это нападающий.

Однажды я, приехав во Дворец спорта ЦСКА, где тренировались наши хоккеисты, увидел, что Бобров, опершись на клюшку, стоит у одного из бортов, внимательно наблюдая за ходом тренировки. Подойдя к площадке, я подозвал его, и мы несколько минут поговори-

ли, благо встречу двух пятерок продолжал просматривать Карпов (Кулагин выступал в роли арбитра).

— Ты себе не представляешь, — говорил мне Бобров, — как хочется в ответственных матчах проверить многих перспективных хоккеистов. Тот, кто выдержит испытания во встречах с канадцами, словно получит диплом «Это — настоящий хоккеист». Уже сейчас ясно, что кое-что нужно изменить в системе подготовки наших команд — клубных, сборных. По-видимому, следует учесть новые веяния и в подготовке хоккеистов.

— После выступления сборной СССР в Канаде, — продолжал Бобров, — некоторые любители хоккея склонны считать, что канадские профессионалы, мол, не так уж сильны. Однако хоккеисты они, безусловно, первоклассные. Вот увидишь, как канадцы покажут себя в Москве.

Бобров оказался прав — соперники выглядели в Москве сильнее, чем дома, и, действительно, показали все, на что способны. Не случайно в Лужниках нашим спортсменам не удалось сыграть так, как желали советские любители хоккея, как хотелось Боброву. Увы! Не обошлось и без грубого поведения соперников.

Первый матч в Лужниках хозяева льда выиграли. Один аз старейших чехословацких журналистов Густав Влк писал позднее, что это был «матч для инфаркта». После двух периодов гости вели — 3:0. Боброву стоило большого

труда в этот критический отрезок игры не показать команде своего душевного состояния. Его внешнее спокойствие во многом помогло хоккеистам сохранить надежду на успех.

Когда Блинов забил первый ответный гол, могло показаться, что наши игроки встрепенились. Но не прошло и минуты, как канадцы забросили четвертую шайбу, и счет стал 4:1 в их пользу. Но победила сборная СССР — 5:4. Джон Фергюссон, один из тренеров профессионалов, позже признался, что его подопечные «стихли» всего на восемь минут и проиграли матч. А знаменитый Бобби Орт сравнил своих соотечественников, ушедших при счете 4:1 в глухую оборону, с черепахой, спрятавшейся под панцирь.

У Боброва душа только радовалась, когда он видел вдохновенные, на высоких скоростях комбинации своих хоккеистов, позволившие внести перелом в ход состязания.

К сожалению, это был последний успех сборной СССР. Соперники сумели победить в трех остальных матчах. Гости грубили. Серьезные травмы получили Харламов, Третьяк, Рагулин, из-за чего прибавилось работы Белаковскому. Казалось бы, «грязной» игре призваны помешать судьи, но они растерялись. Иногда вместо того, чтобы наказать канадцев, предпочитали прибегнуть к обоюдному удалению. Впрочем, как арбитры могли не дрогнуть, если, например, Эспозито, когда его пытались оштрафовать, всякий раз угрожающе размахивал кулаками.

В своеобразной психической атаке, к сожалению, участвовали не только канадские спортсмены. Со скамейки, где располагались их запасные и тренеры, в разные стороны на лед летели обломки клюшек, какие-то предметы. Да и в самолете, отправившись из Москвы в Прагу, профессионалы при молчаливом попустительстве своих руководителей, хулиганили по отношению к арбитрам московских встреч. Не случайно один из них — Компалла, вернувшись домой, в беседе с корреспондентом западногерманской газеты «Генераль-анцейгер» заметил, что у него при воспоминании о матчах в Лужниках пробегает по коже мороз, и он искренне радуется возвращению домой невредимым, поскольку заокеанские профессионалы вели себя скандальным образом.

Но оправдывать неудачные игры сборной СССР грубостью соперников Бобров не стал. Да, они вывели из строя Харламова, заставили ряд спортсменов выступать с серьезными травмами. Да, они выбили из колеи арбитров, недвусмысленно угрожая им физической расправой.

Уж если знаменитый Бобби Халл придумал и рекламирует девиз «Гарантируемой обеспеченности не существует», иначе говоря, советует брать от профессионального хоккея как можно больше, то что же говорить о рядовых канадских хоккеистах, — рассуждал Бобров. Видя силу сборной СССР, большинство игроков которой проявили мужество, самоотвер-

женность, соперники применяли для достижения победы любые средства.

«В отношении того, что хозяева льда не дали острастки гостям, то это было не случайно, кулачные бои не свойственны нашим игрокам, и они противоречат не только традициям нашего хоккея, но и всего советского спорта», — писал Бобров на страницах газеты «Труд». Старший тренер сборной команды СССР выразил надежду, что последующие встречи с канадцами все же станут олицетворением настоящего, мужественного, благородного хоккея.

Три поражения подряд, по мнению Боброва, лишний раз говорили, что канадцы могут играть мощно. Правы оказались Майоров и Шелешнев, предупреждавшие об умении профессионалов сражаться до последней секунды!

Во втором московском матче хозяева льда позволили себе расслабиться всего на 15 секунд и пропустили одну за другой две шайбы. Штурмовали ворота гостей всей командой весь третий период, надеясь, что соперники, как это прежде случалось, устанут, но счет 3:2 в их пользу так и не изменился.

В следующей встрече советские хоккеисты пропустили решающую шайбу за две минуты до финальной сирены — 3:4.

Заключительная игра стала «матчем для инфаркта», как и первая в Лужниках. Только соперники поменялись ролями. Перед третьим периодом гости проигрывали — 3:5. За 34 секунды до конца счет еще был равным — 5:5, и

тут канадцы забили шестой гол, который позволил им одержать четвертую победу.

Бобров не уставал подчеркивать полезность встреч с профессионалами. Какие еще нападающие, кроме игроков НХЛ, так устремлены на ворота? Когда еще нашим защитникам доводилось пасовать в условиях такого жесткого прессинга, как во встречах с профессионалами? А кто из прежних соперников вынуждал сборную СССР подолгу играть в обороне?

Третьяк не пропустил ни одного матча, хотя иногда ему и следовало бы отдохнуть, но Бобров не решился сделать замену, в то время, как у профессионалов в серии из восьми игр участвовало три по сути дела равноценных вратаря. Значит, на родине хоккея умеют готовить надежных голкиперов. Разве не укор нашим тренерам, что разрыв между Третьяком и другими вратарями, даже приглашенными в сборную СССР, еще велик?

Канадцы, неудачно начав серию встреч с советскими спортсменами и тем самым доставив массу неприятностей соотечественникам, сумели по ходу игр перестроиться и добиться в конечном итоге успеха. После успешного старта на чужих катках для сборной СССР огорчительным оказался финиш в родных Лужниках. Конечно, хоккеисты Канады поначалу в какой-то мере недооценили советскую сборную. К сожалению, в Москве, когда соперники заиграли мощнее, чем дома, наша команда не сумела, как говорится, прибавить.

Восемь матчей еще раз наглядно продемонстрировали высокую и стабильную технику канадцев, их высокий общий класс. Они великолепно стоят на коньках, преуспевают в силовой борьбе.

Матчи показали, что в современном хоккее может побеждать команда, обладающая лишь высшим мастерством. Не к этому ли надо стремиться, если иметь в виду очередной чемпионат мира и Европы?!

Для успешных выступлений на международной арене жизнь требовала перестройки в нашем хоккее. Игрокам требовались лучшего качества клюшки, надежное защитное снаряжение, удобные ботинки, не говоря уже о том, что прогресс любой команды немислим без «своего» льда.

Из Праги сразу после матча сборной ЧССР с канадскими профессионалами Бобров и Карпов вернулись в Москву, где начинался очередной чемпионат страны. Старший тренер сборной СССР всегда любил этот турнир, начиная с самого первого, продолжавшегося всего месяц, когда большинство игр проводились на столичном стадионе «Динамо». Любил за то, что матчи «домашнего» первенства проходят в бескомпромиссной борьбе и приносят хоккеистам немало пользы в волевой подготовке, выработке скоростной выносливости, силовом единоборстве.

И как ни значительны были матчи советских хоккеистов с профессионалами, все же не им, по мнению Боброва, предстояло стать

главным событием в том хоккейном сезоне. Остался позади лишь один из этапов подготовки к чемпионату мира и Европы. Своеобразный первый период. И как хотелось Боброву, чтобы сборная СССР в грядущих весенних испытаниях на московском льду проявила все лучшие черты, свойственные советскому хоккею. А турниром, призванным помочь лучшим хоккеистам быть на первенстве мира в боевой форме, должен был стать очередной чемпионат СССР.

100 метких попаданий

После встреч с канадскими профессионалами повысился интерес к хоккею. Почти все встречи проходили при переполненных трибунах. Зрители часто становились свидетелями неожиданных результатов. Очевиден был рост класса команд, которые всегда занимали места в середине или в конце таблицы. Не случайно лидеры теряли очки не только в играх между собой.

Боброва радовала сложившаяся ситуация в отечественном хоккее — резко повысилась тактическая и техническая подготовленность как спортсменов, так и команд. Техническая грамотность игроков позволяла тренерам в клубах, в том числе и его помощнику в сборной СССР Кулагину, работавшему с командой «Крылья Советов», избирать любые тактические схемы, а не какую-нибудь одну, раз и навсегда разученную, подогнанную под хоккеистов и используемую против всех соперников, как это нередко случалось в недалеком прошлом. Вот почему лидерам стало добывать победы все труднее, вот почему им приходилось готовиться к каждой встрече, не надеясь, что два очка,

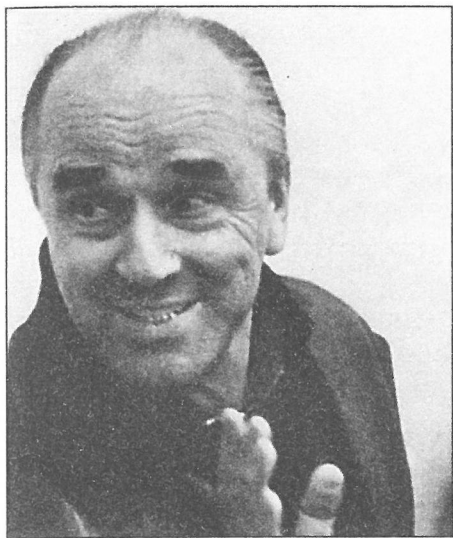
например, во встречах с аутсайдерами, все равно достанутся.

По-прежнему сильнейшим вратарем считался Третьяк, но игры чемпионата СССР заставили Боброва и Кулагина крепко задуматься — а кого еще пригласить в сборную? претендентов занять «пост № 1» было больше чем достаточно. Правда, в середине сезона тяжелую травму получил ленинградец Шеповалов, но серьезную конкуренцию Третьяку составляли динамовец Пашков, вратарь «Крылышек» Сидельников, спартаковец Зингер.

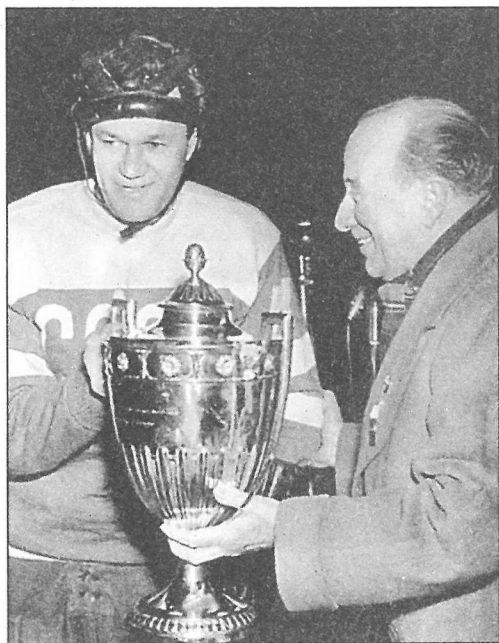
Боброва-нападающего радовали защитники.

— Помнишь, швейцарский чемпионат мира 1971 года? — как-то спросил он меня и тут же, не дожидаясь моего ответа, продолжал: — Да, тот самый, когда наши хоккеисты заняли первое место и забросили 68 шайб. Ведь ни одна из них не была заброшена защитником. Разве это порядок? Я бы назвал это слабостью победителей. А все почему? От защитников прежде требовали только одного — обезопасить собственные ворота. Но, к счастью, после встреч с профессионалами нам удастся ликвидировать пробел.

Боброву нравилось, что защитникам стали охотнее доверять форварды. Игроки обороны, представители новой формации защитников, будучи физически одаренными, обладающими сильным броском, смело пошли вперед, реально угрожая воротам не только за счет обстрелов издалека, но и благодаря умению выйти на передний край атаки, например, на пятачок.

Когда Бобров был капитаном сборной СССР, ее старшим тренером работал Аркадий Чернышев

1954 г.
Приз за победу
в чемпионате мира
и Европы вручает
сборной СССР
президент Между-
народной лиги
хоккея на льду
англичанин
Джон Ахерн

Торжественная встреча игроков сборной СССР, вернувшихся победителями со своего первого чемпионата мира и Европы

1957 г. Чемпионат мира и Европы. Чехословацкий хоккеист, пытаясь остановить прорыв Боброва, превратил клюшку в шлагбаум

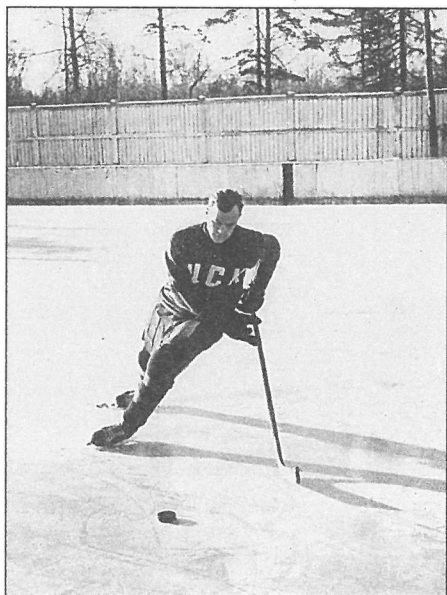

1957 г. Высшую в СССР награду – орден Ленина – майору Боброву вручает маршал Ворошилов

Когда-то Михаил Андреевич Бобров учил младшего сына играть в русский хоккей. С годами, когда дело дошло до канадского хоккея, роли поменялись

Когда еще не было Ледового дворца ЦСКА, Бобров любил в одиночку потренироваться на скромном армейском стадионе на 4-м Лучевом проспекте в Сокольниках

Награждать юных хоккеистов — приятная обязанность

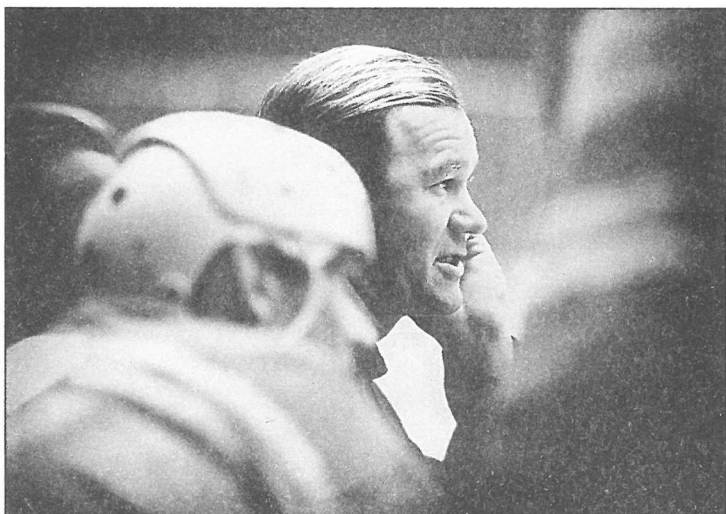
Бобров, покинув команду мастеров, участвовал в товарищеских матчах ветеранов. Играл самоотверженно, как в былые годы

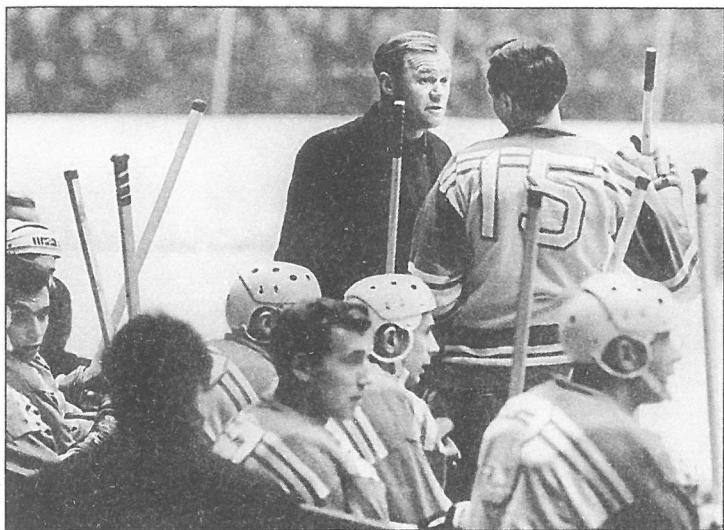

Что-то взгрустнулось Евгению Бабичу, а вот у Всеволода Боброва и Владимира Пахомова, пришедших на хоккейный матч, хорошее настроение

После шестилетней разлуки Бобров вернулся в хоккей — возглавил «Спартак», который в 1967 г. стал чемпионом

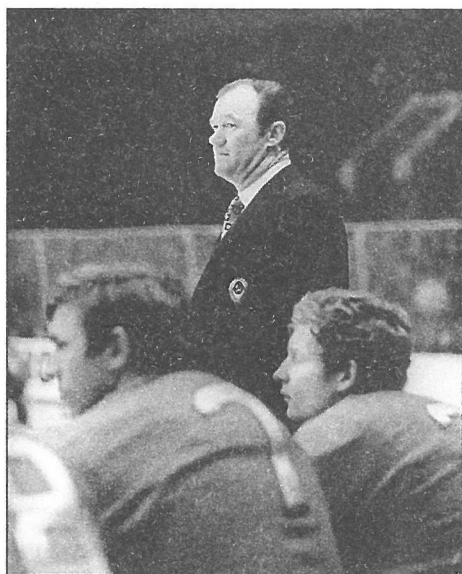
Александр Мартынюк выслушивает все, что о нем в этот момент думает старший тренер «Спартака»

1967 г. Возвращение из хоккея снова в футбол. На стадионе ЦСКА Бобров приступает к первому занятию с армейцами

Встреча с любителями футбола на машиностроительном заводе им. Калинина. Местный инструктор физкультуры экс-футболист ЦДКА Анатолий Портнов (в центре с микрофоном) представляет своих бывших партнеров — Алексея Гринина (второй справа) и Всеволода Боброва (крайний слева). Крайний справа — Олег Лопатто, четвертый справа — Владимир Пахомов

1972 г. Назначен старшим тренером сборной СССР

Радость старшего тренера сборной СССР и одного из нее нападающих Юрия Лебедева — несколько часов назад наша команда вернула звание чемпиона мира и Европы

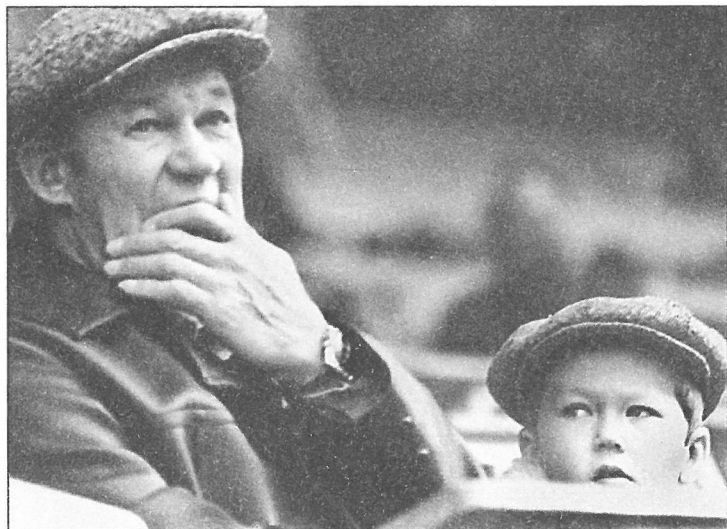
1973 г. В. Харламов, В. Лутченко, В. Петров, В. Бобров, Б. Михайлов, врач сборной команды СССР О. Белаковский, А. Волчков, Г. Цыганков, А. Рагулин, В. Третьяк и А. Гусев после приема у главного болельщика ЦСКА, министра обороны СССР А. Гречко

Счастливая семья. С женой Леной и сыном Мишей

Папа и сын носили одинаковые кепки

Одно время Миша хотел пойти по стопам отца и начал играть за ЦСКА

На торжественном
вечере,
посвященном
своему 50-летию

Переживает...
Ведь на поле играет
команда ЦСКА

1976 г. Открытие в Тбилиси стадиона «Динамо». Перед матчем ветеранов. Впереди капитаны Борис Пайчадзе и Всеволод Бобров

Неизменная картина — рядом с Бобровым Леонид Казарминский (крайний слева) и Олег Лопатто

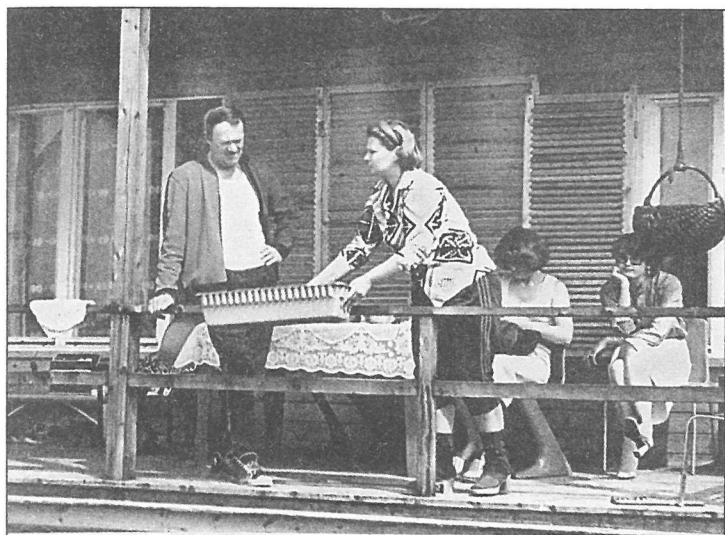
Всеволоду Михайловичу
очень шла военная форма

На 50-летие Алексея Хомича (1970 г.)

«Я называю ее сестрой», — говорил Бобров о Любви Гавриловне Дмитриевской-Бобровой (жене брата). Она была с ним всегда в радостях и горестях, трогательно сохраняя память о нем и по сей день

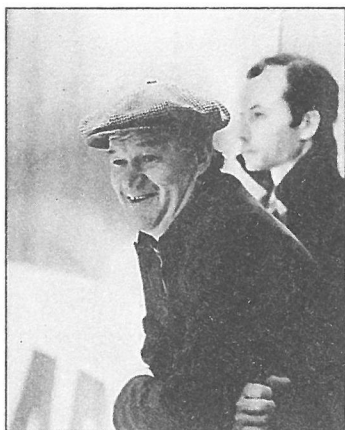
На склоне жизни Бобров стал владельцем дачи, где «начальником штаба» считалась Елена Николаевна

Последняя осень. Елена Николаевна с Всеволодом Михайловичем в Сочи. Ему осталось быть с нами шесть с половиной месяцев...

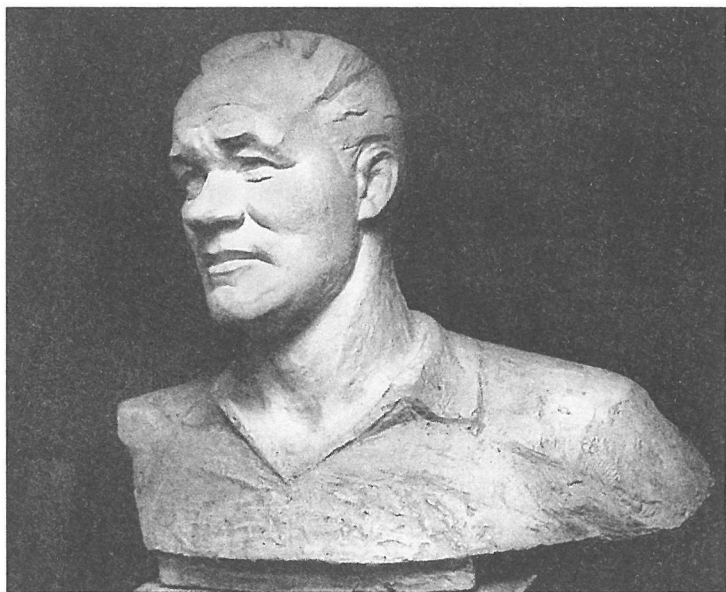

20 лет дружили Всеволод Бобров и автор этой книги

Последний в жизни снимок Боброва

«Мой тренер» – скульптурный портрет Всеволода Боброва работы заслуженного скульптора России Константина Шириняна, игравшего за команду ВВС

Из-за этого значительно усилились атаки команд.

Заметно изменилась манера игры нападающих. Один из них — Федоров из горьковского «Торпедо» — в том сезоне как-то признался, что форварды любого клуба еще до приезда канадцев знали, что чем больше бросков по воротам, даже из безнадежных ситуаций, тем больше шансов забить гол, но в игре предпочитали пасовать, особенно, если партнер находился в более выгодном положении. А после матчей с канадскими профессионалами буквально все нападающие стали стараться как можно чаще «стрелять» по воротам, не дожидаясь, когда им будет создана стопроцентная возможность для броска.

При этом Бобров не без удовольствия отмечал, что, меняя манеру игры, лучшие наши нападающие не потеряли вкуса к комбинационной игре и неожиданным решениям.

— Сколько же у нас все-таки хоккеистов, ни в чем не уступающих представителям родины хоккея, — заметил мне Бобров по ходу одного из матчей. — Наши встречи с профессионалами помогли советским хоккеистам, прежде всего нападающим, лучше понять свою роль в игре.

В декабре 72-го года по традиции состоялся розыгрыш приза газеты «Известия», по масштабу, по составу участников ставший вторым после чемпионата мира турниром.

После углубленного медицинского обследо-

вания оказалось, что игроки, приглашаемые в сборную СССР, сильно утомлены. Ведь многие из них к этому времени сыграли по 51 матчу, включая встречи со звездами НХЛ, а также финалы Кубка европейских чемпионов. Поэтому в оставшиеся до начала известинского соревнования 10 дней хоккеистам предстояло отдохнуть, восстановить силы и встретить популярный розыгрыш в боевой форме.

Насколько это удалось подопечным Боброва, должен был продемонстрировать стартовый матч. Нам противостояла польская команда, которую в ту пору тренировал Анатолий Егоров, бывший хоккеист «Динамо» и «Спартак». Опытный спортсмен, не без гордости называвший себя учеником Чернышева, став тренером, за несколько лет работы сумел научить поляков многому.

В тот вечер сборная Польши показала умение атаковать с ходу, строить прочную эшелонированную оборону, используя некоторую небрежность советских хоккеистов. Бобров не мог не предвидеть подобную манеру игры соперников, извлекая немало уроков из частных встреч с командами СССР, ЧССР, Швеции, учитывал он и высокий профессиональный уровень тренера Егорова. О многом он предостерегал тогда своих подопечных, и все-таки победа им досталась нелегко. Они отлично понимали, чего от них хотел Бобров, но никак не могли отделаться от воспоминаний о прежних поединках с теми же поляками — на протяжении многих лет сборная Польши не

умела оказывать советским хоккеистам серьезного сопротивления.

Действия признанных наших лидеров, особенно поначалу, напоминали настройку инструментов. В подобных случаях решающим оказывается выступление тех, кто борется за место в составе и тем самым утверждает себя.

В этом матче нападающие «Крылышек» во главе с Анисиным превосходили другие тройки собранностью, старательностью, настойчивостью. Счет открыл Анисин, одну из пяти шайб забросил Бодунов.

Спустя сутки, когда советские хоккеисты встретились со сборной Финляндии, заговорило самолюбие первого звена. Три гола забил Харламов, два — Петров, один — Михайлов. Отличился, что порадовало Боброва, защитник Гусев, выступавший с этими нападающими. В итоге на счету первой пятерки оказалось семь шайб (итоговый результат — 11:3).

Но что расстроило Боброва, так это выступление тройки «Крылышек». Накануне против поляков ее игроки истратили столько энергии, что в матче с финнами у них наступила внутренняя опустошенность, чувство, которое они по молодости еще никогда не испытывали.

После того, как первая тройка на протяжении одной лишь пятой минуты забила два гола, шайбы одна за одной полетели в ворота финского вратаря — после первого периода сборная СССР повела со счетом 6:0. Глядя на нападающих из других звеньев, лихо атаковавших, тройка «Крылышек» постаралась нападать изо

всех сил. Но сил-то не было! Тогда она стала действовать чересчур аккуратно, но и излишняя старательность не помогает спортсмену, она, как правило, еще более сковывает. Так и случилось против сборной Финляндии с Анисиним, Лебедевым и Бодуновым. Свой «микроматч» они проиграли начисто — 0:3.

Нелегкая доля тренера. Команда победила с крупным счетом, а ему было не до сна — не давали покоя перепады в игре тройки «Крылышек». В связи с этим Боброву хотелось создать еще одну молодежную тройку, взяв за основу связку Глазов — Волчков. Но Волчков на первой тренировке получил травму. Глазов, физически одаренный, агрессивный, не робеющий перед любым защитником, во встрече с финнами оказался 10-м нападающим, а против поляков — играл в центре четвертой тройки с Викуловым и Блиновым на флангах.

В армейском клубе, рекомендуя Викулова в состав сборной СССР, исходили исключительно из его былых заслуг. Поставив себя на место армейцев, Бобров считал, что он тоже стал бы ходатайствовать о включении в сборную СССР многократного чемпиона мира и Европы, двукратного олимпийского чемпиона, которому было 26 лет. Такой возраст не может служить помехой попасть в сборную СССР. Бобров к тому же учитывал, что Викулов никогда не числился в нарушителях спортивного режима, подавая пример не только на льду, но и за пределами хоккейной «коробки».

Не будь у Боброва присущего ему добро-

желательного отношения к молодым спортсменам независимо от того, за кого они выступают, он, быть может, подумал бы, а надо ли включать в команду хоккеиста, заметно сдавшего в последнее время, а потому способного неизвестно как сыграть завтра? Нужен ли ему хоккеист из клуба, старший тренер которого никогда не проявлял доброжелательности, мягко говоря, по отношению к нему, к Боброву, а с годами такое отношение не меняет? Но Бобров был всегда выше того, чтобы считаться с чьей-то неприязнью к себе, тем более, если дело касалось работы или, как в данном случае, формирования сборной СССР.

Именно вера в Викулова, надежда, что он еще покажет себя, заставили Боброва принять предложение ЦСКА и включить в состав команды для участия в известинском турнире Викулова.

Третий матч в розыгрыше приза «Известий» сборная СССР провела со шведами. Казалось, что игра будет равной, пройдет в упорной борьбе. Но вопреки всем прогнозам встреча закончилась с редким для классных команд счетом — 10:2.

Наши форварды, как показал этот матч, стали получать больше помощи от защитников, разумно пошедших вперед и тем самым усиливших атакующую мощь команды. Отлично действовали в нападении Лутченко, Васильев, Гусев, обладавшие метким и сильным броском по воротам. Под стать этим хоккеистам стал играть и Рагулин, которому довелось

выступать еще вместе с Сологубовым, Трегубовым и другими прекрасными защитниками, умеющими не только обороняться, но и забрасывать шайбы.

Боброва, конечно, радовали нападающие. Он возвратил Харламова к Михайлову и Петрову, поскольку ошибкой считал разлучить высококлассных хоккеистов, как это недавно произошло. Хорошо еще, что такие спортсмены умеют быстро восстановить прежние контакты...

Мальцев четко взаимодействовал со спартаковцами Шадриным и Якушевым. Шведам они забросили 6 шайб, причем четыре раза отличался Мальцев.

А вот нападающие «Крылышек» вновь не проявили себя. Неужели они не в состоянии показать игру самобытную, яркую, красивую? Вот это, пожалуй, единственное, что заботило Боброва, когда в воротах шведов побывало 10 шайб.

В последний день турнира, как всегда по традиции, встретились советские и чехословацкие хоккеисты. Они и матч начали традиционно. Наша команда, благодаря усилиям первых двух звеньев, сразу же пошла вперед. Казалось, что гости будут обескуражены неожиданными перемещениями соперников, головокружительными скоростями, скрытыми пасами. Но они оказались верны себе, организовав гибкую, хорошо налаженную оборону, построенную на четкой взаимостраховке. В недрах ее, как всегда, зарождалась контратака. Недаром

счет 1:0 в нашу пользу продержался всего три минуты.

Во втором периоде зрители увидели семь голов — четыре в воротах гостей и три — в наших. А в заключительной 20-минутке сборная СССР забросила три безответных шайбы — 8:4.

Обе цели, поставленные перед Бобровым, — занять первое место и обстрелять молодых игроков — были достигнуты. Его радовало, что команда оказалась в форме лучшей, чем обычно в середине декабря. Выходило, что сборная СССР направилась к чемпионату мира и Европы правильным курсом.

Из всех шайб, заброшенных нашими нападающими в этом турнире, Бобров выделил одну — шестую в ворота чехословацкой команды. Ее забросил Вячеслав Анисин, обыгравший на коротком расстоянии нескольких соперников, а потом ложным движением красиво обманувший вратаря. Всеволоду гол запомнился вот почему. Уж очень много беспокойств до этого доставляли тренерам сборной СССР Анисин и его партнеры. В играх на первенство страны, казалось, они все умеют, но, как только дело доходило до выступления за сборную команду, всех их словно подменяли. Поэтому гол-красавец словно свидетельствовал, что уроки Боброва не проходят бесследно: молодые нападающие могут играть достойно.

Под флагом сборной Москвы подопечные Боброва после известинского турнира полете-

ли в США, где помимо товарищеских встреч с американскими клубами им предстояло участие в розыгрыше Кубка мира, в рамках которого ожидался матч с «Дуклой» (Йиглава). Ее нападающие — братья Холики и Клапач, составлявшие первую тройку нападения, к нам в Москву на розыгрыш приза «Известий» не прилетали. Поэтому представлялась возможность посмотреть, как выглядит ведущее звено чехословацкой сборной. И что же? Несмотря на поражение «Дуклы» (3:6), Бобров посчитал состояние этой тройки отличным, оно, несомненно, усилит сборную ЧССР на предстоявшем в Москве чемпионате мира и Европы.

Помимо сборной Москвы и «Дуклы» на Кубок мира собрались юниоры-любители Канады и США. По классу они уступали гостям из Европы, но Бобров не жалел о встречах с этими соперниками. Молодые канадцы и американцы предстали хорошо подготовленными технически. Обладая напористостью, резкостью, задиристостью и честолюбием, они доставили нам немало хлопот и тем самым существенно помогли формированию практически новой сборной команды СССР.

До турнира и после него москвичи, облетев США из конца в конец, от океана до океана, сыграли в Сиэтле, Фениксе, Сан-Диего, Нью-Хэвене и Портленде с пятью профессиональными клубами США. Каждый из соперников значительно уступал канадской сборной, с которой наши лучшие хоккеисты встречались в

сентябре. Но и из этих матчей Бобров извлек немало пользы.

На смену выдающимся мастерам середины 60-х годов из состава, принесшего советскому хоккею невиданные в истории успехи и небывалую славу, рождалась новая команда. В восьми играх, проведенных в течение 13 дней (по американскому континенту пришлось пролететь 22 454 километра), Боброву удалось, как он считал, проверить волевые качества всех без исключения хоккеистов, взятых в турне, поближе узнать и лучше понять каждого игрока, выявить, кто на что способен.

Пропала былая нервозность у Сидельникова, он стал играть надежнее, а это заставило полевых игроков поверить в него, что было весьма важно.

Радовали быстрый прогресс Васильева, стабильная игра Ляпкина, надежность Лутченко, возвращение в строй Цыганкова. Даже Орлов, которому с его пятьюдесятью с небольшим килограммами веса трудно было бороться с массивными профессионалами, особенно на «пяточке», при подъеме, царившем в команде, не хотел отставать от всех. Конечно, «потяжелеть» сразу он не мог, но в каждом матче выступал смело, тактически грамотно. И все же у Боброва имелись претензии к защитникам — у них пропадала строгость, как только начинал расти счет в нашу пользу.

Чем сильнее оказывался соперник, тем лучше играли Михайлов, Петров и Харламов.

Каждый из них мог внести перелом в любом матче, в том числе и в очень трудном.

По-прежнему, как и в Москве на известинском турнире, охотно, с душой и старанием действовали Шадрин, Мальцев и Якушев, нередко выходившие на лед, когда сборная Москвы оказывалась в неполном составе.

В американском турне уверенно выступали Лебедев, Анисин, Бодунов. В силовых поединках они никому не давали спуска.

Игра любой тройки лишней раз убедила Боброва, что при подборе звеньев необходимо исходить из игровой и человеческой совместимости хоккеистов, принимать их пожелания во внимание.

К этому времени в любой хоккейной команде стало недостаточно иметь лишь три тройки нападения. Потребовался еще один нападающий, десятый, способный по ходу матча включаться в любое звено без нарушения его манеры игры. Роль такого форварда в американском турне выполнял Викулов. Ему приходилось заменять Шадрина, иногда Михайлова. Но он не забывал и поражать ворота соперников (шесть шайб в пяти матчах). Конечно, это был еще не прежний Викулов, ему еще не хватало, например, былой скорости, но и он, поддавшись общему настроению, наблюдавшемуся в команде, прибавлял от матча к матчу. Выходило, что Бобров не ошибся с возвращением Викулова в сборную команду.

Бобров был доволен, что проверка игроков, особенно дебютантов, прошла в трудных по-

единках, состоявшихся вдали от Родины. Он по себе хорошо знал, что чувство товарищества, чувство локтя обостряется вдали от дома, в особых условиях игр на зарубежных катках, когда нет поддержки своих зрителей, когда в самые ответственные эпизоды матчей единственная опора — товарищи по команде.

Чувствовалось, что в сборной СССР собрались хоккеисты мужественные, волевые, готовые к преодолению трудностей.

Конец марта и начало апреля 1973 года в Москве выдались необычайно теплыми. Синоптики сообщали, что такая теплынь не наблюдалась в городе ни разу за 100 лет. Столица жила хоккеем — в Лужниках проводился чемпионат мира и Европы.

Конечно, любое соревнование, в котором оспариваются медали мирового или европейского первенства, — всегда событие, тем более, если речь заходит о столь популярном во второй половине XX века хоккее. Но интерес к тому турниру был, пожалуй, особым.

О том, что обычно несколько городов приглашают очередные Олимпийские игры, наверное, хорошо известно. Как правило, Международный олимпийский комитет решает после нескольких туров закрытого голосования, кому отдать предпочтение. Иные города по несколько раз подавали заявки, но так никогда и не набрали нужного числа голосов членов МОК. Между тем в хоккее, об этом, по-видимому, известно меньше, тоже подаются заявки, адресованные международной федерации, на про-

ведение чемпионата мира и Европы. Случается, спор нескольких претендентов тоже решается тайным голосованием.

Советская федерация хоккея выступала организатором чемпионата мира в 1957 году. После этого прошло 16 лет прежде чем Москва вновь стала принимать хоккеистов со всего света. За это время турниры прошли по два раза в Стокгольме и Праге, Австрии и Швейцарии, лучшие команды планеты выступали в Норвегии, США, Финляндии, Франции и лишь Москву чемпионаты мира и Европы 16 лет (!) обходили стороной.

А какие это были годы для нашего хоккея?! Беспроигрышная серия выступлений, начиная с 1963 года, включала выигрыш золотых медалей на трех Олимпиадах. Великолепная дружина, имевшая в своих рядах Коноваленко, Иванова, Давыдова, братьев Майоровых, Альметова, Александрова, Локтева, Старшинова, Виктора Якушева, Фирсова, так и не сумела совершить круг почета перед своими болельщиками после чемпионата мира и Европы.

Не надо думать, что руководители мирового хоккея препятствовали прибытию к нам чемпионата мира и Европы. Наоборот. Нам несколько раз предлагали выступить в роли организаторов турнира самого высокого ранга. Скажем, в 1967 году. Но тогдашний советский хоккейный президент Валентин Алехин отвечал категорическим «нет!» Членам президиума Федерации хоккея СССР свой отказ он объяснял так: «Это будет год, когда мы отметим 50-

летие Октябрьской революции. Где гарантия, что наша команда победит? А ее проигрыш испортит настроение советским людям в знаменательный для нас год. Нет, еще раз нет чемпионату у нас в 67-м году!»

Отверг Алехин и поступившее нам предложение устроить в Москве чемпионат мира и Европы 1970 года, ибо его проведение совпало бы с празднованием 100-летия со дня рождения Ленина. Тоже не было гарантий, что победит сборная СССР. К тому же некогда было бы заниматься подготовкой к турниру, ибо, по словам Алехина, все советские люди старались бы как можно лучше отметить юбилей Ильича.

Сборная СССР прекрасно выступила в 73-м году на долгожданном для нас чемпионате мира и Европы. Она победила во всех матчах, дважды по ходу соревнования учинив разгром хоккеистам ФРГ — 17:1 и 18:2! А во встрече с поляками наша команда показала рекордный для себя результат с сухим счетом — 20:0! Подобные крупные победы свидетельствовали о самом настоящем профессиональном отношении хоккеистов к своим действиям на льду. К питомцам Боброва в Москве в 73-м году пришла строгость в каждом без исключения матче.

Тогда сборная СССР забросила 100 шайб — такого не случилось ни на одном чемпионате мира!

Едва окончился последний матч московского чемпионата, как его участники потяну-

лись в гостиницу «Украина», где, кстати, жили иностранные хоккеисты, на товарищеский ужин. А позже Бобров поехал в ресторан Дома кино, чтобы отметить победу сборной СССР в кругу самых близких ему людей.

За ресторанным столиком он напоминал человека после тяжелой работы. Не успев еще отойти от заключительной игры, он был весь какой-то отрешенный. Таким я его никогда не видел. С усталым взглядом он больше слушал, нежели сам говорил. Временами с кем-то соглашался и молча кивал головой. Мне казалось, что Всеволод в те минуты еще как следует не осознал, какого большого успеха добилась в том сезоне сборная СССР, начиная с достойного проведения первых в истории встреч с лучшими хоккеистами Северной Америки.

А спустя сезон сборная СССР, ведомая Бобровым, вновь стала первой на чемпионате мира и Европы. Уже ни у кого не возникал вопрос, появившийся в 72-м году, когда наша команда после девятилетней победной серии оказалась на втором месте: «А может поспешили руководители отечественного спорта, приняв отставку Чернышева и Тарасова?»

Всякое лыко было в строку

Такое могло присниться лишь в страшном сне — в мае 74-го с работы сняли старшего тренера сборной СССР по хоккею Всеволода Боброва. Осиротела команда, которая под его началом стала вторым призером первенства мира и Европы, а затем дважды в этих турнирах одерживала верх. Традиционный повод для увольнения — плохо играли — в данном случае не фигурировал. Об освобождении «Бобра» промолчала печать, и лишь спустя некоторое время появилось сообщение без комментариев — старшим тренером хоккейной сборной стал Борис Кулагин. Позднее он дал несколько интервью, но ни разу — поразительная вещь — не обмолвился о причинах увольнения коллеги, словно и не был помощником Боброва два сезона.

Один мой знакомый, «командированный» из органов госбезопасности в спортивный мир, незадолго до своей кончины уверял меня, что если бы можно было собрать воедино все написанное, иначе говоря, все должное когда-либо о Боброве, то получился бы преогромный фолиант, так много «насту-

чали» на легендарного человека. Ему всякое лыко ставили в строку.

Я упомянул в одной из предыдущих глав об отлете наших сильнейших хоккеистов в США на исходе 73-го года. А спустя сутки после этого по Москве пополз слух, что по вине Боброва самолет с хоккейной сборной вылетел из Шереметьева со значительным опозданием.

Бобров договорился приехать в аэропорт вместе с руководителем делегации, тогдашним президентом советской хоккейной федерации Николаем Корольковым, который, являясь заместителем председателя Мособлисполкома, был по работе связан со службами Аэрофлота. Он точно знал, что самолет по техническим причинам полетит позднее положенного времени, а потому не спешил в Шереметьево. Между тем пассажиры, вылетавшие в США, все настойчивее требовали вылета. Им долго морочили головы рассказами о неблагоприятных метеоусловиях, влияющих на задержку, но над Москвой было ясное небо, и ропот усиливался.

Тогда один из работников порта раскрыл недовольным причину задержки. Мол, не прошли регистрацию двое, причем один из них — знаменитый Бобров. Естественно, возмущению воздушных путешественников не было предела, — ох уж эти спортсмены, все им дозволено. Надо отдать должное командиру воздушного корабля — он не только, благодаря сильному попутному ветру, сумел наверстать упущенное

время, но и посадил машину в Нью-Йорке раньше срока. А потому пассажиры быстро забыли о предполетных огорчениях. Но случай с отлетом самолета за океан попал в сводку происшествий в Москве. Об этом, вполне понятно, узнали в ЦК КПСС, но разбираться не стали, решив вернуться к истории после чемпионата мира, который предстоял в Хельсинки в апреле наступающего года. Словно кто-то предвидел, что она ляжет весной Боброву новым лыком в строку.

А примерно за месяц до соревнования в финской столице по Москве распространились слухи, что «Бобер» отлупил в гостинице «Москва»... внука Ленина.

Вот что произошло на самом деле. После ужина в ресторане «Эрмитаж» Бобров и упоминавшийся мной Казарминский решили навесить общего знакомого, остановившегося в «Москве». Путь от Каретного ряда был недолог. И уже через каких-то 30 минут дежурная на последнем этаже гостиницы стала свидетельницей того, как из кабины лифта вылетает в коридор мужчина, а над ним в позе гладиатора-победителя, сделавшего свое дело, застыл разъяренный старший тренер хоккейной сборной.

Бобров терпеть не мог, когда его толкали в переполненном вагоне метро или электрички, а особенно злился, когда наступали на искореженные бесчисленными травмами ноги. Всегда спокойный, уравновешенный, он в таких случаях не выдерживал, делал замечания, требовал извинения. Видимо, некто крепко достал Боб-

рова в переполненном лифте, если Всеволод Михайлович поднял на хама руку.

Что ж, и именитые люди могут попадать в переделки, а потом и в скандальную хронику. Известный австралийский журналист Ричард Хьюз однажды в нетрезвом виде в одном из токийских баров подрался с Рихардом Зорге. А на пути героя моего повествования оказался мелкий служащий, поднимавшийся нетрезвым из местного ресторана, никакой не родственник Ленина, а командировочный из одного из областных городов России (из Тулы или Владимира, точно не помню). Утром следующего дня он хватался за голову — надо же, с кем свела судьба. В милицию с заявлением о нападении Боброва не обращался. Боялся, как бы на работе не узнали о случившемся. В те годы за появление в общественном месте в нетрезвом состоянии руководители предприятий или учреждений своих подчиненных наказывали строго, вплоть до увольнения...

Так фамилия Боброва второй раз за короткое время, по ходу хоккейного сезона, попала в сводку происшествий в Москве.

...Долгие годы существовало правило — отправлять одного из инструкторов Отдела пропаганды ЦК КПСС, как правило, того, кто «вел» спорт, на чемпионат мира по хоккею в составе делегации. Видимо, командировкой партийного клерка подчеркивалось значение, придаваемое Центральным Комитетом партии виду спорта, который безумно любил Леонид Ильич.

Один из таких сопровождавших — Немешаев — стал свидетелем того, как матч первого круга с чехословацкой сборной сборная СССР на чемпионате мира 1974 года проиграла с сокрушительным счетом 2:7! Нетрудно представить состояние хоккеистов и их тренера, когда они возвращались в раздевалку. И вдруг инструктор ЦК КПСС, неказистый с виду человек, всегда тихоня, решил показать себя (зря, что ли, его командировала партия!) — у функционера вдруг прорезался голос и вдогонку Боброву раздалось: «А команду, между прочим, тренировать надо!»

Быть может, другой на месте Боброва промолчал бы в ответ, но Всеволод не сдержался и выпалил: «А не пошел бы...»

Бобров никогда не рассказывал мне, кто ему сообщил спустя две недели после чемпионата об освобождении от занимаемой должности и назывались ли при этом мотивы увольнения, а я не спрашивал. А тот турнир подопечные Боброва выиграла убедительно — набрали 18 очков в 10 играх, больше всех забросили (64 шайбы), меньше всех пропустили (18), опередив вторых призеров — шведов — на семь очков. Наконец, добились самой крупной победы на чемпионате — со счетом 17:0 над сборной Польши, занявшей пятое место.

...А болельщики никак не могли понять — за что же убрали Боброва после второй подряд победы сборной СССР на чемпионате мира. Немешаев (его жена и жена руководителя От-

дела пропаганды ЦК КПСС Тяжельникова — родные сестры) через некоторое время был направлен из Центрального Комитета партии на укрепление Спорткомитета РСФСР, где он в роли заместителя председателя влип в какую-то историю с дамой, зашла речь об аморалке, после чего советчик Боброва сошел с номенклатурной орбиты и исчез с горизонта, оставив солидный рубец на сердце Мастера.

Учитель и ученик

Играя за футбольную команду ЦДКА, Бобров не задумывался над тем, будет ли он тренером. Пришел он в ЦДКА незадолго до своего 22-летия, а ушел в 27 лет. На спортивных аренах от творил в ту пору чудеса. Поклонников и поклонниц было более, чем достаточно. Семейей еще не обзавелся. Любимая сестра заботливо вела домашнее хозяйство. Бобров еще склонен был на проделки, о которых порой и не подозревал Аркадьев. Впрочем, это свойственно любому молодому человеку, стремящемуся познать в жизни как можно больше.

Бобров мог поразительно запоминать и усваивать все что угодно — сильный удар, обводку, удар по воротам, наконец, игру в теннис, или пинг-понг, навыки управления быстроходным скифом. Скажем, его никто никогда не учил этикету, но человека, более галантного и обворожительного в манерах, трудно представить. Все впитывая и вбирая в себя, Бобров, конечно, запоминал и как работает Аркадьев, хотя никаких заметок, записей на этот счет не делал.

Бобров никогда не говорил: «Я — ученик

Аркадьева». Из-за природной скромности он считал, что называться учеником прославленного тренера, великолепного теоретика, прекрасного практика надо заслужить. Сам же, особенно в футбольных командах, он всегда старался претворять взгляды Аркадьева, работу свою или коллег сверял по Аркадьеву.

«Я не представляю своей жизни без Аркадьева, — говорил Бобров в одном из последних в своей жизни интервью. — Он для меня не просто тренер, даже слово наставник не вмещает всего того, что значит для меня Аркадьев. Это и школа, и уроки футбола, и университет культуры — все на свете. И если я совершал какие-то ошибки в жизни, а я их совершал, то, видно, мало учился у Бориса Андреевича».

— В футболе я на многое смотрю глазами Аркадьева, — признавался в другой раз Бобров, — но это вовсе не значит, что я вижу все то, что видит он. Для этого нужно быть Аркадьевым.

Казалось бы, чего проще — повторить в себе учителя, но, увы, не каждому это дано.

В конце мая 1967 года, будучи в «пожарном порядке» назначенным старшим тренером футбольной команды ЦСКА, Бобров, занявшись поиском причин неудач, без труда установил диагноз болезни. Он крайне удивился, узнав, что в подготовительный период футболисты ЦСКА ни разу не провели кросс, сделав упор на занятия с мячом. «Конечно, индивидуальные занятия с мячом — похвальная вещь, но в предсезонье лучше не забывать атлетическую и

волевою подготовку, — говорил мне Бобров. — Ведь почему в майских матчах у армейских футболистов не наблюдалось взаимозаменяемости и подстраховки? Из-за плохой физической подготовки».

Бобров сменил тогда на посту старшего тренера Шапошникова, в конце 40-х годов тоже игравшего за ЦДКА и, казалось бы, помнившего предсезонные занятия Аркадьева.

В мае 1977 года Боброва опять срочно пригласили к армейским футболистам, вновь оказавшимся в неудачниках турнира. И что же? Причина поражений оказалась не нова: учебная предсезонная программа, как выяснил Бобров, выполнялась в игровом режиме — упор делался на контрольные матчи в Сухуми. Перемежались они двумя поездками за рубеж — там тоже были игры.

Из-за плохой черновой работы, из-за того, что команда не занялась как следует специальной подготовкой, атлетизмом, на нее в апреле — мае посыпались беды. Плохо тренированные футболисты стали получать травмы. Среди выбывших оказались те, кто составлял костяк коллектива. Из-за отставания в физической подготовке армейцы уступали соперникам в скоростной выносливости. «Вот откуда вялые и однообразные действия, увлечение поперечными передачами, за которые игроки ЦСКА цеплялись как за соломинку», — сделал вывод Бобров. К чувствительным поражениям привело увлечение без достаточных на то оснований атакующими действиями.

В этом случае Боброву пришлось менять Алексея Мамыкина, один сезон игравшего за армейцев под началом Аркадьева, и, стало быть, тоже знакомого с работой этого тренера не на словах.

Установить причины неудачного выступления команды было половиной дела. Предстояло выводить ее из полосы неудач. И снова помог Аркадьев. Нет, Бобров не приглашал его на тренировки или на предматчевые установки, не подготавливал совместно с ним разбор проведенных игр. Ведь как поступил бы Аркадьев, окажись он в сходной ситуации? Он не стал бы требовать от футболистов подлинной самоотверженности, самоотдачи в игре до тех пор, пока они не наберутся сил. После очередного появления в ЦСКА Боброва здесь стали практиковаться тренировки два-три раза в день. Прилежный ученик Аркадьева старался повысить интенсивность занятий. Число игр он свел до минимума, определенного календарем соревнований.

Готовясь к сезону 1978 года, Бобров, по системе Аркадьева, не в пример предшественникам, закладывал достаточно крепкий атлетический фундамент. Занятия специальной подготовкой, атлетизмом позволили футболистам встретить сезон сильными, не боящимися травм, а это, в свою очередь, повлияло и на моральный настрой спортсменов. Не уступая никому в скоростной выносливости, футболисты ЦСКА оказались в состоянии навязать соперникам свою игру. Ликвидировав отставание

в физической подготовке, Бобров сумел сделать состав стабильным. В результате у него появилась возможность наигрывать новые звенья, отрабатывать различные тактические варианты. Недаром в конце первого круга футболисты ЦСКА едва не стали лидерами.

Пока Бобров выступал за ЦДКА, четыре раза состоялись турниры дублеров. В двух случаях резервный состав армейского клуба был первым и дважды вторым. Прочные тылы позволяли команде ЦДКА задавать тон в соревнованиях, причем даже одновременная потеря, как некогда, из-за травм двух лучших в стране нападающих не помешала победной поступи армейцев, в итоге ставших чемпионами.

Аркадьев относился к дублерам своей команды с не меньшей ответственностью, чем к основному составу — посещал все без исключения их игры, интересовался бытом молодых футболистов, их учебой или работой, составом семей, одобряют ли домашние увлечение спортом.

За дублеров ЦДКА в годы расцвета этой команды играли преимущественно футболисты, хорошо зарекомендовавшие себя в различных армейских клубах. Дидевич, несколько сезонов заменявший в основном составе Боброва или Федотова, до появления в ЦДКА выступал за Дом офицеров (Рига), а еще раньше за ленинградские авиационно-технические курсы. Портнов, Вячеслав Соловьев, Водягин были рекомендованы Аркадьеву после того,

как они хорошо зарекомендовали себя в команде военного факультета Института физкультуры. Шапошников до переезда в Москву выступал за команду Забайкальского военного округа. Москвич Башашкин, будущий олимпийский чемпион, юношей игравший за «Спартак», проходя службу в армии, был замечен Нестором Чхатарашвили, позднее удостоенным звания заслуженного тренера СССР, попал к футболистам Дома офицеров (Тбилиси), а от них — к Аркадьеву, в ЦДКА. Будущий игрок сборной СССР Нырков, первые в своей жизни матчи проведший на стадионе Юных пионеров, прибыл в ЦДКА из Группы советских войск в Германии, откуда пригласили Николая Сеньюкова, Анатолия Родионова, Виктора Чанова. В команде МВО, прежде чем попасть к «лейтенантам», хорошо проявили себя защитник Виктор Чистохвалов, полузащитник Михаил Родин, еще два будущих чемпиона СССР.

Аркадьев всегда считал, что из игроков, избалованных судьбой, легче создавать ансамбль единомышленников. Вот почему никогда, как бы тяжело ни приходилось тренируемой им команде, он не прекращал привлекать в основной состав футболистов, еще неизвестных широкой публике. Даже в 1958 году, когда Борис Андреевич во второй раз возглавил армейцев и команда уже мало напоминала ту, с которой его в 1952 году разлучили, он все равно предпочитал иметь дело в первую очередь с футболистами, прибывшими из спортклубов

военных округов. Так, впервые в футболках ЦСК МО (так в 1957—1959 годах называлась армейская команда) появились защитники Виталий Щербаков, Юрий Олещук и Дмитрий Багрич, полузащитник Дезидерий Ковач, нападающие Иван Дуда, Владимир Стрешний, чуть позже — Дмитрий Дубровский и Михаил Мустыгин. Причем два новичка — Щербаков и Багрич — сразу после дебюта в ЦСК МО были названы кандидатами в олимпийскую сборную СССР.

Бобров, дважды назначавшийся старшим тренером ЦСКА, тоже охотно вводил в основной состав игроков, приглашенных из окружающих команд. Победями в некоторых матчах в 1968 и 1969 годах и особенно в 1978 году ЦСКА как раз обязан футболистам, до этого выступавшим за спортивные клубы Армии Львова, Киева, Одессы, а также за ГСВГ.

Аркадьев и Бобров, высоко ценившие пополнение, присылаемое им военными округами, работали в неординарных условиях.

При Борисе Андреевиче новобранцы поступали в преуспевавшую команду, когда ничто не предвещало трудные времена. Поэтому Башашкина, Чистохвалова, Ныркова, Водягина, Вячеслава Соловьева, Портнова, Дидевича, Шапошникова Аркадьев мог готовить для выступления за основной состав долго.

На одном из дружеских шаржей Аркадьева изобразили словно наседку в окружении цыплят. Верно подмечено: Аркадьев возился едва ли не с каждым новобранцем. Не случайно

неожиданно появившийся дебютант сразу заставлял говорить о себе. Юрий Нырков, новичок в сезоне 1948 года, проведя 18 матчей в чемпионате СССР и в кубковом турнире, самых первых в своей жизни, после окончания сезона был назван в списке 33-х лучших игроков под первым номером среди левых защитников.

Анатолий Башашкин вошел в историю как великолепный центральный защитник. Но начинал он в ЦДКА полузащитником. Отыграл сезон, потом еще один, несомненно прибавлял в игре, но не настолько, чтобы остаться в памяти. А потом благодаря Аркадьеву стал центральным защитником, игра которого надолго стала синонимом высокого класса. Борис Андреевич «пропустил» его через дублирующий состав. И вот, когда не смог выступать в центре защиты Иван Кочетков, первый номер в списке 33-х лучших в сезоне 1948 года, его безболезненно для команды заменил Башашкин.

Бобров дважды принимал команду уже после начала сезона, когда она терпела бедствие и находилась в группе аутсайдеров. Ситуация была аховая — такая, когда говорят, что тут уж не до жиру, быть бы живу. И все же ученик Аркадьева шел на то, чтобы приглашать в ЦСКА игроков из окружных армейских команд. И они, как я уже заметил, помогали выйти из полосы неудач.

Справедливости ради надо сказать, что в распоряжении Боброва оказались футболисты

из военных округов не столь одаренные и способные, каких получал в свое время его учитель. Кстати сказать, Борису Андреевичу, когда он во второй раз пришел работать в ЦСКА, немного повезло: наиболее приметных игроков из спортивных клубов военных округов прислали его ученики — Алексей Гринин, работавший во Львове, Виктор Чистохвалов — в Киеве, Владимир Никаноров — в Свердловске.

Они прекрасно знали вкусы своего тренера и рекомендовали действительно самых лучших, что были под их началом.

В другое время Бобров стал бы тоже охотно возиться с молодняком, лепить из приготовишек мастеров, как поступал Аркадьев в годы расцвета «команды лейтенантов» и в меньшей степени после своего второго пришествия, или как он сам делал в ВВС, встретив среди новобранцев Исаева, Бубукина, Порхунова, Володина, никогда до этого не игравших в чемпионате СССР, а с годами снискавших известность. Володин, в отличие от трех других названных мной футболистов, никогда не привлекался в сборную СССР, но играл за московских динамовцев в 1955 году, когда они стали чемпионами СССР.

Но Бобров, во второй раз возглавив ЦСКА, не располагал футболистами, даже по классу близкими тем армейцам, которых имел Аркадьев. Да и конкуренция в чемпионате страны возросла. Но ни с чем не желали считаться во-

начальники, требовавшие от Боброва как можно быстрее возвратиться на ударные позиции в советском футболе.

Преемственности поколений, к чему всегда стремился в своей работе в армейском клубе Борис Андреевич, создавая боеспособный дублирующий состав, не стало в помине в ЦСКА, еще до того, как Бобров первый раз стал старшим тренером родной команды. Вынужденный приглашать иного игрока, уже известного в классе «А», Всеволод Михайлович вел с ним обстоятельные беседы, стараясь понять, что представляет собой новобранец. И горько становилось ему потом, когда обнаруживалось, что он ошибся в прищельце, не разобрался, зачем тот пожаловал в ЦСКА, как например, в случае с динамовцем Вшивцевым.

Борис Андреевич считал, что для скомплектования сильной перспективной команды двух лет работы мало. А ему во втором случае дали только два сезона, да еще без устали торопили наращивать успехи, не считаясь с возможностями его футболистов, занявших в 58-м году 3-е место, требовали уже в следующем сезоне стать чемпионами.

А между тем у него не сложились отношения с командой. Сам он позднее вспоминал об отсутствии тогда единства чувств, усилий, мыслей, из-за чего, на его взгляд, дальнейшая работа тренера в этом клубе становится бесперспективной.

Бобров-тренер при неудачах напоминал своего великого Учителя. В обоих случаях Все-

волода Михайловича тоже торопили. Во второй раз ему отвели для работы и вовсе всего полтора сезона. Вторично снимая его за 6-е место, военачальники забывали, как он дважды поднимал команду из самых глубин турнирной таблицы.

К сожалению, в 1978 году, незадолго до окончания сезона, в команде ЦСКА возник заговор против старшего тренера. В смуте участвовали не только игроки (в первую очередь это — Саух, Назаренко, Высоких). Старший тренер вдруг перестал устраивать своих помощников. Потребовалось вмешательство ГлавПУРа, после чего отмечен небывалый случай — чемпионат Бобров завершал без помощников, если не считать, что в срочном порядке к нему прислали бывшего вратаря Пшеничникова, никогда не работавшего тренером.

Боброва уже не было в живых, когда меня познакомили с человеком, который, по его словам, давно меня знал заочно. «Вы ведь часто вместе с Бобровым приезжали на стадион, вместе уезжали. А мне всегда хотелось посидеть рядом с вами, услышать, что говорит Бобров. Но не решался, боялся показаться навязчивым. Однажды осмелился и занял место рядом с вами. Вы, конечно, не помните этого. Ну, думаю, теперь я узнаю все, что Боброву по душе, а что нет. И каково было мое разочарование, когда я, просидев рядом с вами, так и не понял, что по ходу матча понравилось Всеволоду Михайловичу, кому он симпатизировал».

Также ничего не узнал бы от Боброва о его симпатиях, о его разочарованиях любой другой человек, занявший место рядом с Всеволодом Михайловичем на каком угодно матче, — футбольном, хоккейном.

Бобров смотрел почти любой матч молча, очень внимательно. В любой, самой головокружительной схватке у ворот, иногда в своеобразной свалке своих и чужих игроков для него, будь он на трибуне или у кромки поля, всегда было ясно, кто последним коснулся мяча и послал его в сетку. «Толя, — после игры спросит он иной раз Масляева, — как это ты сегодня ухитрился понять, куда послать мяч?» И добавит с улыбкой: «Растешь, уже не путаешь, где какие ворота». А Толя, герой матча, лишь довольно улыбался и думал про себя: «Надо же, какой у нас тренер. Полкоманды подбежало ко мне спросить, я ли забил гол, а Бобров с трибуны все увидел...»

«М-да», «Да...», «Мог бы и в „девятку“», — вот, пожалуй, и все, что можно было услышать от Боброва по ходу любого матча — футбольного, хоккейного. Он весь уходил в игру, он словно ставил себя на место любого футболиста, как и хоккеиста. Реплики, комментарий вслух, конечно бы, отвлекали Боброва от хода поединка.

Бобров не мог не понимать, насколько он популярен. Поэтому он прекрасно отдавал себе отчет в том, что означает в его устах оценка действий спортсмена, особенно прозвучавшая

по ходу игры в окружении болельщиков или в толпе, покидавшей стадион. Моментально тысячеустая толпа разнесла бы по всей Москве, да еще в вольной интерпретации, что думает Бобров по поводу игры известной команды или популярного нападающего. Вот почему на трибуне стадиона он выглядел нелюдимым, замкнутым, хотя в повседневной жизни более компанейского человека, большего жизнелюба трудно представить.

Конечно, сказывалась и природная скромность Всеволода. Правда, в одной из его книг часто можно встретить такие фразы: «Я люблю того-то», «Я многих отыскал сам в хоккейной толпе» и т. п. Но он так никогда не говорил. Это постарался журналист Леонид Горянов, литзаписчик обеих бобровских книг. После первой из этих книг «Самый памятный матч» вышла на нее рецензия Льва Филатова в газете «Советский спорт», содержащая много справедливых упреков в адрес литзаписчика. Литературная запись — это хорошо обработанная крепкой редакторской рукой рукопись или же текст, в основу которого положено все, что наговорено собеседником, также отредактированный. Ничего подобного у Горянова не было, некоторые страницы представляли собой пересказ сухих газетных отчетов о футбольных и хоккейных матчах.

Горянов обиделся на Филатова и во второй книге снял упоминание, кем сделана литературная запись. Получилось, что вся книга от

первой до последней строчки написана самим Бобровым. При чтении некоторых ее страниц волосы вставали дыбом — так называемый автор рассказывал о случаях, которых на самом деле не было. Например, речь шла о подготовке хоккейной команды «Спартак» к очередному матчу с ЦСКА. Но в дни, когда это якобы происходило, Бобров работал старшим тренером футбольной команды ЦСКА, а потому не мог одновременно «рулить» спартаковскими хоккеистами. И таких несуррициц во второй книге набралось немало.

По-человечески можно понять Боброва, когда Горянов предложил ему стать автором книги. Кому из знаменитых людей не хочется увидеть свою фамилию на обложках книг?! Не желая обидеть Боброва, щадя его самолюбие, никто из журналистов не откликнулся на появление второй его книги. Зато теперь во всех энциклопедических изданиях, где сообщаются биографические сведения о Боброве, названы две его книги, те самые, что состряпал Горянов.

Всеволод ценил встречи с болельщиками в клубах любителей спорта, на спортивных вечерах, в выпусках устных журналов. Из зала, где выступал Бобров, часто слышался смех. Всеволод умел выступать. Хорошо срабатывали его природный юмор, любовь к шутке. Порой слушатели Боброва смеялись до слез.

Подойти к Боброву после его выступления мог каждый. Поначалу Всеволода робко спрашивали, когда после травмы вернется в строй

известный игрок, и вот уже с просьбой оставить автограф потянулись записные книжки, листочки бумаги, программки и даже проездные билеты.

Всегда находились люди, которых до этого судьба сводила с Бобровым, — одни называли какую-то улицу в Омске, другие вспоминали преподавателей или слушателей Военно-воздушной академии. Боброву часто оставляли номера своих телефонов, адреса, предлагали звонить, заезжать, если окажется, например, в Омске, спрашивали, а как ему позвонить на службу или домой. И он отвечал. Встречались и такие люди, с которыми Всеволод однажды провел вечер в компании, или летел одним рейсом, или какое-то время принимал процедуры в военном санатории...

И они считали, что можно с этим добрейшим человеком при новой встрече держаться на правах старого друга, не задумываясь, приятно ли это ему, порой ставя его в неловкое положение.

Иной на месте Боброва никак не отреагировал бы на такую встречу, пошел бы дальше своей дорогой, а он выслушивал, что ему рассказывают или о чем спрашивают. Иногда односложно отвечал, иногда просто поддакивал, а когда напоминали о якобы предыдущей встрече, восклицал: «А, как же, помню, помню...», что не мешало спустя некоторое время спросить меня, а кто это все же был.

«Как кто?» — удивлялся я. — Наверное, твой давний знакомый, ведь он так много о

себе рассказал, о жене, о сыне, о том, что приобрел седьмую модель, упомянул какого-то Игоря...» «Не мог же я отвернуться, если человек здоровается, обращается, еще подумает, что я зазнался», — неизменно отговаривался Всеволод. И видя, что мне не нравилась беспардонность прохожего, обещал, что выслушал подобный рассказ в последний раз.

Однако проходило какое-то время и очередной бойкий человек останавливал Боброва где-нибудь на улице Горького и интересовался его самочувствием, а то и планами на отпуск, прогнозами на очередной футбольный матч и скрывался в толпе, бежал дальше...

Получив от редакции газеты «Труд» задание написать обзор, Всеволод звонил мне и просил зайти. Ох, как он, бедолага, старался, мучился. Иная его фраза казалась мне удачной, а он просил прочитать записанное мной предложение еще и еще раз, непременно после этого внося исправление. У Всеволода неизменно чувствовалось стремление высказать претензию, сделать замечание кратко и очень четко. Не случайно в его статьях и обзорах чувствовалось удивительное сочетание принципиальности, строгости и доброжелательности.

Не помню, чтобы кто-нибудь обиделся на критику Боброва, прислал опровержение на его заметки или статью. На заседании президиума Федерации хоккея СССР (Бобров одно время был его членом) он, взяв слово, всегда говорил спокойно и, как никто, доказательно. По ходу его выступления любому было ясно:

не держит Бобров для критикуемого камень за пазухой, а критикует ради общего дела, ради славного хоккея.

...Проступки Виктора Полупанова, известного нападающего, разбирали несколько раз и подолгу. Пригласив его вновь на очередное заседание президиума, тогдашний его председатель Георгий Мосолов, известный летчик-испытатель, говорил в адрес провинившегося много и долго. О том, что пить водку и играть в хоккей несовместимо, в унисон председателю говорили многие члены президиума. Картина была совершенно ясна, но у меня в тот вечер складывалось впечатление, что никто не решится выступить последним, сказать о необходимости сурового наказания игрока, совсем недавно блиставшего в рядах сборной СССР. Заговорил наконец Бобров. Именно он с присущим ему спокойствием внес убедительное предложение о строгом наказании. Моментально, без всяких обсуждений, его приняли. Продолжавшееся несколько часов заседание закрылось. Больше к вопросу о проступках этого хоккеиста президиум не возвращался.

В конце 40-х — начале 50-х годов на трибунах, в ложах прессы, а иногда и на страницах спортивных газет и журналов появлялись разные суждения по поводу того, кто открыл Боброва. Одни вспоминали, как именно они рекомендовали паренька из Сестрорецка в ленинградское «Динамо» (до сих пор встречается утверждение, что Всеволод играл за эту коман-

ду, одну из сильнейших в свое время в стране, хотя он не провел за нее ни одного матча), другие рассказывали, как по их совету Бобров поехал из Омска в Москву тренироваться и играть у самого Аркадьева (как было на самом деле, читатели этой книги уже знают).

По-человечески нетрудно понять тех, кто оказался свидетелем дебюта прославленного спортсмена, того же Боброва. Однако не надо обладать ни опытом, ни проницательностью, чтобы хоть раз, увидев в игре молодого Боброва, предсказать ему блестящее будущее. Открыть Боброва было так же просто, как «открыть» самородок, вдруг непостижимым образом оказавшийся на письменном столе.

Всеволод с уважением относился к одаренным людям. Высоко ценил их способности. Случалось, что кто-то ему нравился за высокое мастерство. Но потом он знакомился с этим человеком, присматривался к нему, и наступало у него разочарование. Как, например, в истории с двумя известными хоккеистами. Оба перестали в понятии Боброва быть игроками, когда он увидел, как они, выходя из трамвая, устроили, по его словам, базар, доказывая друг другу, кто кому должен был за тогдашний трехкопеечный билет.

«Может, шутили?» — робко заметил я Всеволоду, услышав его. «Да, что ты! Все было на полном серьезе. С таким характером в хоккее делать нечего». Одного из этих двух хоккеистов вскоре перестали привлекать в сборную СССР,

а через два года проводили на тренерскую работу...

Когда Бобров работал старшим тренером сборной СССР, у него, конечно, были свои симпатии и привязанности к тому или иному игроку, но они внешне никогда не проявлялись.

В Александре Мальцеве Бобров видел что-то от своей молодости, от самого себя — у него в свое время случались проделки, о которых не знали его тренеры, что, видимо, бывает у каждого молодого человека.

Мальцев, подобно Боброву, ярко вошел в большой спорт. Он был капитаном сборной СССР среди юниоров, которая стала чемпионом Европы 1969 года, а его признали лучшим нападающим. Я был на том турнире, который проводился в Гармиш-Партенкирхене (ФРГ). Помню, как люди, которых никак не заподозришь в симпатиях к советскому хоккею, да и сам тогдашний президент Международной федерации (она еще называлась Международная лига хоккея на льду) англичанин Джон Ахерн, видели в Мальцеве черты Боброва и публично говорили об этом. Спустя год Мальцева, выступившего уже в составе «взрослой» команды, назвали лучшим нападающим чемпионата мира и Европы, точь-в-точь как когда-то Боброва, с первой попытки. Он забросил тогда 15 шайб, больше, чем кто-либо. Его результат стал новым рекордом для игроков сборной СССР. Прежнее достижение — 13 шайб по ходу

одного чемпионата мира и Европы — принадлежало Боброву с 1957 года.

А вот матчи с профессионалами осенью 72-го года Мальцев провел слабо. И когда дело дошло до подведения итогов, то Бобров в печати резко раскритиковал динамовского нападающего. Но если некоторые хоккеисты, которым тоже досталось от старшего тренера сборной СССР, еще долго и после критики показывали игру, далеко не ту, какую они демонстрировали прежде, то Мальцев заиграл так, что претензий к нему со стороны Боброва не стало. Когда же на собрании сборной СССР Мальцев признался, что накануне сезона тренировался слабо, а потому и неудовлетворительно играл против канадцев, то Всеволод Михайлович проникся к нему еще большей симпатией. Значит, Мальцев понял, рассуждал Бобров, почему я его критиковал. Сам он, особенно в молодости, не любил выслушивать замечания, но с годами изменился: критику, какой бы горькой она ни была, стал принимать с мужеством и уважал всех, кто поступал точно так же, считая это достоинством настоящего мужчины.

Думается, и к Харламову Бобров сердечно относился не только потому, что видел в нем, как в Мальцеве, одаренного хоккеиста, большого мастера. Весной 1973 года Боброва, Кулагина и Харламова пригласили в гости руководители канадского профессионального хоккея. Это был тот редкий случай, когда тренеры и один из их подопечных вместе стали туриста-

ми — нет никаких забот, не надо думать, как подготовиться к предстоящей игре, чем заполнить тренировку.

Едва ли не каждый день гостей из Москвы приглашали на банкеты, приемы. Так что командировочные, предназначенные на ужины или обеды, оказались почти неистраченными.

— Иной бы на месте Харламова, наверное, побегал бы по магазинам, постарался бы приобрести лишний сувенир, лишнюю заморскую вещицу, а главное, искал бы подешевле, — говорил мне Бобров. — Но Харламов даже не думал об этом. И как-то поделился со мной: «Отвезу доллары в Москву, обменяю на сертификаты, отдам родителям, пусть себе выберут, что купить». «Вещизм», судя по всему, противен ему. Молодец Валерка! Долго и славно проживет в спорте!

После поездки в Канаду Бобров еще внимательней стал наблюдать за Харламовым, проникся к нему еще большим уважением. Переживал, когда весной 1976 года Валерий с женой попали в автомобильную катастрофу, радовался, когда Белаковский рассказывал о выздоровлении Харламова. И если доводилось, Бобров с особым вниманием весь матч следил за игрой Харламова.

Разница в возрасте у Боброва и Харламова была большая — один годился в сыновья другому. Но что примечательно? Они оба были не только талантливы, но и очень схожи улыбчивостью, ласковостью характера, большим чело-

веческим обаянием, как порой в иных семьях схожи отец и сын.

Я не могу сказать, что, будучи старшим тренером сборной СССР по хоккею, Бобров, если не находил, то, по крайней мере, искал индивидуальные подходы к игрокам. Для него вроде бы все были едины — вратари, защитники, нападающие — никаких любимчиков. Но в своей работе он придерживался метода, который позднее будет назван человеческим фактором.

Однажды Бобров почувствовал — что-то неладное творится с защитником Валерием Васильевым, как-то поник он, одолеваемый какими-то сомнениями. А дело шло к первым встречам с профессионалами из НХЛ. Когда игроки на тренировке выстроились полукругом и начали поочередно бросать шайбу вратарям, сменявшим друг друга, то Бобров тихо приблизился к Васильеву, стоявшему в ожидании своей очереди у борта, сказал несколько слов и отъехал в сторону.

Защитник потом вспоминал, что слова Боброва были пустяшными, но от них повеяло такой верой тренера в динамовца, что уже в скором времени славный игрок обрел былую уверенность. Васильев, двукратный олимпийский чемпион, 8-кратный чемпион мира и Европы, после того случая перевидал в жизни немало тренеров, в том числе и в сборной СССР, но одним из самых близких и родных для него людей, по его словам, остался Всеволод Михайлович. Правдивость, искренность, стремле-

ние помочь человеку Васильев, да и не только он, измеряет с тех пор по Боброву.

Мне иногда кажется, что Бобров не задумывался над тем, какое влияние он оказывает на подопечного игрока.

Просто у него в крови было — делать людям добро. Шло это, как я заметил в первой главе, от отца. А насколько это получилось, не в его характере было просчитывать.

Чем больше побед одерживали хоккеисты сборной СССР, тем быстрее при Всеволоде Боброве росла их популярность в мире, особенно после восьми встреч с лучшими игроками Северной Америки. Знаменитые иностранные фирмы стали считать за честь что-либо подарить нашим хоккеистам, как только они прибывали в иную страну, — от сувениров до тренировочных спортивных костюмов. Правда, немалую их часть старался оставить себе иной руководитель делегации. Причем, подобная картина наблюдалась не только у хоккеистов, как рассказал недавно «Советский спорт».

По свидетельству защитника ЦСКА и сборной СССР Владимира Лутченко, с приходом в сборную команду Боброва картина с «раздачей слонов» изменилась — едва появлялись гости с подарками, как звучал бобровский голос: «Все относится в номера к игрокам». «А как же Вам?» — интересовался дежурный по команде. От старшего тренера в таком случае слышалось: «Повторяю: все относится в номера к игрокам». И тут же со своей неповторимой улыб-

кой он добавлял: «Ладно, так и быть, что останется после вас, игроков, отдайте врачу, массажисту, переводчику и нам, тренерам».

Разыгрывая подобную сценку, Всеволод Михайлович лукавил — он прекрасно знал, что подарки предназначены буквально всем членам делегации, ибо иностранные фирмы присылали всегда столько презентов, сколько человек входило в делегацию независимо от того, кто в ней какую роль исполнял.

Но вот Боброва не стало в сборной СССР и все вернулось на круги своя. Например, на чемпионате мира и Европы в 1975 году все, что порой через день в команду поступало, ее администратором Анатолием Сеглиным сносилось к Валентину Сычу, возглавлявшему делегацию, и уже он занимался распределением присланного. Лишь однажды Сыч дал указание Сеглину выдать мне, переводчику, спортивный костюм из многочисленных подаренных комплектов. Кому досталось остальное из подаренного фирмачами мне не ведаю...

Я как-то прочитал, что Бобров в хоккее как тренер преуспел больше, чем в футболе. Несомненно, это так, если считать только золотые медали спартаковцев в 67-м году или хоккеистов сборной СССР на двух чемпионатах мира и Европы. Но кто подсчитает молодых футболистов, на чьи души оказал влияние Бобров, футбольный тренер.

Степан Юрчишин, львовский футболист, однажды на страницах еженедельника «Фут-

бол-Хоккей» вспоминал, как он когда-то играл в команде ЦСКА — в чемпионате 1977 года провел в основном составе всего 8 матчей и забил один мяч. Но настолько ему в душу и сердце запал Бобров, работавший старшим тренером армейцев, что игрок, давно расставшийся с Москвой, не преминул рассказать только о нем.

Виталий Раздаев никогда не ходил в любимцах Боброва, когда играл за ЦСКА, наоборот, ему крепко доставалось от старшего тренера, причем нередко несправедливо. Но он, вспоминая два сезона, проведенных в ЦСКА, тоже говорил о Боброве, давая интервью специальному корреспонденту «Советской России».

Если в той беседе Раздаев не заговорил бы о Боброве, никто не был бы к нему в претензии — ни в кемеровской команде «Кузбасс», за которую он стал выступать после возвращения из ЦСКА, ни особенно те, с кем Виталий был в составе армейского клуба. Промолчал бы и всё. Но, как и Юрчишину, в армейской команде Раздаеву прежде всего запомнился Бобров. Он сказал журналисту:

— Всеволод Михайлович был изумительный человек — необычайно порядочный и добрый. Но не добренький. Он становился безжалостным к тем, кто подводил команду, ставил ее в трудное положение своими легкомысленными, безответственными поступками. Ну, а каким Бобров был замечательным мастером знает каждый. И стоит ли говорить о том, какой от-

личной школой было для меня общение с ним, занятия под его руководством.

Бобров умер в воскресенье, а во вторник некролог с его портретом появился в газете «Советский спорт». Дома от Аркадьева смерть любимого ученика решили скрыть. Уверяли, что вторничный номер спортивной газеты куда-то запропастился. В курс задуманного постарались ввести как можно больше родных и знакомых. Спешили как можно быстрее снять телефонную трубку, чтобы Борис Андреевич не услышал горестную весть. И все же о случившемся Аркадьев узнал. После этого он долго не мог прийти в себя. Ему хотелось думать о том, сколь ненадежна и лжива бывает подчас молва. Но, увы, на этот раз услышанное было горькой правдой. И Борис Андреевич подумал, как несправедливо, когда ученик умирает раньше учителя...

Мимо гроба Боброва, установленного в Спортивном дворце ЦСКА, люди шли непрерывным потоком примерно полтора часа. Не счесть сколько людей не успели проститься со своим любимцем, оставшись стоять в длинной очереди, растянувшейся по Ленинградскому проспекту вдоль ограды спортивного комплекса ЦСКА, когда был прекращен доступ. А потом огромная кавалькада машин, автобусов двинулась за катафалком в сторону Кунцевского кладбища. Застыл транспорт на улице Горького, Садовом кольце, Кутузовском проспекте, Можайском шоссе. Инспекторы ГАИ взяли под козырек — многие из них хорошо знали

бобровскую «Волгу» с характерным номером МОЩ 11-11.

Всю жизнь я провел в Москве. Но такого прощания с кем-либо, причем, незаорганизованного, как в случае со Сталиным или Брежневым, не помню. Вот, действительно, был народный спортсмен.

«Надо помочь. Бобров»

Спортивная слава... Кому в детстве или юности не виделись в мечтах рукоплещущие стадионы, кто хоть раз мысленно не стоял на вершине пьедестала почета! А приходит она к единицам, к счастливым, к избранныкам судьбы. Приходит и ложится на их плечи приятным, но вместе с тем тяжким и опасным грузом. Только вот понимают это далеко не все.

Трудно представить, чтобы известного композитора, писателя или артиста, наделенных огромным интеллектом, мудростью, поразила так называемая звездная болезнь.

К сожалению, трудно приходится иному чемпиону, на долю которого выпадает слава. Человек еще многого не знает, он еще ничего почти не умеет, если не считать способности точно бросать шайбу или метко ударить по футбольному мячу, и вдруг он оказывается в центре всеобщего внимания и восхищения. Его портреты печатаются на обложках многочисленных иллюстрированных еженедельников, в киосках и магазинах его постер соседствует с постерами самых знаменитых звезд

эстрады и секс-символов, у подъезда дома дежурят восторженные почитательницы и фанаты.

Как часто не окрепший еще организм сгибается под тяжестью этой ноши! И кто-то уже зазнался. Кто-то бросил институт. У кого-то распалась молодая семья. А для некоторых спортивная слава оборачивается подлинной человеческой трагедией.

35 лет нес это бремя Всеволод Бобров — сначала как игрок, потом как тренер — и ни разу не согнулся под тяжестью спортивной славы. Все, кому довелось познакомиться с Бобровым, могли легко убедиться, что он, самый знаменитый, самый избалованный славой, ни разу не изменял законам дружбы.

Непутевому Владимиру Демину, или просто Деме, одному из своих партнеров в знаменитой пятерке нападения «команды лейтенантов», он отдавал в долг последнюю трешку, прекрасно зная, что никогда ничего не получит назад.

Однажды Евгений Бабич, приехав в праздничный вечер в гости на своей машине (дело было в Марьиной Роще, о которой долгие годы по Москве шла недобрая слава), спустя некоторое время буквально лишился дара речи, выглянув в окно: оставленной легковушки не было видно. Бабич, зная, где встречается праздник Бобров, позвонил ему. И тот, извинившись перед гостеприимными хозяевами, встал из-за стола и засел за телефон. Кому только не звонил Бобров — знакомым милиционерам, работникам автохозяйств, на заправочные стан-

ции с одним и тем же: «Помогите Бабичу, у него угнали машину!»

«Волга» Бабича спустя сутки или двое после исчезновения в целостности и сохранности нашлась на задворках гостиницы «Юность», что недалеко от Лужниковского комплекса. Кто знает, быть может, угонщикам стало известно, что сам Бобров поднял на ноги всю Москву в поисках машины «Макара», как друзья любовно называли Евгения Макаровича Бабича.

У Всеволода был один случай, свидетельствовавший об отношении к нему криминального мира. Однажды он возвращался к себе в гостиницу ЦДКА глубокой ночью. На Селезневской улице, ведущей к площади Коммуны, его окружила группа людей шпанистого вида. Один из них, судя по всему главарь, тоном, не терпящим возражений, потребовал снять часы, пальто, хотя дело происходило зимой. В руках, видимо, самого дерзкого, в подтверждение того, что все идет на полном серьезе, появилась финка. И вдруг вожак воскликнул: «Так это же „Бобер“!»! Посыпались извинения, а потом и укоры: «Не надо в одиночку ходить по ночам, все может быть!»

Эпизод закончился тем, что эти люди, смахивавшие на грабителей, проводили Всеволода до гостиницы. Увидев их через стеклянную дверь полусонный ночной портье изумился: ни дать ни взять Бобров с почетным караулом!

Однажды, придя вместе со мной в ресторан Центрального дома журналиста, Всеволод встретил своего доброго знакомого, известного

спортивного журналиста Василия Кирилловича Хомуськова. В 52-м году они вместе ездили на первые для советских спортсменов Олимпийские игры: Бобров — лидер нашей футбольной команды, Хомуськов — комсорг ЦК ВЛКСМ всей советской делегации. Когда Хомуськов, будучи главным редактором журнала «Спортивная жизнь России», стал на общественных началах возглавлять Федерацию хоккея СССР, то Бобров был на стороне Хомуськова в его единоборстве с Тарасовым. Хоккейный президент умел противостоять старшему тренеру ЦСКА и сборной СССР, безраздельно царившему в отечественном хоккее, подстраивавшему календарь чемпионата страны под интересы своих подопечных — армейцев. Всеволод очень переживал, когда «Кириллыча» вынудили «по собственному желанию» оставить пост президента (впрочем, и Тарасова спортивные вожди тогда же отставили от сборной СССР, поскольку она не смогла стать чемпионом Олимпийских игр).

И вот — встреча в ресторане. «Ты чего кручинишься, Кириллыч?» — спросил Бобров. «Да знаешь, Сева, — ответил Хомуськов, — детишки мои болеют. Врачи велят немедленно в Крым, у жены завтра начинается отпуск, но путевок никаких достать не удалось. А «дикарями» ехать женщине с сыном и дочкой, которым требуется лечение, бесполезно...»

Бобров взял бумажную салфетку (первое, что оказалось под рукой) и написал: «Надо помочь» и размашисто расписался, заметив со

своей неповторимой широчайшей улыбкой: «Такую подпись только на червонцах ставить». На словах же пояснил, что в Евпатории надо обратиться к человеку по фамилии Андриевский и вручить эту салфетку с автографом.

Супруга Хомуськова отнеслась к происшедшему скептически. Но по настоянию мужа поехала, взяв с собой записку к неведомому Андриевскому. В Евпатории она позвонила по телефону, который в Москве продиктовал Бобров. Андриевский тут же примчался и, обретя бумажную салфетку из Центрального дома журналиста, быстро устроил мать с детьми в пансионат.

При следующей встрече Бобров прежде всего поинтересовался у Хомуськова: «Как дети?» Василий Кириллович сообщил, что все в порядке, дело идет на поправку. «Вот видишь, Вася, а ты горевал, — сказал Всеволод. — Пока есть друзья, не пропадем!»

С тех пор прошло много лет. Выросли дети Василия Кирилловича, сам он стал дедом, с должности первого заместителя главного редактора еженедельника «Неделя» вышел на пенсию, а несколько лет назад (он был на год моложе Боброва) умер. Но в его роду из поколения в поколение вспоминают, как помог им однажды человек-легенда, великий спортсмен.

Однажды он и мне помог. Он примчался ко мне в больницу, когда я лежал со сломанной ногой. После двух неудачных попыток вправить кость хирурги решили прибегнуть к опе-

рации, применив экспериментальный метод. Правда, гарантии, что в будущем никаких неприятных для меня моментов с ногой (из-за появления в ней металлического штыря) эскулапы не давали.

Всеволод, переговорив с лечащими врачами, захватил с их разрешения мои рентгеновские снимки и историю болезни и погнал свою «Волгу» на консультацию к прославленному нашему травматологу Зое Сергеевне Мироновой, курировавшей отделение в больнице, где мне собирались сделать новую операцию. Ее слова «обойдитесь старым проверенным способом, этому пациенту не предстоит играть в футбол и хоккей» оказались для моих хирургов решающими. На третий раз операция прошла удачно (один из хирургов потом звонил мне и просил разрешения рассказать о моем случае в своей будущей кандидатской диссертации, оказывается, меня угораздило сломать ногу очень уникально).

А потом Всеволод навестил меня (в сопровождении своей жены и Казарминского) в только что полученной мной квартире и учил передвигаться на костылях — в этом деле он был дока! А подойдя к одному из окон, заметил: «Надо же, куда ты теперь приехал — живешь напротив пивного бара, где мы с тобой не прочь побывать. Вот окажутся ненужными тебе костыли, отметим в этом баре твое новоселье». Не пришлось. То была наша последняя встреча — через полтора месяца Всеволода не стало.

Елена Боброва, супруга Всеволода, как-то сказала: «У меня всегда было такое ощущение, что Сева ждет случая помочь кому-либо. И тут же откликнулся на просьбу, когда к нему обращались». А Никита Симонян к этим словам добавил: «Да и без просьб Сева всегда был готов прийти на помощь, необычайно широкий и добрый человек».

Когда Всеволод первый раз побывал за границей (в Англии в составе московского «Динамо»), то единственное, что он привез в Москву, это — слуховой аппарат для своей племянницы Аллы, у которой было расстройство со слухом. Другую племянницу — Лиду — он безумно любил, порой такой теплоты и нежности некоторые отцы не проявляют к родным дочерям. Из загранпоездки он привозил ей кучу всяких костюмчиков, платьиц, туфельек, она их снашивать не успевала — столько привозил.

Однажды доброта сыграла с Бобровым злую шутку.

Где-то в конце 1964 года Всеволоду позвонил Леонид Горянов, заместитель главного редактора журнала «Спортивная жизнь России», упоминаемый мной на предыдущих страницах в связи с появлением двух книг Боброва (в литзаписи как раз этого самого Горянова). Он попросил Боброва отрецензировать на страницах журнала только что законченный на «Мосфильме» художественный фильм «Хоккеисты». Отдельные эпизоды снимались в лужниковском Дворце спорта, а многие хоккеисты, в том

числе спартаковцы, которых тренировал тогда Бобров, участвовали в массовках, хотя это были самые настоящие игры на первенство СССР (хоккеисты играли в форме команд, фигурировавших в сценарии).

Подчеркнув, что картина затрагивает редкую для отечественного кино спортивную тему, Горянов с восторгом представил новую ленту — сценарий написан давним поклонником спорта, прекрасным русским прозаиком Валентином Трифоновым, в фильме снимались популярные артисты, включая Николая Рыбникова, с которым Бобров приятельствовал, заняты комментаторы Николай Озеров и Владимир Писаревский, звучала надолго ставшая популярной песня Афанасьева «Чистый лед...» на слова Гребенникова и Добродравова.

Горянов с таким упоением хвалил еще не вышедший на экраны фильм, что его собеседник даже рта не успевал открыть. У Всеволода, впрочем, не возникала мысль о том, есть ли в ленте недостатки. Он только спросил: «Тебе, Леня, очень нужна эта рецензия?» — и, услышав только одно слово «Очень», согласился на сделанное предложение.

После разговора с Бобровым Горянов в привычном для себя духе накатал (другого слова не могу найти, вспоминая этого журналиста, ухитрявшегося в год выпускать несколько книг с массой фактических ошибок) за его подписью рецензию на фильм, дав заголовок «Радостный гимн хоккею». Он не посчитал нужным прочи-

тать Всеволоду, хотя бы по телефону, написанное, да и потом не дал познакомиться ни с гранкой, ни с версткой.

А Бобров, тренировавший хоккеистов «Спартака», пропадавший с командой на сборах, отлучавшийся из Москвы на выездные матчи, и не вспоминал о «своей» рецензии в российском спортивном журнале. Не исключено, что он никогда бы не узнал о ней, не произошли один случай.

После выхода «Хоккеистов» на широкий экран к Боброву обратились с просьбой поделиться впечатлениями о картине из редакции выходившей тогда раз в неделю газеты «Советское кино». Как потом оказалось, ее журналисты не знали, что он уже, мягко говоря, отрецензировал эту ленту в журнале «Спортивная жизнь России».

Бобров, находясь под впечатлением недавно увиденного с командой фильма, надиктовал свои мысли журналисту (или журналистке, сейчас я уже не могу вспомнить, кто звонил Всеволоду), причем сказал все, что думал, что понравилось, а что нет (он ведь всегда говорил, что думал).

Бобровский рассказ сотрудники киношной газеты старательно записали, позднее прислали к Всеволоду курьера с гранкой, попросив вычитать ее и при необходимости что-либо исправить или дополнить.

Спустя ровно две недели после публикации отклика Боброва на ленту «Хоккеисты» в газете «Советское кино» с редакционной репли-

кой (без указания автора) вышла «Московская правда», задавшись целью сравнить два его выступления на одну и ту же тему в разное время.

В «Советском кино» Бобров назвал фильм «Хоккеисты» недостаточно глубоким. «Московская правда» напомнила, что могли узнать от Боброва о «Хоккеистах» читатели «Спортивной жизни России»: «Фильм с большой художественной силой утверждает победу светлых гуманистических начал». Далее: «чувство искреннего восхищения вызывает в фильме режиссерская работа». «Хочется отнести новый фильм к числу самых лучших, подлинно талантливых произведений нашей кинематографии» (современникам узнать стиль Горянова было легко!).

В «Советском кино» Бобров утверждал, что герои в исполнении хороших актеров, в частности Шалевича, неинтересны по-человечески. Зато в журнале у Боброва можно было прочитать: «Очень понравился образ хоккеиста, созданный Шалевичем». «Гол в свои ворота...» — так называлась реплика в «Московской правде». Прочитав еще раз Боброва из «Советского кино» («Я очень рад, что обойма спортивных фильмов пополнилась... Я уже говорил об этом в печати»), «Московская правда» заметила: «Лучше бы не говорил...»

Всеволод был крестным отцом одной из племянниц — Лидии. Это — целая история. Узнав, что жена брата не прочь крестить дочку, а как сделать, не знает (в Одинцове, где жила

семья Владимира Боброва, таким обрядом тогда никто не занимался), Всеволод отправился в Елоховскую церковь, нашел священника, согласившегося поехать в Одинцово, привез его на своей машине и тот прямо в доме Владимира крестил Лиду. После чего Всеволод отвез батюшку, который, как до сих пор не может забыть Любовь Гавриловна, мать Лидии Владимировны, уезжал благодаря стараниям крестного отца очень веселый!

Кстати, когда у Володи и Любы родилась дочь, то Сева буквально уговорил их дать ребенку имя матери братьев Бобровых. А своего сына Всеволод назвал в честь отца Михаилом. Родителей он обожал.

Всеволод в своей искрометной жизни помог многим. Он не только вырастил и научил многих играть в футбол и хоккей, но и многих воспитал как личности и всегда оставался простым, доступным, задорным, чуть-чуть озорным «Бобром». Прекрасным витязем, одновременно и Василием Буслаевым, и Добрыней, и Русланом, великодушным талантом, каких рождала и рождать будет русская земля.

Случалось, что в далеком городе, находясь в командировке, я произносил имя Боброва в присутствии людей, знавших его, и тут же лицо каждого из них расцветало доброй улыбкой. И обязательно спрашивали: «Как там в Москве Михалыч?»

Я никогда не встречал людей, которые вспоминали бы годы, проведенные под опекой Боброва, без теплоты. Как-то в компании в

Москве я заговорил о Боброве, вспомнил его работу в Одессе. Потом осекся — рядом стоят и прислушиваются к моему рассказу Заболотный, Дерябин, бывшие футболисты «Черноморца». Как-то они отнесутся к моим воспоминаниям? Смотрю, просветлели их лица, появились добрые улыбки. «Михалыч! — разве такие люди забываются?»

...Встречаю однажды Жигунова, Патрикеева, Кузьмина, Когута. При Боброве играли эти футболисты за ЦСКА. Играли за дубль, постепенно готовились к основному составу (Жигунов преуспел среди них больше других), но карьеры в армейском клубе, где все они начинали мальчишками, не сделали. «Если бы Боброва не освободили в 69-м, мы бы никуда из ЦСКА не ушли». Верю. Бобров-тренер притягивал спортсменов.

Пшеничников, Афонин, Абдураимов в свое время предпочли покинуть команды, в которых их окружала слава и откуда их регулярно приглашали в сборную СССР, и перешли в ЦСКА, еще четко не представляя, что их ждет в будущем. И все из-за приглашения, поступившего от Боброва. Сколько копий переломалось в свое время по поводу этих переходов, особенно в Ташкенте. Раздавались требования дисквалифицировать ушедших, но никто из троих не покинул армейский клуб. Правда, не разрешили переход из «Пахтакора» Вячеславу Солохо, но он предпочел на время отказаться от футбола (его дисквалифицировали), чтобы потом все-таки оказаться под началом Боброва.

Что-либо сделать для себя, пользуясь громкой фамилией, Бобров порой не мог. В других городах надо было хлопотать для него о номере в гостинице. Но если случалось, что администратор или директор отеля узнавали Боброва, то нам потом с укоризной замечали, почему же мы молчали о том, какой пожаловал гость. И еще долго не отпускали из своих кабинетов знаменитого человека.

А сколько раз в далеких от Москвы городах хотелось нам с Всеволодом пойти в кино, а у касс под табличкой «Все билеты проданы» стояла длинная очередь людей, не терявших надежду попасть на любой сеанс. Казалось, чего проще было Боброву заглянуть в окошко администратора, представиться (а тогда еще у всех в памяти были бобровские легендарные прорывы и не менее знаменитые голы), как мы получили бы два места из «брони».

Однажды я был свидетелем, как Бобров около часу стоял в очереди к окошку воинской кассы на улице Кирова. Наверняка, все расступились бы, только скажи, кто пришел за железнодорожными билетами. Дежурный офицер несказанно удивился, когда увидел, как Бобров, терпеливо отстоявший в очереди, протянул кассиру нужные документы. Но для Боброва подобное поведение было нормой. Ведь билет требовался ему самому не по служебным делам, а для поездки на отдых в Крым с заездом к теще в Киев. Иное дело, если бы билеты понадобились сослуживцам, друзьям или добрым знакомым. В таком случае он, наверняка,

прошел бы в кабинет, на двери которого висела табличка «Помощник военного коменданта. Посторонним вход запрещен».

Для Боброва не было ничего важнее, чем узы товарищества, чем забота о заболевших знакомых или друзьях. Однажды мы обедали в ресторане ВТО. По ходу неторопливо протекавшего обеда наш разговор незаметно перекинулся на очередные присвоения звания заслуженного мастера спорта, о чем утром мы узнали из «Советского спорта». В числе отмеченных был и наш добрый знакомый Эдуард Дубинский, правый защитник ЦСКА и сборной СССР. «А что, если нам махнуть к нему в госпиталь? — предложил Бобров, всего на день прилетевший из Сухуми, где готовились армейские футболисты. — Я его видел перед отлетом на юг, обещал заехать, да не было возможности. Уж очень неважно выглядел Эдик. Говоришь, что, быть может, сегодня нет приемных часов для посетителей? Прорвемся, не привыкать!»

Мы тотчас прекратили обед, быстро рассчитались с официанткой и на машине, ведомой Борисом Разинским, экс-вратарем ЦСКА (он был третьим за нашим столом), поехали в Лефортово. День в госпитале, в самом деле, оказался неприятным. Но охранник на пропускном пункте, едва увидев Боброва, вытянулся по стойке «смирно» и без всякого пустил всех нас троих.

Дубинский буквально опешил, увидев неожиданных посетителей. Рассказал о себе — чувствует вроде нормально, но какая-то слабость

дает регулярно знать. Утром встал с постели, закружилась голова, едва не упал, подхватили соседи по палате. Потом открыл «Советский спорт», прочитал о высоких званиях, не поверил своим глазам, опять закружилась голова, а теперь вдруг такие гости... «Ну и денек», — все приговаривал он.

Чувствовалось, что наш визит взбодрил Дубинского, но увы, вскоре его не стало, рак убил замечательного спортсмена (за три года до этого ему сломали ногу на чемпионате мира, но он сумел найти силы и вернуться в сборную СССР).

«Вот хороши бы мы были, если бы не навести Эдика, — говорил Бобров, — а главное, я не сдержал бы слово». Остается заметить, что он взял на себя львиную долю хлопот, связанную с похоронами Дубинского на Ваганьковском кладбище, долго утешал его мать, с возмущением говорил о жене футболиста, покинувшей мужа, едва тот заболел.

К встречам с мальчишками Всеволод относился с той же ответственностью, что и к визитам к взрослым. Нередко брал меня с собой в пионерские лагеря, где он охотно вручал местным чемпионам медали, грамоты, а меня заставлял рассказывать юным спортсменам о лучших людях советского спорта, о последних спортивных событиях.

Бобров не был аскетом. Идя по улице, он смотрел на интересных женщин куда внимательнее, чем на прочих прохожих. Он очень любил хорошую компанию и, когда за столом

разливали крепкие напитки, не прикрывал рюмку ладонью.

«Сева умел пить. Когда он чувствовал, что выпил достаточно, то на какое-то время прекращал пить — пропускал один-два тоста. А потом снова пил наравне со всеми. Мы в таких случаях говорили, что у Севы открылось второе дыхание». Эти слова принадлежат упоминавшейся мной Любове Гавриловне Бобровой-Дмитриевской. Она много лет директорствовала в ресторане «Луч», где мы с Всеволодом одно время часто бывали, где я собрал друзей и коллег, когда мне присвоили звание заслуженного работника культуры РСФСР, а Всеволод был в роли ведущего, произнесся немало теплых слов в мой адрес, что, конечно, я не могу забыть.

Никогда мой друг не козырнул своим громким именем, никогда не сказал: «Я — Бобров, а потому мне все можно».

У Боброва была одна страсть, оказавшаяся настолько сильной, что выдержала трудное, полное скрытых опасностей испытание славой. Имя этой страсти — спорт.

Бобров всегда, когда надо, говорил себе: «Нет! Остановись!». Он знал, что спорт не прощает измен, но зато платит за верность.

Недавно одна тележурналистка, узнав, что я дружил с Бобровым, готовя передачу о нем, стала допытываться, а что Всеволод любил больше — театр или кино, что читал, с кем из известных артистов или писателей водил дружбу, как проводил свободное от футбола и хок-

кея время. Я понимаю ее. Всегда автору интересно побольше узнать о герое предстоящей передачи. Потом я учитываю другое. Самые популярные сегодня спортсмены и тренеры в своих интервью непременно отвечают на вопросы о своих пристрастиях, вкусах, любимых блюдах, любимых ресторанах, в том числе и в далеких странах, рассказывают с кем дружат, чьи диски коллекционируют, какие бестселлеры предпочитают, на концертах каких шоу-звезд и в каких залах бывают. Поэтому вопросы, касающиеся Всеволода Боброва, считавшиеся еще недавно нетрадиционными, мне кажутся ныне понятными.

Бобров, большой жизнелюб, все в жизни делал в охотку. Для него не было скучной работы, неинтересных занятий. Любил копаться в часовых механизмах. Если у него случались неполадки в дверном замке квартиры, он не приглашал слесаря из домоуправления. Нередко ремонт оказался бы для специалиста скорым, а Всеволод, обложившись инструментами, возился с замком часами. Случалось, что в такой момент звонили прекрасные блондинки (это когда он расторгнул первый брачный союз и не заключил новый) или друзья — одни звали купаться в район Иваньковского шоссе, другие ждали обедать в ресторане «Загородный», куда Всеволод любил заезжать еще будучи холостым, нередко с Михаилом Андреевичем. Никакие лестные приглашения до окончания ремонта не принимались.

Он не приглашал слесаря или иного специалиста, предпочитая сам поработать, не потому, что ему было жалко платить (Боброва можно было обвинять в чем угодно, только не в жадности — человека с более широкой натурой трудно представить). Просто Бобров любил эту работу дома.

Чем только ему ни приходилось заниматься на дачном участке (меня иногда не покидает мысль, а может и не надо было так усердствовать, если врачи порой били тревогу по поводу его сердечной недостаточности). Его обладателем он стал за несколько лет до смерти, где вырос «домик по швейцарскому проекту» (цитирую Елену Боброву). Как рассказывают видевшие его за работой на даче (на ней я никогда не был), он все делал там добротнo, на славу, словно никогда ничем иным в жизни не занимался.

Спустя несколько лет после смерти Боброва я оказался в квартире Казарминского. Кивнув на огромные овальные зеркала, висевшие в прихожей и столовой, Леонид Михайлович заметил: «Сева устанавливал».

В подобное трудно поверить, но это факт: уже став игроком команды мастеров, он не считал зазорным (со своим другом Женей Бабичем) разгружать машину, привозившую муку в одну из московских пекарен. За эту работу двух известных спортсменов, уже становившихся кумирами трибун, кормили обедом. Еды после войны не хватало, а парни были здоровые, есть хотелось. В первое после-

военное время будущий капитан сборных команд СССР по футболу и хоккею очень любил сгущенку: варил ее на огне, получалось нечто вроде тянучки.

В еде гурманом не был. Ел все подряд. Особо любимых блюд не имел. В какой-то мере отдавал предпочтение кавказской кухне — бывал в ресторане «Арагви», в двух шашлычных, одна у Никитских ворот (там много лет работала Любовь Гавриловна), другая напротив гостиницы «Советская», окрещенной молвой «Антисоветской».

Если появлялось свободное время между матчами, то Всеволод предпочитал съездить на природу, навестить отца, жившего в Сокольниках, побывать у брата в Косино. На театры, концерты времени у него не доставало. Вечерами приходилось иногда заседать, участвовать в работе всевозможных совещаний. Но если кто-то приглашал в гости, то это было святое дело — не воспользоваться приглашением друзей или знакомых Всеволод не мог. Был всегда весел, остроумен, но в хороших пениях за столом никогда не участвовал. Больше чем на строчки «Речка движется и не движется, вся из лунного серебра» его не хватало.

Мои воспоминания дополнила Любовь Гавриловна: «В театр Сева выходил редко, даже если я доставала билеты на мхатовский спектакль «Воскресение» с Василием Качаловым в роли ведущего чтеца. А если правду сказать, то театр не любил — ни оперу, ни балет, ни драму.

Уж очень домашний он был. К нему многие стремились, а он этого избегал. Когда он был женат на Саниной, она пыталась приглашать в дом известных артистов. Помню, бывали Алексей Феона, еще кто-то... Но Сева этого не одобрял. У него был свой круг друзей».

Я уже называл Казарминского, семью генерала армии Ивана Григорьевича Павловского. Приятельствовал Всеволод с Рыбниковым и Ларионовой (с Николаем Николаевичем он однажды оказался в туристической поездке в Вену, когда в австрийской столице проходил чемпионат мира и Европы по хоккею). Он поддерживал добрые отношения с Львом Барашковым, популярным исполнителем в 60-х годах комсомольско-молодежных и лирических песен.

Однажды, придя в Центральный дом журналиста, мы — Всеволод, Леонид Михайлович и я — встретили Олега Стриженова, тотчас позвавшего нас к себе домой. Надо было видеть встречу этих двух звезд — спорта и кино, не видевших друг друга много лет. Сколько же всего интересного вспомнили они в тот затянувшийся вечер!

А однажды мы с Всеволодом перед матчем «Черноморец» (Одесса) — ЦСКА поехали к морю. На побережье шли съемки какого-то фильма по рассказу Бориса Житкова. И вдруг раздались голоса: «Сева, давай сюда!» После этого Всеволод, ни слова не говоря, увлек меня к машине, которая, сорвавшись с места, понеслась в сторону Одессы. Оказывается, Боброву

кричали три знаменитости — Николай Крючков, Иван Переверзев и Борис Андреев. «Если бы мы остались, сорвалась бы съемка, да еще неизвестно, когда она возобновилась. Со своим радушием они меня быстро не отпустили бы, а ведь сегодня у нас игра...»

Если Бобров приходил в бильярдную Дома кино, то присутствовавшие, и те, кто играл, и те, кто «болел», почтительно расступались. Один из игравших, ни слова не говоря, отдавал Всеволоду свой кий и тем самым очередной тур прекращался. Некоторые киношные знаменитости считали за честь проиграть Боброву, а он играл, особенно левой рукой, блестяще. Вспоминаю в бильярдной Леонида Кмита — некогда Петьку в «Чапаеве», Семена Соколовского из Театра на Малой Бронной, снискавшего известность исполнением роли милицейского генерала в сериале «Следствие ведут знатоки».

Бывало, что со стадиона ЦСКА (после игры) или из ресторана Центрального дома журналиста мог Боброва, полковника авиации, увезти в свою компанию писатель Генрих Гофман, в войну отважный летчик, Герой Советского Союза. В 70-м году Всеволод познакомился с космонавтами, бывал у них в гостях в Звездном городке, особенно пришелся ему по душе дважды Герой Советского Союза Борис Волынов. Как-то пригласил его к себе домой и на то же время позвал меня...

На одну из следующих наших встреч Борис Валентинович приехал с молодым офицером, который только начинал осваивать курс пред-

полетной подготовки (окружающим еще не полагалось знать его настоящие имя и фамилию). Узнав, что старший по званию едет в Москву и, возможно, повидает Боброва, тот буквально напросился в поездку, чтобы хоть одним глазом посмотреть на великого спортсмена, о котором слышал от родителей в раннем детстве.

Юрий Власов как-то сказал о Боброве: «Имя его, бесспорно, было самым популярным. Ни Мария Исакова, ни Григорий Новак при всей своей необычной всесоюзной знаменитости не могли сравниться с ошеломляющей популярностью Всеволода Боброва во вторую половину сороковых годов и во все пятидесятые. Великий из великих спортсменов».

«...на свете два раза не умирать»

Бобров умер 1 июля 1979 года от острой сердечной недостаточности в Красногорском военном госпитале имени Вишневецкого. А в жизни он несколько раз был на волосок от гибели. Но, как писал Константин Симонов, «...на свете два раза не умирать».

Когда Севе был всего год с небольшим, он едва не погиб на пожаре. Лидии Дмитриевне с трудом, на ощупь, удалось отыскать малыша в удушающем дыму и вынести на свежий воздух, после чего затрещали стропила и рухнула крыша, под которой оказались погребенными остатки строения, где перед этим находился будущий легендарный спортсмен.

Тот случай на пожаре в младенческом возрасте ничто по сравнению с историями, в которые попадал Всеволод, оказываясь в нескольких шагах от гибели.

В одну из июльских ночей 44-го года по Омску по домам пошли совместные патрули милиции и военной комендатуры, искавшие нарушителей паспортного режима и курсантов интендантского училища, ушедших в самоволку или невернувшихся из увольнения к уроч-

ному часу. К будущим провинившимся офицерам применили одно наказание — на фронт!

В «улов» попал той ночью и Бобров, ставший курсантом после работы на военном заводе. Но он избежал всеобщей участи — его не отправили в сторону Белоруссии, где проштрафившихся курсантов неудачно десантировали и они все как один погибли.

Не могу простить себе, что, оказавшись в 70-м году вместе с Бобровым в Омске, я не удосужился узнать, кто спас его от фронта, а какая у меня была возможность!

Как-то под вечер к нам в номер пожаловал немолодой мужчина с орденом Ленина, укрепленным, как было принято до лета 43-го года, на винте, а не на колодке. Встречая гостя, который потом предавался воспоминаниям о военном Омске, о курсанте Боброве, заметном футболисте, Всеволод успел мне шепнуть, что пришел бывший секретарь местного обкома партии и одновременно представитель Государственного комитета обороны. Если про нашего гостя можно было сказать такое, то в военное время он обладал мандатом за подписью Сталина, а потому имел большие права. Ему не составило никакого труда, просматривая сводку ночных происшествий в городе, вычеркнуть из списка задержанных патрулями и подлежащих отправке в действующую армию фамилию парня, чье имя было в Омске на устах.

Местные футболисты нередко играли в других городах за буханку хлеба, за картошку,

за капусту или лук. Порой они встречались с командами оборонных, или, как тогда говорили, номерных заводов. Среди соперников попадались сильные московские игроки, известные еще до войны, оказавшиеся в эвакуации. Часто героем матчей становился сборщик-механик цеха, где изготовлялись артиллерийские прицелы, а затем курсант Бобров — то забьет решающий мяч, то наколотит мячей больше всех.

Страна думала о послевоенном времени, а потому берегла от фашистских пуль, снарядов и бомб таланты — подававших надежды артистов, музыкантов, спортсменов, которым давала отсрочку от призыва. Вот и в Омске не пустили на фронт курсанта, подававшего большие надежды на футбольных полях. Думается, учли и другое — отец курсанта, инженер, мастер производственного обучения, приехав из-под Ленинграда, пользовался огромным уважением в рабочей среде. Было известно, что незадолго до этого он похоронил жену, проводил на войну старшего сына.

Я так никогда не уточнил у Боброва фамилию человека (Румянцев, что ли?), навестившего нас в гостинице. Лишь после смерти Всеволода я удосужился узнать от омского журналиста Сергея Веремея, что ангелом-хранителем «Бобра» считается не первый секретарь обкома партии Румянцев, а председатель облисполкома Леонид Иванович Кувик (привожу фамилию по телеграмме, полученной мной от Веремея). Видимо, он тоже имел право вносить

коррективы в список отправляемых на фронт. Не будь одного или другого омского руководителя, мир никогда бы не узнал русского парня по фамилии Бобров, явно родившегося в рубашке. Вот еще три случая из его жизни.

...7 января 1950 года при посадке на свердловский аэродром Кольцово разбился «Дуглас» из полка правительственной связи. На борту находились летевшие на игру в Челябинск 11 хоккеистов команды ВВС, их врач и массажист, а также шесть членов экипажа. Тем самолетом должен был лететь и Бобров, только что принятый в спортклуб ВВС.

Накануне отлета на Урал Бобров был в гостях. Застолье затянулось, и холостяк решил не возвращаться к себе домой на Сокол — не все ли равно, откуда утром добираться на аэродром, из своей или чужой квартиры (о форме с коньками и клюшками в любом случае предстояло позаботиться администратору команды, который, кстати, решил добираться до Челябинска поездом, предварительно проводив хоккеистов в полет; до матча оставалось немало дней).

Дома у Боброва в урочный час прозвенел бы будильник, а в чужом доме он проснулся, когда самолет с новыми партнерами должен был приближаться к Уралу (откуда было Всеволоду знать о двухчасовой задержке машины при вылете).

В оставшихся матчах Бобров играл как никогда, став в окружении хоккеистов, неожиданно пришедших на замену погибшим (мно-

гие из которых считались звездами), самым метким в чемпионате, забросил 36 шайб.

Против «Локомотива», занимавшего последнее место, игра у летчиков, как говорится, не пошла, правда, они все же победили — 5:4. Четыре гола в тот вечер забил Бобров, в том числе и последний — на исходе встречи. Василий Сталин, не пропускавший ни одного матча с участием хоккеистов ВВС, после игры с железнодорожниками, по традиции встречая подопечных, сделал шаг навстречу Боброву, покидавшему ледовую площадку в парке МВО, и, сняв с руки часы, вручил их Всеволоду.

...С некоторых пор у Боброва, когда был расторгнут его официальный брак с солисткой оперетты Татьяной Саниной и он еще не женился вновь, возникли определенные чувства к жене маршала артиллерии Василия Казакова, одно время командовавшего всеми артиллеристами Советской Армии. Светлана Павловна как-то пригласила Всеволода к себе на дачу, сообщив, что мужа не будет дома (он к вечеру отбывал на крупномасштабные маневры).

И вот когда милые ворковали, а время было за полночь, дверь дачи резко распахнулась и на пороге появился сам маршал в полевой форме с пистолетом в руках. Ни слова не говоря, он выстрелил в потолок.

Юрий Нагибин однажды писал, что игра Боброва потрясает человеческое воображение. Помимо полета вдохновения, силы личности и

характера, русский писатель отмечал у Боброва еще и мобилизацию скрытых возможностей. Это качество мой друг проявил на маршальской даче.

Под дулом пистолета, не дожидаясь второго выстрела, Бобров в каком-то невероятном рывке, попутно захватывая свои вещи, бросился к двери, вмиг открыл ее и захлопнул за собой. Пока разгневанный маршал искал ключ, а потом возился с непростым замком, чтобы выйти наружу и устремиться с пистолетом в погоню, Бобров каким-то немислимым рывком достиг высокого забора, довольно легко для своего возраста (примерно 40 лет) перемахнул через него и был таков.

Лишь немного отдышавшись, Бобров, двигаясь по бездорожью в сторону Минского шоссе, чтобы на попутке добраться до Москвы, начал осознавать, что произошло. «Меня не то что холодный пот прошиб, ужас охватил», — рассказывал он мне. — Ведь обладателю «пушки» ничего не стоило послать в меня пулю после предупредительного выстрела. А через день в «Советском спорте» появилась бы рамка в связи с моей скоропостижной смертью. Не писать же, что меня убил один из известных военачальников перед тем, как отбыть на учения Советской Армии».

Чуть ли не на следующий день маршалыша Светпалона, как ее называл Бобров, рассчитала свою домработницу, которая сообщила главе семьи, что на его даче припозднился мужчина.

Бобров был прекрасным автомобилистом, он никогда не позволял себе превысить скорость, установленную для данной дороги, не «подрезал» соседние машины, сбрасывал скорость, подъезжая к перекрестку, так что никогда стремительное переключение светофора не заставляло его врасплох. Он не распугивал пешеходов на «зебре», не обдавал их грязью в ненастную погоду. Словом, любой автомобиль — «Москвич», «Победу», «Волгу» — водил безукоризненно.

Но за Бобровым-автомобилистом водился один грешок: он мог сесть за руль в нетрезвом состоянии. Это случалось при возвращении из гостей, где разливали крепкие напитки, а он не прикрывал рюмку ладонью. Но даже в подобных случаях «Бобер» был неповторим. Садясь за руль нетрезвым, он настолько брал себя в руки, что кое-кто из ехавших в той же машине не верил недавним возлияниям водителя. Он сердился на попутчиков, пытавшихся укорять его за выпивку перед поездкой, особенно на тех, кто не скрывал опасения ехать с ним.

Мы часто возвращались из гостей вдвоем. Всеволод при этом просил меня что-нибудь эмоционально рассказывать, чтобы не задремать за рулем. И не было никогда случая, чтобы при такой поездке нас остановил инспектор ГАИ, или мы оказались бы виновниками дорожно-транспортного происшествия.

Случилось однажды я оставил друга одного за рулем. Мы двигались около пяти часов ве-

вчера в потоке машин по улице Горького в сторону Сокола. Еще выходя из кафе (напротив «Елисеевского» гастронома), где мы побаловались коньячком и шампанским, Всеволод вдруг заскучал по сыну, которого оставил дома рано утром спящим, и поспешил домой. Звал меня к себе поужинать, но у меня были какие-то дела, причем, вначале мы собирались ехать вдвоем, я отказался и покинул «Волгу» напротив ресторана «София» на площади Маяковского.

Оставшись один, Бобров, видимо, начал клевать носом, не смог встрепенуться за рулем, как умел это делать, и около северного вестибюля станции метро «Динамо» выскочил на красный свет и протаранил автобус (один из тех, которые в то время обслуживали отдыхающих в подмосковных домах отдыха и санаториях или развозили учеников сельских школ), делавший поворот с Ленинградского проспекта в сторону динамовского стадиона. Пострадала и бобровская «Волга», осыпав своего хозяина осколками лобового стекла.

К месту аварии подбежал инспектор ГАИ. Выяснив личность водителя легковой машины, он позвонил в ЦСКА, откуда вскоре прибыл дежурный по армейскому спортклубу Юрий Коледов, известный в прошлом велосипедист, очень порядочный человек, быстро отбуксировавший полковника Боброва во двор его дома.

История с машиной, попавшей в аварию, не получила, к счастью для Боброва, огласки —

он в ту пору возглавлял сборную СССР, ставшую весной в Лужниках чемпионом мира и Европы. Шофер автобуса никаких претензий к Боброву не выдвигал, посчитав, что сам был невнимателен на трудном перекрестке. По-моему, Бобров оплатил ему ремонт машины.

До конца жизни Всеволод носил между бровей маленький шрам, память о драке, в которой хулиганы ударили его доской с гвоздем.

...После рассказа об этих случаях невольно хочется признать, что Бобров родился в рубашке. Воистину ему не дано было два раза умирать!

Добили!

Боброву в 49-м году, когда его швырнули на борт хоккейной «коробки», сильно ушибли грудь. Постарался Сеглин, о котором так однажды вспоминал писатель Станислав Токарев: «...вислопечий, сутулый Сеглин смотрит в глаза Боброву и посмеивается, заранее предвкушая, как будет принимать его на грудь и под смех трибун швырять через бортик в снег». После смерти Боброва Сеглин стал во всех интервью уверять, что они были со Всеволодом друзья не разлей водой... В дальнейшем кардиограмма неизменно «приписывала» Боброву инфаркт. Белаковский, 30 лет пользовавшийся друга детства, нередко при заполнении бобровской курортной карты уверял коллег-медиков, что ЭКГ ошибается, что никакого инфаркта у Боброва нет, а налицо зарубка от хоккея.

К сожалению, большой спорт оставляет немало следов на сердце любой звезды, особенно становящейся тренером. Не могут пройти бесследно незаслуженные отстранения от работы. Боброва отправляли в опалу несколько раз в

футболе и однажды, как я рассказывал, в хоккее, причем после триумфального выступления руководимой им сборной СССР. Всеволоду еще не было 60 лет, когда у него участилась аритмия, пошли сердечные приступы. Особенно худо стало после футбольного чемпионата СССР 1978 года. В госпиталь, откуда ему не суждено было вернуться, он в 79-м попадал дважды.

Последний раз Боброва выставили за дверь армейского клуба после полутора лет работы. Вот этот удар оказался роковым.

Бобров принял команду в мае 77-го года, оставшиеся до финиша месяцы ушли на обкатку. В следующем сезоне дела у армейцев пошли на лад. В середине лета они вели борьбу за лидерство с динамовцами Тбилиси, в итоге ставшими чемпионами. Но после проигранного матча тбилисцам футболисты ЦСКА попали в полосу неудач — склоки, ссоры, внутрикомандные разборки, о чем я упомянул в одной из предыдущих глав, не могли не сказаться на результатах игр. Появившиеся бузотеры ускорили увольнение Боброва и укоротили его жизнь.

Правда, мир и лад восстановили быстро, но подняться выше шестого места армейцы не смогли. Это было повторение достигнутого в 69-м году, когда Бобров после окончания сезона также получил расчет.

Теперь на беду Боброву спортивный комитет министерства обороны СССР возглавлял контр-адмирал Николай Шашков. Будучи ка-

питаном первого ранга, он в 67—68 годах командовал атомным подводным ракетоносцем, который в случае высадки американцев и израильтян на побережье Сирии должен был выпустить на Израиль восемь крылатых ракет П-6 с ядерными боеголовками, после чего на древней библейской земле вспыхнули бы, как минимум, восемь Хиросим.

В то время, о котором я пишу, никто таких подробностей из жизни Шашкова сообщить не мог. Олег Лопатто, давний приятель Боброва, служивший в ЦСКА и хорошо знакомый с некоторыми генералами из центрального аппарата Министерства обороны, однажды поведал мне, что Шашков — в недавнем прошлом подводник. Подобная информация вызывала недоумение. Как, почему человек, дослужившийся до адмиральских погон, вовсе не штабная крыса, вдруг оказался на спортивной работе? Неужели благодаря новому назначению Шашкову давали возможность отойти от подводной службы?

Рулить армейскими спортсменами тогда было легко — команды ЦСКА в баскетболе, волейболе, гандболе, хоккее, а военные моряки в водном поло регулярно выигрывали чемпионаты СССР, их игроки едва ли не в полном составе входили в сборные страны. Вот только футболисты ЦСКА огорчали. Корень зла самые главные военачальники страны искали в тренерах; после ухода в 1973 году Николаева в наставниках армейского клуба побывали Агапов, Тарасов, Мамыкин, наконец, Бобров.

Тем временем СССР готовился к московской Олимпиаде, намереваясь собрать невиданный урожай золотых медалей (в итоге так и получилось — было завоевано 80 наград высшего достоинства). В игровых видах спорта, самых престижных, не вызывала озабоченности игра сборных команд СССР, скомплектованных преимущественно из армейских и флотских спортсменов, с которыми занимались их же клубные тренеры. Вот только в самом популярном виде — футболе — сборная СССР не радовала.

Перед московской Олимпиадой игровые виды курировал Валентин Сыч, назначенный в 75-м году заместителем председателя Спорткомитета СССР. Это потом его жизнь крепко поломала, а тогда он был очень амбициозным, резким, своенравным.

Создается впечатление, что у кого-то из двоих — Шашкова или Сыча раньше, а может примерно в одно время, возникла мысль, что отечественный футбол может выручить Советская Армия, как она выручает страну в других видах спорта. Считалось, что если будет сильной команда ЦСКА, то отлично пойдут дела и у сборной СССР. Но вот беда: у армейских футболистов нет тренера, как в других видах спорта, достойного возглавить сборную СССР.

Бобров-тренер некоторое время оставался невостребованным после того, как его несправедливо отстранили от сборной СССР по хоккею после победы на чемпионате мира и Евро-

пы 1974 года. Душа звала его в футбол, где проявляли к нему интерес. Так накануне 75-го года на него имел виды министр путей сообщения СССР Борис Бещев, подославший к опальному хоккейному тренеру гонца — заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР Николая Морозова, с которым Всеволод играл за ВВС. Речь шла о том, чтобы Бобров принял футбольную команду московского «Локомотива». Однако Всеволод предпочел воспользоваться другим приглашением, поступившим примерно в те же дни, — от алма-атинского «Кайрата», с которым он проработал один сезон, после чего стал консультантом по футболу в спорткомитете Министерства обороны (еще до появления подводника Шашкова).

Но кандидатуру Боброва для сборной СССР по футболу никто не рассматривал — Сыч на дух не переносил его после хоккейного чемпионата мира 74-го года. На одном из инструктажей для спортивных журналистов (им сообщалось, как и что писать, — практиковалась такая форма работы со средствами массовой информации) Сыч прямо сказал, что, хотя Бобров и был великим спортсменом, но мы не позволим ему устраивать матчи с фиксированными ничейными результатами (так тогда называли ничьи, в наши дни окрещенные договорными). А имел он в виду нулевую ничью во встрече ЦСКА — «Торпедо» (Москва), которая протекала неинтересно. А «мы» в устах Сыча — это Спорткомитет СССР и ЦК КПСС.

Как же примечательна цепочка обстоятельств, выстроившаяся в связи с освобождением Боброва в 78-м году! Зная, что Шашков ищет замену Боброву, Сыч предложил бывшего игрока киевского «Динамо», «Черноморца» и «Шахтера» Базилевича (они вместе учились в украинской столице в институте физкультуры), долгие годы работавшего помощником Лобановского и удостоенного звания заслуженного тренера СССР в связи с победой в 1975 году динамовцев Киева в розыгрыше Кубка кубков.

Шашков согласился с Сычом принять в ряды ЦСКА Базилевича, но этот тренер появился в столице через сезон, ибо у него сначала не заладилось с получением положительной характеристики с прежнего места работы (одного лишь благословения Сыча для армейских кадровиков было недостаточно). Поэтому на место Боброва на исходе 78-го года пришел работать Шапошников.

Бобров всегда верил, что справедливость рано или поздно должна восторжествовать, а порок будет наказан. Попав в последний раз в опалу, он отправился искать правду в Центральном Комитете партии. Попал к Марату Грамову, заместителю заведующего отделом ЦК, будущему председателю Спорткомитета СССР, будущему главе Олимпийского комитета СССР, депутату Верховного Совета СССР 11-го созыва, избранному на XXVI съезде партии кандидатом в члены ЦК КПСС.

Всеволоду казалось, что Грамов, выслушав его исповедь, моментально позвонит Шашко-

ву и попросит немедленно пересмотреть историю с освобождением старшего тренера футбольной команды ЦСКА. Именно так или примерно так показывали всегда на сцене или в кинофильмах ответственных работников ЦК КПСС, не говоря уже о партийных лидерах, когда к ним обращались несправедливо обиженные люди.

Каким же наивным человеком оказался на исходе жизни великий Всеволод Бобров! Я поражаюсь — неужели он не знал, что Шашков и Сыч, снимая старшего тренера ЦСКА и расчищая место для будущего руководителя футбольной сборной СССР на Олимпийских играх в Москве, получили одобрение в ЦК КПСС, быть может, от того же Грамова. А Сыч, наверняка, напомнил аппаратчикам ЦК, как Бобров в Хельсинки оскорбил инструктора Центрального Комитета, вместо того, чтобы прислушаться к справедливой (другой не могло быть) критике со стороны ответственного партийного работника...

Выслушав Боброва, Грамов сказал, что случившееся — безобразие, лишний пример, как в спортивных обществах и ведомствах могут расправиться со специалистами, но в Центральном Комитете партии ничем не могут помочь ни Боброву, ни любому другому уволенному, поскольку не вмешиваются в деятельность того же спорткомитета Министерства обороны.

Боброву ничего после этого не оставалось другого, как отправиться в поисках истины в

соседний кабинет к Евгению Тяжельникову, главе Отдела пропаганды ЦК, в дальнейшем отправленному послом в Румынию.

Миллионы телезрителей в свое время были свидетелями, как излучающий радость Тяжельников с трибуны очередного партийного съезда показывал его делегатам газету примерно полувековой давности, а затем, захлебываясь от восторга, читал выдержки из нее. Речь шла о начале трудовой деятельности Леонида Ильича. После этого выступления Тяжельникова в стране начался новый виток прославления генсека.

Тяжельников еще со времен работы первым секретарем ЦК ВЛКСМ слыл радушным человеком, справедливым, принципиальным. Боброва он встретил приветливо. Выслушав посетителя, попросил зайти Грамова, а тот, завидев Боброва, прямо с порога, на одном дыхании выпалил шефу то же самое, что он сказал раньше у себя в кабинете.

Нетрудно представить, сколько переполоха наделал бы в спорткомитете Министерства обороны звонок члена ЦК КПСС Тяжельникова, лишь поинтересовавшегося бы, что случилось с Бобровым. Но Тяжельников, выслушав заместителя, как-то беспомощно развел руками, посмотрел на Боброва и изрек: «Вот ведь как получается!» А потом он вспомнил о своей лучезарной улыбке. Произнес при этом несколько ничего не значащих фраз и, выйдя из-за стола для расставания, посоветовал Боброву,

будто в издевку, заходить в ЦК и впредь («всегда рады вас видеть, если будет трудно, обращайтесь, не стесняйтесь, поможем»). Но больше Боброва никогда в ЦК КПСС никто не видел. До 1 июля оставалось чуть больше пяти месяцев.

Перед визитом в ЦК Бобров убеждал себя, что в истории с его увольнением не сумели разобраться в Министерстве обороны — в конце концов не сошелся клином свет на бывшем подводнике. Бобров однажды позвонил самому Устинову, причем с аппарата, где не нужно набирать номер, достаточно снять телефонную трубку и на проводе — министр обороны. Услышав голос Дмитрия Федоровича, Бобров представился, назвал звание — полковник и фамилию.

«Как же, как же, следим за игрой вашей команды», — послышалось в трубке, на что Бобров сообщил, что его недавно освободили от занимаемой должности и он больше не имеет команды.

Не в пример своему предшественнику Гречко, который регулярно встречался с армейскими спортсменами и тренерами и приезжал играть в теннис на корт ЦСКА, Устинов не числился в поклонниках спорта. 70-летний маршал и не скрывал этого, заметив Боброву в телефонном разговоре, что он не в курсе спортивных дел в армии, вот придет его заместитель Соколов, который разбирается со спортом, выяснит, что к чему, после чего Боб-

рову непременно сообщат результаты проверки поступившей от него информации.

Но от Устинова никто Боброву так и не позвонил. То ли министр, забыв о звонке знаменитого полковника, не отдал соответствующего распоряжения, то ли в его аппарате посчитали, что в расследовании нет уже смысла. Отдохнувший в Карловых Варах Соколов, сменивший позднее Устинова на посту министра, вернулся в Москву, когда футболисты ЦСКА уже пять недель тренировались под началом Шапошникова, — возвращать Боброва было нелепо.

Бобров обратился к Устинову не только как к министру. Был один подсознательный момент. У Михаила Андреевича Боброва, отца Всеволода, в свое время занималась большая группа учеников, многие из которых затем сильно преуспели в жизни. В их числе оказались будущие наркомы (министры). Но особенно часто Бобров-старший с теплотой, называя башковитым, вспоминал ученика по фамилии Устинов, который в возрасте 32 лет был назначен Сталиным народным комиссаром вооружения СССР.

Не посчитал Бобров нужным сказать министру-маршалу, что он — сын того самого мастера производственного обучения, с которым судьба свела будущего члена Политбюро в начале его трудовой деятельности. После такого напоминания, может быть, что-то дрогнуло бы в душе Дмитрия Федоровича, и тут же пору-

ченцы маршала по его приказу понеслись бы восстанавливать попорченную справедливость в отношении Боброва или, по крайней мере, вся история с переменами на тренерском мостике в ЦСКА оказалась бы действительно, а не на словах, на личном контроле у самого Устинова. Да и Тяжельников с Грамовым по-иному беседовали бы с Бобровым. Незавидной оказалась бы доля бывшего командира атомной ракетной подводной лодки «К-172», несшей службу в восточной части Средиземного моря...

Но Бобров не стал беречь душу старца воспоминаниями о юности. И в этом был весь Бобров. Воспользоваться магической фразой «Я — Бобров», он мог когда требовалось помочь родным и друзьям, но не ради себя. Даже в разговоре с министром, оказавшись выброшенным на обочину жизни...

От Тяжельникова и Грамова Бобров приехал ко мне в редакцию. Я никогда не видел его таким подавленным, чуть ли не слезы появлялись в его глазах, когда он пересказывал слова высоких партийных начальников. Внимательно этот рассказ слушал неожиданно заглянувший на редакционный огонек Сергей Сальников, который был на три года моложе Боброва и считал того своим кумиром. Кто-то сбегал за водкой. Кто-то принес сардельки, без которых не было тогда ни одного буфета. Водка в граненых стаканах казалась обоим мастерам, не избалованным судьбой, лишенной градусов, будто минеральной водой.

Боброва вскоре «бросили» тренировать мальчишек, хотя он никогда в жизни не занимался с юными футболистами. Но он редко выходил на работу, больше имея дело с кардиологами. На 57-м году жизни умер.

Добили.

Вместо эпилога

Имя Боброва ныне носит специализированная детско-юношеская школа олимпийского резерва, готовящая в ЦСКА футболистов. В дни весенних школьных каникул, начиная с 1981 года, она стала проводить турнир памяти Всеволода Боброва с участием 15-летних игроков. В соревновании считают за честь выступать сильнейшие юношеские команды столицы, а также ряда городов России и ближнего зарубежья.

Лучший московский бомбардир в чемпионате России (СССР) по футболу награждается призом памяти Всеволода Боброва, установленным редакцией газеты «Вечерняя Москва».

По инициативе Николая Озерова с 1980 года начал разыгрываться приз памяти Всеволода Боброва для команды, забросившей наибольшее количество шайб в хоккейном чемпионате СССР. Его учредитель — Гостелерадио СССР. Сейчас речь идет о награждении самой результативной команды в чемпионате России. Нынешний учредитель — ОРТ.

Осенью 1998 года в Моршанске появилась мемориальная доска (на открытии присутство-

вала в полном составе футбольная команда ЦСКА), свидетельствующая, что здесь стоял дом, в котором 1 декабря 1922 года родился Всеволод Бобров.

По решению исполкома Моссовета, принятому в 1981 году, в Москве должна быть установлена мемориальная доска, напоминающая о Боброве.

К сожалению, его вдова не захотела появления памятной доски на доме, где тот жил в 1947—1979 годах. Она посчитала, что неуважительно вешать доску на здании, на первом этаже которого расположено несколько магазинов, а потому непрерывно течет равнодушный поток покупателей. Альтернативой был выбран Ледовый дворец ЦСКА, но его вскоре снесли. Возведение на том же месте новой арены затянулось на долгое время. Наконец в 1991 году дворец открылся, и с мемориальной доски в присутствии Шапошникова, последнего министра обороны СССР, спало полотно: перед зрителями, пришедшими на премьеру хоккейного представления, предстал изображенный в камне хоккеист с клюшкой — Всеволод Бобров. Текст гласил о том, что Бобров играл в такие-то годы за команды Вооруженных Сил. С момента решения исполкома Моссовета к тому времени минуло 10 лет..

Память о Боброве-футболисте осталась в камне неувековеченной.

А куда лучше было бы увидеть мраморную доску на доме, где Бобров провел 32 года, да еще по соседству с напоминанием, что здесь

жили три видных военачальника — герои Великой Отечественной войны!

И вновь вспоминается поэт:

И он останется счастливо
разбойным гением прорыва
бессмертный Всеволод Бобров.

Годы бессильны перед славой Боброва,
не изменившего спорту до последнего удара
сердца.

1979—1983. 1990. 1998—2002

Содержание

«На поле памяти народной»	3
Родом из курносого детства	7
Самый модный цвет в футболе	34
Звездочки на красных футболках	62
Гений прорыва	81
Всех покорившая шайба	111
«Спартак» — чемпион	128
Возвращение в хоккей	137
На горизонте — профессионалы	195
100 метких попаданий	223
Всякое лыко было в строку	239
Учитель и ученик	245
«Надо помочь. Бобров»	272
«...на свете два раза не умирать»	294
Добили!	303
Вместо эпилога	315

Литературно-художественное издание

Пахомов Владимир Николаевич

**ВСЕВОЛОД БОБРОВ —
ГЕНИЙ ПРОРЫВА**

(Серия «ОЛМА-СПОРТ»)

Зав. редакцией *Е.Н. Авадяева*
Редактор *В.И. Рубин*

Оформление переплета *Е. В. Поляков*
Фотографии на вклейках *М.Н. Боташева, А.Н. Бочинина,
Е.Н. Волкова, Л.Л. Глаголева, Г.В. Корабельникова,
Р.И. Федорова, Б.Р. Шмерца,*
из архивов автора и *Л. Г. Дмитриевской*

Художественный редактор *И.Н. Васильев*
Технический редактор *Л. П. Бирюкова*
Компьютерная верстка *Е. П. Терентьева*
Корректор *Н. К. Махалина*

Подписано в печать 18.07.02. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 3000 экз. Изд. № 02-4248. Заказ № 4961.

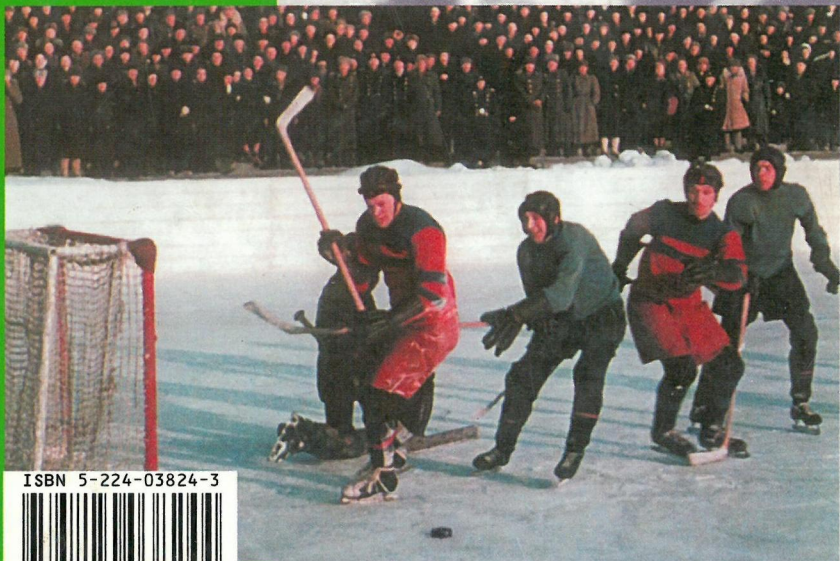
Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

В истории отечественного спорта место Всеволода Боброва неповторимо. Он – единственный в мире спортсмен, который стал капитаном сборных команд страны в двух видах спорта – футболе и хоккее, участником как летних, так и зимних Олимпийских игр. Ему не было равных и в русском хоккее. Многие мячи, забитые им на футбольных полях, часто оказывались решающими, причем в самых ответственных матчах. В хоккее не регистрируются рекорды, но некоторые результаты, показанные Бобровым, не превзойдены до сих пор.

Замечательный русский прозаик Юрий Нагибин писал: «Игра Боброва потрясала человеческое воображение. Это нечто большее – полет вдохновения, мобилизация скрытых возможностей, сила личности и характера».

Выпускник Военно-воздушной академии им. Ю. А. Гагарина и Ленинградского института физкультуры, заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР В. М. Бобров был удостоен высшей в СССР награды – ордена Ленина.

ISBN 5-224-03824-3

9 785224 038244 >

ОЛМА-СПОРТ